

ОТ КИММЕРИЙЦЕВ ДО КРЫМЧАКОВ

Историко-археологический
благотворительный фонд
"Наследие тысячелетий"

ОТ КИММЕРИЙЦЕВ ДО КРЫМЧАКОВ

*Народы Крыма
с древнейших времен до конца XVIII в.*

Издание второе,
переработанное и дополненное

Симферополь
Издательство «ДОЛЯ»
2004

ББК 63.3(4Укр-6Крм)
О 80

УДК 94(477.75)

Редакторы:

И. Н. Храпунов, доктор исторических наук;
А. Г. Герцен, кандидат исторических наук.

О 80 От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.). — 2-е изд., перераб. и доп. — Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2004. — 288 с., ил.

ISBN 966-8584-38-4

Книга представляет собой ряд очерков о народах, населявших Крымский полуостров с древнейших времен до конца XVIII в. Авторы, преимущественно ученые Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, в популярной форме рассказывают об истории этносов, проживавших и проживающих в Крыму. Книга предназначена для преподавателей, студентов, учащихся средних школ, всех интересующихся историей Крыма.

На 2-й странице обложки — сарматский всадник
(реконструкция А. Симоненко);

на 3-й странице обложки — «пещерный город» Чуфут-Кале.

ISBN 966-8584-38-4

© Фонд "Наследие
тысячелетий", 2004.

Предисловие к первому изданию

*Да, скифы мы. Да, азиаты мы
С раскосыми и жадными глазами...*
Александр Блок

*Мы не скифы и не азиаты.
(Да простит меня умница Блок).*
Константин Фролов

Идея этой книжки родилась в результате чтения появившихся в последние годы многочисленных работ, касающихся этнической истории Крыма. Интерес к истории народов, населяющих или населявших многонациональный регион, каковым является наш полуостров, вполне объясним. Понятно также стремление многих людей изложить свои мысли на бумаге. Хуже другое. Вряд ли найдется не знающий таблицы умножения человек, который рискнет объявить себя математиком и предложить решение какой-нибудь сложной теоремы. В гуманитарных науках, например, в истории, такая ситуация встречается сплошь и рядом. Прочитав две-три статьи о скифах и не подозревая, что на эту тему написаны тысячи книг, иной автор пускается в пространные рассуждения о происхождении этого народа, его истории и, что печальнее всего, о его потомках, якобы процветающих и в настоящее время. Проявляется, по-видимому, психологический феномен, в

соответствии с которым не очень образованные любители истории стремятся отыскать своих собственных предков в как можно более древних и как можно более знаменитых народах. При этом никого не привлекают малосимпатичные неандертальцы или описанные в самых мрачных тонах древними историками гунны, зато воинственных скифов или хазар готовы назвать своими пращурами представители многих современных народов. Существует и прямой политический заказ на доказательство автохтонности того или иного этноса, что, по мысли заказчиков, должно послужить обоснованием его особых политических прав.

Все эти тенденции печалат историков. С ними невозможно бороться, во всяком случае, методами, доступными науке. Однако можно предоставить заинтересованному читателю право выбора. На страницах этой книжки выступают историки и археологи, каждый из которых профессионально занимается историей того или иного этноса. Мы попросили их по необходимости кратко и по возможности популярно изложить историю населявших Крым народов. Очерки получились неодинаковые по объему, они сильно отличаются друг от друга стилем и манерой авторского изложения. Единственный общий принцип, которого неуклонно придерживались все авторы, заключается в том, что они строго следовали фактам. Это не научный труд, а всего лишь серия очень кратких и, мы надеемся, популярных, то есть легко доступных для любого образованного, но не имеющего специальной подготовки человека, очерков истории населявших Крым этносов. Тем не менее, читателю не грозит оказаться в плену авторских фантазий. Фактической стороне дела, повторим, они следовали строго.

На страницах этой книжки речь идет о народах, населявших Крым с древнейших времен до конца XVIII в. Ранняя хронологическая граница определяется первым упоминанием в письменном источнике об этносе, в ареал которого входил Крым. По мнению большинства современных исследователей, это были киммерийцы. Поэтому их именем назван первый очерк. Поздняя дата совпадает с присоединением Крыма к России. Эпохальное для истории полуострова событие привело, в частности, к резкому изменению этнической ситуации, но это уже тема для особого издания. Каждый очерк завершается небольшим списком литературы, с помощью которого читатели смогут бесконечно расширять свои познания об этнической истории Крыма.

Предисловие ко второму изданию

Первое издание этой книги оправдало наши ожидания. Она очень быстро разошлась. Мы, как и другие авторы очерков, выслушали и прочитали довольно много отзывов. Некоторые из них были полезны, иные вызывали улыбку из-за стремления вопреки фактам удревить или другим способом приукрасить историю того или иного этноса. В общем, подтвердилось главное — многие люди интересуются этнической историей Крыма. Судя по читательскому спросу, удачной оказалась и структура книги, состоящей из небольших популярных очерков. Поэтому мы решили предпринять второе издание. В нем появились три новых очерка — «Евреи», «Византийцы» и «Крымские

цыгане". Авторы исправили неточности, выявленные со времени выхода книги в свет. Заменены некоторые иллюстрации, добавлены новые. Надеемся, что новое издание не разочарует читателей.

Авторы и редакторы выражают свою искреннюю признательность директору фонда "Наследие тысячелетий" Анастасии Стояновой. Без ее организационных усилий не было бы возможно ни первое, ни второе издание.

Мы благодарим Институт античной археологии Техасского университета в Остине (США) и лично Г. Р. Мэка и К. Вильямса, сотрудников Национального заповедника "Херсонес Таврический" С. Г. Рыжова и Т. Ю. Яшаеву за предоставленные иллюстрации, а также Л. О. Гриненко и Ю. С. Рыжову за помощь в их подготовке.

И. Н. Храпунов, А. Г. Герцен.

КИММЕРИЙЦЫ

В. П. Власов

Удобное географическое положение Крымского полуострова, находящегося на пересечении путей из Европы в Азию, издавна делало его местом, где переплетались судьбы многих племен и народов. Несмотря на благоприятные природно-климатические условия, Крым был заселен довольно поздно — около 100 — 150 тысяч лет назад. Первобытные люди — неандертальцы — пришли сюда с материковой части нынешней Украины. Примерно 40 тысяч лет назад, с появлением людей современного физического типа — кроманьонцев, численность обитателей полуострова стала быстро увеличиваться, подтверждением чему служат многочисленные археологические памятники каменного и бронзового веков. Однако, из-за отсутствия письменных документов, этническая принадлежность оставивших эти памятники народов нам не известна. Ситуация изменилась в следующую эпоху, получившую название "ранний железный век" (IX в. до н.э. — IV в. н.э.). Именно к этой эпохе, когда люди овладели технологией производства железа и стали изготавливать из него значительно более производительные орудия труда и оружие, и относятся самые ранние упоминания древних авторов о живших в Крыму, да и вообще в Восточной Европе, народах. Первыми на страницы хроник попали киммерийцы, имя которых (этноним), начиная с VIII в. до н.э., неоднократно упоминалось в древнегреческих и древневосточных документах.

Пожалуй, раньше всех о киммерийцах написал великий греческий поэт Гомер в своих произведениях "Одиссея" и "Илиада". Рассказывая о долгом и полном при-

ключений путешествии Одиссея и его спутников, Гомер сообщает о народе и городе людей киммерийских. Страна эта находилась где-то на краю света, где все покрыто влажным туманом и мглой облаков, сквозь которые даже не пробивался солнечный свет. Вот так уныло в глазах древних греков выглядела родина киммерийцев — Северное Причерноморье. В “Илиаде” о киммерийцах прямо не сказано, но считается, что они скрываются здесь под названиями “доители кобылиц” и “млекоеды”. Внимательный читатель наверняка заметил, что в одном эпосе киммерийцы охарактеризованы как оседлое, городское население, а в другом — как скотоводы-кочевники.

Гораздо больше данных о киммерийцах содержится у известного древнегреческого историка Геродота, жившего в V в. до н.э. Он составил знаменитую “Историю” в девяти книгах, за которую заслужено получил почетное прозвище “Отец истории”. Четвертая книга этого сочинения почти полностью посвящена Северному Причерноморью и господствовавшим там скифам. Повествуя о них — победителях несокрушимой армии персидского царя Дария I — Геродот описал и те народы, с которыми скифы вступали в контакты. Благодаря этому нам и стало известно, что среди жителей Таврики, как тогда назывался Крым, были кочевники-киммерийцы, а также тавры — жестокие горцы, промышлявшие грабежом и пиратством.

Геродот упоминает киммерийцев, пересказывая одну из трех легенд о происхождении скифов. Когда-то киммерийцы населяли северный берег Черного моря и с тех пор здесь так и сохранились связанные с ними географические названия: область Киммерия, Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийские переправы, Киммерийские стены, город Киммерик и гора Киммерий. Но однажды в их земли вторглись вытесненные из Азии воинственные скифы-кочевники. Киммерийцы стали советовать: вступить ли им в сражение со скифами или же уступить грозной силе и покинуть свою страну. На

совете мнения разделились. Цари предлагали дать сражение, предпочитая умереть за свою землю, но народ, не желая подвергаться опасности, предложил уйти без боя. Так и не сумев договориться, киммерийцы разделились на две части и вступили в кровопролитную битву друг с другом. Многие в ней были перебиты, а оставшиеся в живых похоронили своих соплеменников и, покинув родину, ушли вдоль восточного берега Черного моря в Переднюю Азию.

Изображение киммерийских всадников
на этрусской вазе

Так начался переднеазиатский период в истории киммерийцев, о котором достаточно подробно сообщают уже древневосточные (ассирийские, вавилонские, древнееврейские) письменные источники. Они весьма многочисленны и речь в них идет о вооруженных столкновениях киммерийцев с Ассирией, Мидией, Лидией и Урарту. Для жителей этих стран киммерийцы или “гамирра”, как их называли, были пришедшими с севера дикими кочевниками, живущими грабежом и войной. Легко предавая и меняя союзников, нападая на богатые города, киммерийцы повсюду несли с собой смерть и разрушения. Конец киммерийскому владычеству в Передней Азии положили

их недавние враги — вторгшиеся сюда скифы. Потерпев от них ряд поражений, киммерийцы отступили в район города Синопа на юге черноморского побережья, а около 600 г. до н.э. их окончательно разгромил лидийский царь Алиатт. После этого киммерийцы сошли с исторической арены, но, несмотря на это, они до сих пор остаются одним из самых загадочных народов.

Причин тому несколько. Так, например, в соответствии с данными античной письменной традиции, киммерийцы жили в северопричерноморских степях, однако попытки уточнить территорию их обитания привели ученых к крайне противоречивым выводам. Большинство современных исследователей, вслед за Геродотом, полагают, что киммерийцы некогда были широко расселены от Дуная до Дона. Другие сужают их ареал до Северо-Западного Кавказа, а также до Таманского и Керченского полуостровов, иногда даже только до одного Керченского полуострова, поскольку с ним связаны практически все уже упоминавшиеся топонимы, имеющие отношение к киммерийцам. Существует гипотеза, в соответствии с которой киммерийцы никогда не жили в Северном Причерноморье, а их племенной союз сложился на землях современного Ирана, откуда они совершали свои грабительские походы в Малую Азию, Закавказье и Северное Причерноморье. Полагают также, что киммерийцы — это не этноним, а общее название передового подвижного отряда воинов-кочевников, в частности скифов, и, следовательно, такого народа как киммерийцы вообще не существовало.

Не решен до конца вопрос о языковой принадлежности киммерийцев, поскольку из их языка до нас дошло всего три слова. Это имена киммерийских царей Теушпа, Тугдамме (Лигдамис) и Сандакшатру. В свое время их считали фракийскими, кельтскими, германскими, славянскими и кавказскими, но сейчас лингвисты выводят эти имена из иранских корней, относя язык киммерийцев к

иранской группе индоевропейской языковой семьи.

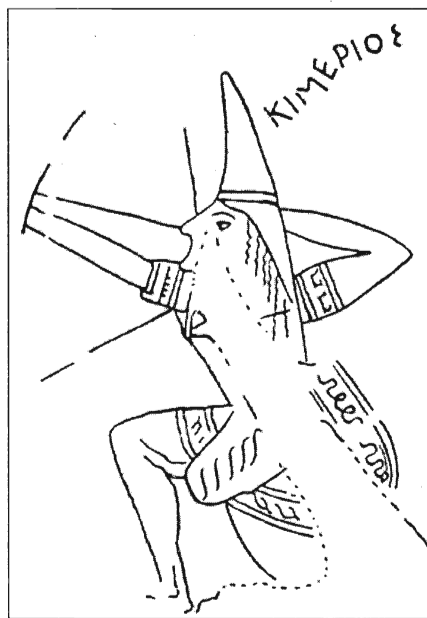
Разночтения с локализацией киммерийцев породили сохраняющуюся и поныне проблему выявления принадлежащей киммерийцам археологической культуры. Так, в Малой Азии, где киммерийцы несомненно жили в течение многих лет, нет ни одного оставленного ими памятника и поэтому нет того эталона, с которым можно было бы сравнивать памятники других территорий. Следуя указаниям Геродота, киммерийцев искали в Северном Причерноморье, пытаясь связать с ними катакомбную и срубную культуры эпохи бронзы. Однако, к IX в. до н.э. они прекратили свое существование, тогда как киммерийские памятники только лишь стали появляться в это время. В конечном счете, археологи условились считать киммерийскими разбросанные по степи кочевнические подкурганые погребения IX — первой половины VII вв. до н.э., которые по своему обряду и инвентарю отличаются от кочевнических древностей эпохи бронзы, а также от культуры появившихся в середине VII в. до н.э. скифов.

Связываемые с киммерийцами захоронения, а их насчитывается порядка 200, открыты на огромном пространстве от Дуная до Волги. Они совершались в прямоугольных или овальных ямах, большинство которых впущено в курганы, насыпанные в предшествующее время. Иногда стены могильной ямы обшивали деревом, из которого делали и перекрытие могилы. В погребениях содержатся останки воинов с оружием и деталями конской узда, а также с лепной лощеной посудой, куда помещалась заупокойная пища. Изредка вместе с умершим хоронили и его боевого коня. В отдельных случаях над могилой устанавливали каменные стелы в виде человеческой фигуры. Погребения такого типа, а на сегодняшний день их известно свыше 15, открыты и в степной части Крымского полуострова.

Археологические материалы из киммерийских погребений дают возможность реконструировать хозяйствен-

ный уклад, жизнь и быт этого кочевого народа. Основой хозяйства киммерийских племен было кочевое скотоводство, в котором доминировало разведение лошадей. Коневодство не только обеспечивало киммерийских воинов и пастухов “средствами передвижения”, но, если вспомнить “Илиаду”, снабжало их продуктами питания. Большую роль в жизни киммерийцев играли войны, открывавшие кочевникам широкие возможности в получении продуктов земледелия и ремесла. О переднеазиатских походах уже говорилось, но постоянное давление со стороны киммерийцев испытывало и северное оседло-земледельческое население лесостепи.

Кочевая жизнь киммерийских племен отразилась и на их внешнем виде. Сохранилось всего два изображения на расписных вазах VI в. до н.э., на которых, как считается, запечатлены киммерийцы. На этрусской вазе показаны киммерийские всадники, а на греческой — киммерийский

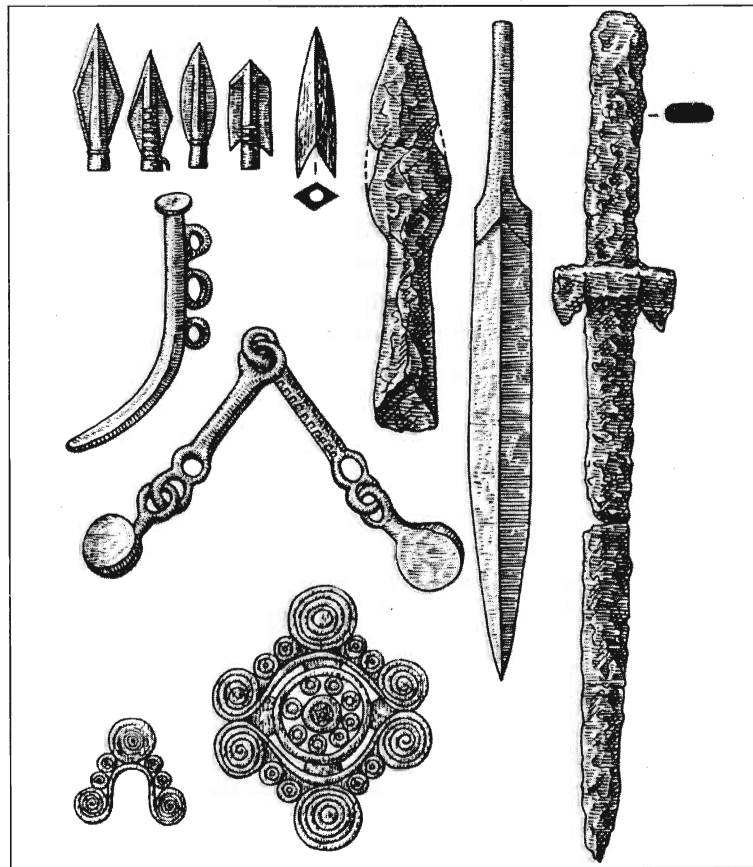

Изображение киммерийца
на греческой вазе

лучник. Одежда людей на этих изображениях полностью отвечает тем степным “стандартам”, которые были выработаны кочевыми условиями жизни. Киммерийцы одевались в удобные для верховой езды узкие штаны и приталенные рубахи с расширяющимися полами, на ноги обували мягкие сапожки с короткими голенищами, а головы покрывали высокими островерхими шапками-башлыками. Неотъемлемым кочевническим

компонентом является и конская сбруя, служившая для управления конем. Ее основные детали — это удила и псалии, которые очень часты в киммерийских могилах. Бронзовые удила фиксировались во рту лошади при помощи костяных и бронзовых трехдырчатых псалиев. Соединявшие их ременные уздечки украшались разнообразными бронзовыми или ажурными костяными накладками.

Военная специфика киммерийского быта отразилась в разработке и изготовлении первоклассных для своего

Предметы вооружения и конской сбруи
из киммерийских погребений

времени образцов вооружения и снаряжения боевого коня. Главным видом наступательного вооружения являлся мощный дальнобойный лук со стрелами, имевшими бронзовые двухлопастные наконечники. В ближнем бою киммерийцы использовали длинные (свыше 1 м) железные мечи, а также короткие кинжалы, имевшие иногда бронзовые рукояти. Изредка киммерийцы применяли и копья с железными наконечниками, но широкого распространения этот вид оружия не получил. Как свидетельствуют археологические находки и редкие изображения, киммерийцы представляли собой легковооруженную конницу. Какими-либо данными об использовании ими защитного вооружения наука не располагает, хотя не исключено, что перед боем киммерийцы могли облачаться в простые, но весьма эффективные кожаные доспехи, прикрываясь от неприятельских стрел и ударов мечей легкими щитами. Широкое распространение киммерийской конской упряжи и оружия является лучшим подтверждением их высокой эффективности и удачной конструкции.

Кочевниче-скотоводческий способ жизни отразился и на социальном развитии киммерийцев. Главной ценностью кочевников был скот, стада которого могли легко переходить из рук в руки вследствие вооруженных столкновений, засух и других причин, скапливаясь у наиболее предприимчивых и удачливых соплеменников. Им же перепадала и основная часть военной добычи, что приводило к имущественному и социальному расслоению киммерийского общества. О киммерийских вождях говорится в ряде письменных источников, например у Геродота, где они названы царями, а археологически это прослеживается в появлении захоронений военной аристократии, которые своим богатством заметно отличаются от основной массы рядовых погребений. В качестве примера можно привести крымское погребение знатного воина, исследованное в кургане у с. Целинное Джанкойского района. Похороненный здесь лежал в скорченном положении на

левом боку. За его головой стояла чернолощенная корчага, наполненная костями барана, оставшимися от заупокойной пищи. Под нижней челюстью умершего найдены две височные подвески в виде бараньих рогов, изготовленные из бронзы и обтянутые золотой фольгой. К поясу был подвешен железный кинжал, а в левую руку вложен точильный камень (оселок). При раскопках кургана обнаружена нижняя часть каменной стелы, на которой рельефом изображены пояс, заткнутый за него горит (футляр для лука и колчана со стрелами) с луком, а также подвешенные кинжал, оселок и крестообразное изделие неясного назначения.

Приведенные факты говорят о том, что киммерийцы находились на стадии перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу и государственности. Однако дальнейшее развитие этого процесса было прервано вторжением скифов, с которыми связан следующий этап истории Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. — СПб., 1993.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. — К., 1976.

Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. — Симферополь, 2003.

ТАВРЫ

В. П. Власов

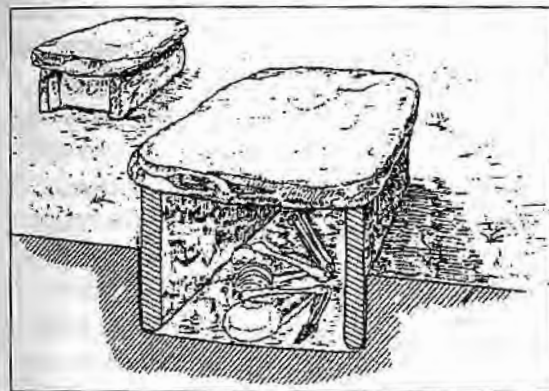
Многим из нас приходилось сталкиваться с названиями “Таврика”, “Таврида”, которые использовались и продолжают использоваться по отношению к Крыму. При этом не все знают, что появление этих географических названий имеет прямое отношение к народу, который по-праву может считаться крымским аборигеном, поскольку вся его история от начала и до конца неразрывно связана с полуостровом.

Прежде чем познакомиться с историей этого народа, скажем несколько слов о происхождении названий “тавры” и “Таврика”. Древнегреческое слово “*tauros*” переводится как “быки”. На этом основании делался вывод, что греки называли так местных жителей, поскольку у них существовал культ быка. Выдвигалось предположение, что крымские горцы называли себя каким-то неизвестным словом, созвучным греческому слову “быки”. Наконец, в соответствии с третьей версией, Тавром греки именовали горную систему в Малой Азии. Осваивая Крым, эллины, по аналогии с Малой Азией, называли Тавром и Крымские горы. От гор получил свое наименование живший в них народ (тавры), а также полуостров (Таврика), на котором они располагались.

Неоднозначно решался вопрос и о происхождении тавров. В письменных источниках имеются лишь косвенные указания об их автохтонности — это “туземный кочевой народ”. Авторы конца XIX века полагали, что тавры являлись потомками или ветвью киммерийцев, которых оттеснили в горы вторгшиеся в Крым скифы. Выдвигалась версия, что тавры сформировались на рубеже брон-

зового и раннего железного веков в результате смешения местных и пришлых, в частности, кавказских, племен. Лучше всего археологически обоснована точка зрения, согласно которой тавры как самостоятельный народ сложились в Крыму на основе местного населения эпохи поздней бронзы.

Самые ранние сведения о таврах, как о жителях Крыма, содержатся в “Истории” Геродота. Причем о них Геродот упомянул в связи со знаменитой скифо-персидской

Таврские каменные ящики
(реконструкция С. Мульда)

войной конца VI в. до н.э. Не чувствуя уверенности противостоять полчищам Дария I своими собственными силами, скифы призвали в союзники царей соседних племен. Одни

из них согласились помочь, другие, в том числе и тавры, — отказались, обвинив скифов в том, что не персы, а именно они являются зачинщиками войны. Сообщив о месте проживания тавров, а это Таврика — горная и предгорная часть Скифии, которая выдается мысом в Понт (Черное море) и простирается от Каркинитиды (Евпатория) до Скалистого (Керченского) полуострова, — Геродот описал также нравы и обычаи тавров: они приносят в жертву богине Деве потерпевших кораблекрушение и захваченных в море эллинов; ударяют жертву дубинкой по голове, тело сбрасывают со скалы в море, а голову насаживают на кол; головы своих врагов они отрубают и выставляют на длинных шестах над домами, называя эти головы стражем дома; живут они грабежами и войною.

После Геродота о таврах писали и другие античные авторы. Так, Псевдо-Скимн на рубеже III – II вв. до н.э. подчеркивал жестокость тавров и отметил, что они "... любят кочевую жизнь в горах". Как горцев-кочевников характеризовал тавров и поэт Никандр Колофонский (II в. до н.э.). Историк I в. до н.э. Диодор Сицилийский, восхваляя деяния боспорского царя Евмела (конец IV в. до н.э.) по очищению Черного моря от пиратов, перечислил среди пиратствующих народов и тавров. Его современник географ Страбон рассказал, что неподалеку от Херсонеса (Севастополь), в гавани Символов (Балаклавская бухта), тавры "... устраивают свои разбойничьи притоны..."

Бронзовые украшения и наконечники стрел из таврских погребений

и нападают на укрывавшихся в ней. Нападение тавров в I в. н. э. на потерпевших кораблекрушение римских солдат, которые почти полностью были уничтожены, описано римским писателем и историком Тацитом.

Читая произведения античных писателей, образованные люди России и других европейских го-

сударств начиная с конца XVIII в. стремились отыскать в горном Крыму следы жизни тавров. И они были найдены. На Главной гряде Крымских гор, а также на Южном берегу Крыма удалось открыть древние кладбища (могильники), состоящие из каменных ящиков длиной около 1,5 м, шириной и высотой — около 1 м. Они представляли собой конструкцию из поставленных на ребро двух длинных и двух коротких плит, перекрытых еще одной плитой сверху.

Кроме могильника Мал-Муз в Байдарской долине, все остальные горнокрымские памятники, а их порядка шестидесяти, разрушены и ограблены.

Каменные ящики использовались как коллективные семейные усыпальницы, куда умерших укладывали в скорченном положении на боку до тех пор, пока ящик не наполнялся доверху. После этого его освобождали от костей, оставляя лишь черепа (в одном ящике Мал-Муза их зафиксировано 68) и продолжали хоронить дальше. Вместе с умершим в могилу помещали разнообразные бронзовые украшения: нашивные бляшки, кольца, перстни, серьги, браслеты и нашейные гривны, а также бусы и раковины каури, привезенные из далеких южных морей. Значительно реже в каменных ящиках находят оружие и детали конской упряжи. Это бронзовые наконечники стрел, а также железные мечи-акинаки и удила, точно такие же, какими пользовались степняки-скифы.

По погребальному инвентарю все эти могильники датируются VI – V вв. до н.э., как раз тем временем, когда, согласно Геродоту, здесь обитали тавры. Однако, если места, где тавры совершали захоронения, известны, то где же жили свирепые горцы? На сегодняшний день в горном Крыму обнаружено всего одно связываемое с таврами поселение, которое расположено на горе Кошка у Симеиза. Его площадь составляет 1,5 га, на которых сохранились остатки небольших каменных домов. Редкость долговременных поселений в горной зоне, видимо, свидетельствует о достаточно подвижном образе жизни тавров, занимавшихся скотоводством, что хорошо согласуется с замечанием древних об их любви к кочевой жизни в горах. Какая-то часть тавров, очевидно, добывала средства к существованию разбоем, грабежами и пиратством. Последнее обстоятельство, кстати, породило неразрешимую до сих пор загадку. Куда подевались награбленные таврами ценности? Ведь именно ради них тавры нападали на греческие корабли, но из всех предметов античного производства в

таврских погребениях представлены только стеклянные бусы, рисковать ради которых вряд ли стоило.

Дальнейшие исследования крымских древностей, продолжившиеся уже в советское время, позволили выявить новые поселения в предгорной части полуострова. Происходившие из их раскопок находки отличались заметным архаизмом. Это обычные для памятников каменного и бронзового веков кремневые скребки, шлифованные каменные топоры и костяные иглы-проколки. Но очень колоритная лепная лощеная посуда, украшенная врезным геометрическим орнаментом, иногда инкрустированным белой пастой, прежде известна не была. В 1920-х гг. выдающийся археолог Г. А. Бонч-Осмоловский объединил все поселения этого типа в одну группу, которая по месту первых раскопок в урочище Кизил-Коба получила название «кизил-кобинская культура».

Подобные поселения впоследствии были открыты по всей предгорной полосе от Севастополя до Феодосии. Лучше всего исследованы поселения Кизил-Коба, Симферопольское, Ашлама-Дере, Уч-Баш, Инкерманское. Часть этих поселений была застроена полуземлянками и небольшими наземными жилищами каркасно-столбовой конструкции с глинобитными стенами. Рядом с постройками располагались многочисленные (до 100) хозяйственные ямы, предназначенные для хранения продовольственных припасов и сброса бытовых отходов. По редким костяным и бронзовым наконечникам стрел, предметам конской сбруи и украшениям, а также по единичным образцам греческой гончарной посуды кизил-кобинская культура датируется VIII – началом III вв. до н.э.

Обнаружив поселения, археологи стали искать могильники, на которых жители этих населенных пунктов хоронили своих умерших. Поиск увенчался успехом. Они были найдены рядом с поселениями, причем эти могильники, так же как и в горах, представляли собой скопления каменных ящиков. В отличие от горнокрымских таврских,

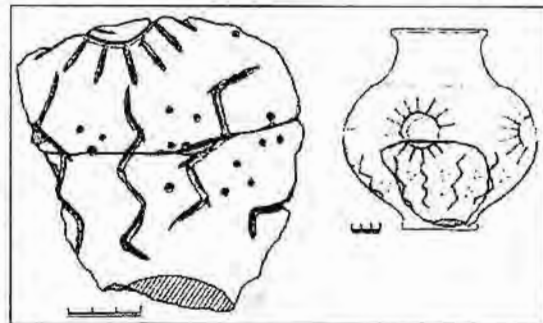
каменные ящики предгорий не столь монументальны, их стенки состоят не из одной цельной плиты, а сложены из нескольких камней, а число погребенных в них колеблется от 1 до 23, чаще всего — 2–4. В кизил-кобинских могилах представлена такая же, как и на поселениях, посуда, оружие и конская узда киммерийского и скифского облика, а также бронзовые украшения, подобные тем, что известны в горах и на Южном берегу.

Материалы раскопок позволили сделать вывод, что население, оставившее кизил-кобинскую культуру, являлось оседлыми земледельцами, пастухами и собирателями, что подтверждается находками зерен пшеницы, ячменя, фасоли и гороха, а также огромного количества костей коз, овец, коров и свиней. Вспомогательную роль в их хозяйстве играла охота, а в приморских районах — рыбная ловля и сбор съедобных моллюсков.

С открытием кизил-кобинской культуры возникла необходимость выяснить ее этническую принадлежность и соотношение с таврской культурой. Первым кизил-кобинскую культуру с историческими таврами связал Г. А. Бонч-Осмоловский. Действительно, по такому показателю как

использование для захоронений каменных ящиков и по найденному в них инвентарю могильники предгорного и горного Крыма очень похожи.

Далее, в письменных источниках V – II вв. до н.э. среди обитателей этой части полуострова не названы никакие другие народы, кроме тавров, а своих соседей-варваров греки знали очень хорошо.

Фрагмент и реконструкция сосуда из поселения Кизил-Коба

Однако, имеются основания считать, что кизил-кобинская культура не имеет отношения к таврам и оставлена другим народом, название которого не сохранилось. Так, кизил-кобинцы занимали предгорья, а тавры — горы, при этом, в предгорьях преобладают поселения, существовавшие с VIII по III вв. до н.э., а в горах — могильники, функционировавшие в VI — V вв. до н.э. Кизил-кобинцы были пастухами и земледельцами, тогда как тавры — кочевниками, грабителями и пиратами.

При сохраняющейся спорности вопроса, большинство ученых считает, что и кизил-кобинская, и таврская культуры принадлежат таврам. Имеющиеся несоответствия в особенностях экономики, образе жизни и культуре населения гор и предгорий обусловлены различной природно-географической средой обитания, а отличия во времени бытования кизил-кобинской и таврской культур объясняется тем, что по невыясненным пока причинам в VI в. до н.э. часть тавров переселилась из предгорий на Главную гряду и Южный берег Крыма, а в IV в. до н.э. произошла их обратная миграция.

Отмеченная выше малочисленность импортных греческих находок на таврских памятниках говорит о замкнутости тавров и их нежелании вступать в торговые или иные контакты с эллинами. Однако, в некоторых случаях тавры становились жителями античных городов. Типичные кизил-кобинские сосуды с черной блестящей поверхностью и врезным декором найдены на Боспоре, в Керкинитиде и Херсонесе. Греки такую посуду не делали, поэтому ее появление в античных городах связано с проникновением крымских туземцев, скорее всего женщин. Выделкой лепной посуды, как правило, занимались именно женщины и молодые неженатые греки-колонисты могли брать их себе в жены. Кроме женщин, жителями греческих полисов становились и тавры-мужчины. Так, из столицы Боспорского царства Пантикапея происходит надгробие V в. до н.э. со следующей надписью: "Под этим памятником лежит муж,

для многих желанный, родом тавр. Имя его Тихон". Варвар, носивший чисто греческое имя и удостоенный посмертной эпитафии, несомненно являлся полноправным членом эллинской гражданской общины. Однако, видимо не все тавры занимали столь высокое положение. Основная их масса имела статус рабов и других социально зависимых категорий населения.

Значительно более тесные отношения установились между таврами и появившимися в Крыму скифами, нередко сопровождавшиеся смешанными браками между представителями двух народов. Об этом говорят парные подкурганые погребения, в которых мужчина-воин со скифским оружием лежит вытянуто на спине, а рядом с ним скорченно на боку лежит женщина с таврскими украшениями и посудой.

О религиозных представлениях тавров, кроме упомянувшегося культа богини Девы, известно не много и судить об этом можно по находкам в некоторых крымских пещерах. В пещере Ени-Сала II стоял сталагмит, увенчанный рогатым черепом козла, вокруг которого были разбросаны обломки кизил-кобинских сосудов. В одном из залов пещеры МАН, где также найдена таврская керамика, обнаружено изображение человеческого лица с крестом над ним, который, как считается, символизирует солнце. Поскольку сырые, холодные и темные пещеры мало пригодны для жилья, ученые полагают, что это таврские святилища, где отправлялись земледельческо-скотоводческие культы. С культом плодородия связаны примитивные глиняные фигурки людей и животных, обнаруженные в хозяйственных ямах поселения Шпиль.

Как мы знаем, самые поздние таврские памятники прекратили свое существование в IV или в начале III в. до н.э. Но совсем не значит, что к этому времени тавры исчезли совсем. Кроме рассказа Тацита о нападении тавров на римских солдат в 49 г. н.э., о сохранении таврского компонента среди населения Крыма в I — II вв. н.э. сви-

детельствуют надписи. В двух из них, датирующихся началом I в. н.э., прославляется боспорский царь Аспург, который “подчинил скифов и тавров”. Из надписи на херсонесском надгробии I или II вв. н.э., поставленном над могилой двух вольноотпущенников, явствует, что один из них — врач Ведий Трепт — был убит таврами.

Для объяснения того, что же произошло с таврами, предлагается следующая версия. По-видимому, к IV в. до н.э. какая-то часть таврского населения, волею судеб оказавшаяся в античных городах, “растворилась” среди греков. Другая, значительно большая часть крымских аборигенов, вошла в состав жителей позднескифских поселений. Как раз в это время скифы-кочевники переходили к оседлости, создавая в предгорьях свои долговременные населенные пункты. Постепенно, под воздействием численно превосходящих и более развитых скифов, тавры утратили специфические особенности своей культуры и стали совершенно “неуловимыми” археологически. Процесс поглощения (ассимиляции) скифами тавров нашел отражение в письменных и эпиграфических документах. Например, на рубеже эр для обозначения варварского населения Крыма в них, наряду со скифами и таврами, употребляются и новые названия “тавро-скифы” или “скифо-тавры”. Окончательная ассимиляция тавров, когда они перестали существовать как отдельный этнос, очевидно, завершилась ко II – III вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. — М., 1981.

Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. — К., 1996.

Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. — К., 1965.

Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. — Симферополь, 2003.

СКИФЫ

В. В. Масякин

Народ сильный, народ, языка которого ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его как открытый гроб; все они — люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой; съедят сыновей и дочерей твоих... разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься.” Так говорится в Библии, в книге пророка Иеремии, о могущественных северных кочевниках, которые, преследуя киммерийцев, в 70-е гг. VII в. до н.э. ворвались в Переднюю Азию, содрогнувшуюся перед их силой и жестокостью. Вавилоняне и ассирийцы называли их ишкуза, греки — скифами, сами же себя они именовали скелотами.

Очевидцев событий и древних историков волновал вопрос о происхождении этого грозного народа. Греческий историк V в. до н.э. Геродот изложил три версии о происхождении скифов, две из которых имеют мифологический характер, а в третьей говорится, что скифы пришли из глубин Азии. Отсутствует единая точка зрения и среди современных ученых. Соглашаясь в том, что скифы являлись частью огромного мира ираноязычных кочевников степей Евразии, одни из них связывают происхождение скифов с Северным Причерноморьем, другие полагают, что скифы пришли из восточных ареалов этого мира. Так или иначе, в VII в. до н.э. скифы населяли степи Северного Причерноморья и Предкавказья, с этого же времени жили они и в Крыму.

В 70-х гг. VII в. до н.э. скифы вторглись в Переднюю Азию, заключая и вероломно нарушая союзы, опустошая грабительскими походами Месопотамию, Сирию, Палес-

тину, доходя до границ Египта. Конец скифскому владычеству в Азии положил кровавый пир у мидийского царя Киаксара, который, пригласив множество скифов с их вождями, предательски умертвил их. Побежденные должны были вернуться туда, откуда пришли, — в Скифию.

В 512 г. до н.э. скифы выступают уже не в роли завоевателей, а в роли защитников своей земли: в Скифию вторглась огромная армия персидского царя Дария I. Скифы показали себя искусными воинами и заставили персов спасаться бегством. Несомненно, в этой войне важную роль сыграли и жившие в Крыму скифы. Мы знаем, что скифы делились на несколько племен, в Крыму же обитали царские скифы — "... самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными".

Скифы, завоевавшие славу непобедимых степных воителей, вызывали неизменный интерес у своих соседей, в первую очередь, греков, с которыми они поддерживали разносторонние контакты, в том числе торговые. Греческие мастера, изготовлявшие по заказу скифских вождей предметы в характерном для скифов зверином стиле, несомненно стремились постичь их внутренний мир и образ жизни и передать в своих произведениях. Попытаемся и мы, используя сведения древних историков, данные археологии и наблюдения этнографов за жизнью кочевых народов, представить картину, которая открывалась современнику, встретившему в степи кочующих скифов.

... Еще издали бросалось в глаза огромное облако пыли и был слышен скрип колес кибиток и нарастающий гул от тысяч копыт, по мере приближения доносился труднопереносимый запах. Постепенно из пыли становились различимы огромные стада овец, коров и лошадей, и многочисленные бородатые длинноволосые всадники в остроконечных шапках, с копьями в руках. К поясам их были подвешены обоюдоострые мечи-акинаки, колчаны со стрелами и гориты с луками. Наиболее знатные скифы выде-

лялись блестящими на солнце панцирями из нашитых на кожаную основу тысяч железных чешуек, некоторые имели

Скифские воины V в. до н.э.
(реконструкция М. Горелика)

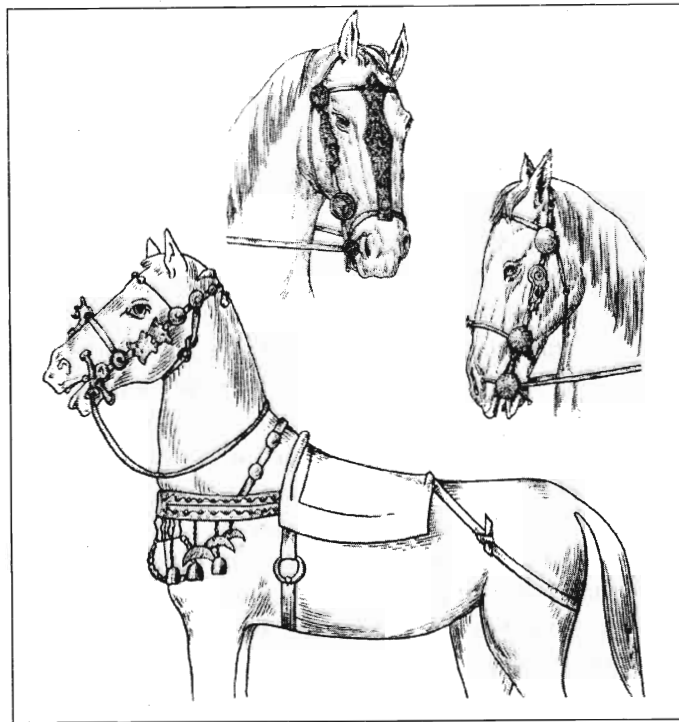
бронзовые шлемы и поножи греческой работы, шею их украшали золотые гривны, а одежда была обшита сотнями золотых бляшек. Конская сбруя, ножны мечей и гориты для луков были покрыты золотыми обкладками, искусно украшенными греческими ювелирами. Вблизи поражали страшные трофеи: подвешенные к узде лошадей скальпы, снятые с убитых врагов, использовавшиеся как полотенца, и чаши на поясе, сделанные из черепов, а не-

которые ехали с растянутой на шестах кожей, снятой с врага. В кибитках, являвшихся для скифов домом, передвигались дети и жены. Женщины носили свободные длинные платья и одеяния в виде халатов с длинными рукавами. Костюм их дополняли ожерелья и браслеты, составленные из ярких бус, разнообразные украшения из бронзы и серебра. Знатные женщины носили золотые диадемы, перстни, браслеты, ожерелья, серьги, некоторые из которых являлись настоящими произведениями искусства греческих мастеров. Скифянки обильно использовали благовония и румяна, накладывая их на щеки и на лоб.

Проезжая по степи, современник, если ему посчастливилось, мог встретить грандиозные курганы, насыпанные над могилами царей, окруженные по периметру десятками неподвижных всадников. Приблизившись, можно было увидеть, что умерщвленные люди и лошади укреплены на специальных деревянных конструкциях. Греки знали, что это наиболее усердные слуги, принесенные в жертву в ходе церемоний, проводившихся через год после погребения царя и сопровождавшихся поминальными трапезами. По подсчетам археологов, сделанным при изучении одного из царских курганов, во время поминального пиршества было съедено мясо 35 коней, 14 кабанов и 2 оленей, а принимать участие в трапезе должно было не менее 1300 человек. Известны царские курганы и в Крыму: Куль-Оба на Керченском полуострове, раскопанный в 1830 г. и содержавший богатейшие мужское и женское погребения, и Чаян, находившийся близ Евпатории и разграбленный в 1880 г.

Можно без преувеличения сказать, что находки из Куль-Обы получили всемирную известность. Курган располагался в нескольких километрах от Керчи. Его насыпь, сложенную из камня и достигавшую 10 м в высоту, разбирали солдаты, добывая материал для строительства. 22 сентября 1830 г. Поль Дюбрюкс, долгие годы изучавший древние памятники Керченского полуострова, а в то

время наблюдавший за работами на кургане, обнаружил под насыпью большой каменный склеп с высоким уступчатым сводом и коротким коридором-дромосом, ведущим в камеру. В гробнице находилась деревянная конструкция, возможно, большой саркофаг, в котором был похоронен скифский царь. На голове погребенного сохранились остатки остроконечного головного убора из войлока,

Скифская конская упряжь IV в. до н.э.
(реконструкция В. Ильинской и Б. Мозолевого)

украшенного золотыми бляшками. На шею была надета массивная золотая гривна, концы которой украшали фигурки скифских всадников, а на руки — пять золотых браслетов. Костюм царя был расшит золотыми бляшками. Вместе с ним в гробницу поместили массивную золотую чашу и украшенное золотом парадное оружие — меч,

горит для лука, а также бронзовые поножи. На ножнах меча сохранилось выгравированное имя греческого мастера. Рядом с царем открыто женское погребение, сопровождавшееся множеством золотых украшений. На черепе обнаружена электрическая диадема, на шее — золотая гривна с концами в виде львиных голов и ожерелье, на руках — браслеты. Особенно выделяется пара золотых подвесок с изображением головы богини Афины, которое является копией головы скульптуры, созданной великим греческим скульптором Фидием, украшавшей Парфенон на афинском акрополе. Кроме этого, в погребении найден электрический кубок с изображениями скифских воинов. Древним художником с этнографической точностью передан внешний облик и костюм скифов. Вместе с царем похоронили его телохранителя, с которым положили оружие и доспехи: два копья с железными наконечниками, бронзовый шлем и поножи. Помимо этого, в гробнице найдены серебряные, бронзовые и глиняные сосуды. Из-за того, что со свода гробницы во время раскопок рухнуло несколько плит перекрытия, работы на время были приостановлены. Этим воспользовались грабители, проникшие ночью в склеп. Они вскрыли плитовый пол гробницы и обнаружили тайник, содержащий множество украшений и предметов, большую часть из которых злоумышленники переплавили в слитки. Количество драгоценностей, найденных грабителями, было столь велико, что по воспоминаниям современников, еще долгие годы многие керченские дамы носили мелкие украшения из Куль-Обы. У грабителей удалось выкупить лишь несколько вещей, в том числе замечательную золотую бляху в виде оленя, служившую украшением щита, и бронзовую гривну с золотой плакировкой с изображениями львов на концах.

Наивысшего расцвета Скифия достигла в IV в. до н.э. во время долгого правления царя Атея, объединившего под своей властью все племена Скифии от Дуная

до Дона. После гибели Атея в битве с македонским царем Филиппом II, отцом Александра Великого, Скифия более никогда не достигала былого величия. По ряду невыясненных до конца причин скифы покидают причерноморские степи и концентрируются на Нижнем Днепре и в Крыму. Они переходят к оседлому образу жизни и становятся земледельцами. В предгорном Крыму возникает множество поселений. Наиболее крупное из них, являвшееся столицей, расположено на окраине Симферополя и носило, по мнению большинства ученых, название Неаполь. Город защищали мощные стены и башни, а на площади возле городских ворот располагался комплекс зданий, являвшихся царской резиденцией и культовым центром столицы. Скифские цари и знать постепенно воспринимали эллинскую культуру. Этому способствовали и династические браки с правящим домом Боспорского царства.

Наиболее яркие события в истории скифов позднего периода связаны с именем царя Скилура, правившего во второй половине II в. до н.э. К этому времени скифы захватили греческие поселения на западном побережье Крыма, подчинили греческий город Ольвию на берегу Днепро-Бугского лимана и угрожали Херсонесу, руины которого открыты близ современного Севастополя. Археологам посчастливилось открыть захоронение этого выдающегося царя, похороненного в каменной гробнице мавзолея, построенного у ворот скифской столицы. Вместе с телом царя в гробницу опустили его шлем и оружие, золотые украшения, детали костюма и, возможно, свернутый стяг, обшитый золотыми бляшками. Рядом с гробницей положили убитых четырех лошадей и собаку.

Жители Херсонеса, не в силах более сдерживать натиск скифов, обратились за помощью к Митридату VI Евпатору, царю Понта — государства в Малой Азии. Это совпало с намерениями царя, мечтавшего объединить все народы, живущие вокруг Черного моря, в единое госу-

дарство и направить всю его мощь на борьбу с Римской республикой. Высадившийся с понтийской армией полководец Митридата VI Диофант в нескольких сражениях разбил войско скифов во главе с сыном Скилура Палаком. В 1878 г. в Херсонесе был найден постамент статуи,

Скифский царь
(реконструкция А. Симоненко
по материалам мавзолея Неаполя скифского)

воздвигнутой благодарными херсонеситами Диофанту, с надписью. В надписи подробно излагается ход войны со скифами. В ней сказано, что Диофант, прибыв в город, принял на себя ведение войны. “Когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и [таким образом] сделал то, что царь Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей; подчинив себе окрестных тавров и основав город на [том] месте, он отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места и, взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору; за что благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров.

Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал с войском Диофанта, хотя время склонялось к зиме, Диофант со своими воинами и сильнейшими из граждан двинулся против самых крепостей скифов, но, будучи задержан непогодами и поворотив в приморские местности, овладел Керкинитидой и Стенами и приступил к осаде жителей Прекрасного Порты; когда же Палак, полагая, что время ему благоприятствует, собрал всех своих и, кроме того, привлек на свою сторону народ ревксианов [по другим источникам — сарматское племя роксоланов], постоянная покровительница херсонесцев Дева, и тогда, содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме знамений предзнаменовала имеющее свершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, впоследствии для царя Митридата Евпатора победа славная и достопа-

мьяная на все времена: ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие". Пользуясь плодами победы, Диофант в начале весны обрушился на скифские крепости Хабеи и Неаполь и окончательно покорил скифов.

Скифы вынуждены были подчиниться понтийскому царю и принять участие в далеких походах и грандиозных битвах с римскими армиями в Греции и Малой Азии. Вероятно, немногие из них вернулись с полей сражений. Лишь после поражения и смерти царя Митридата в 63 г. до н.э. скифы обрели независимость.

События скифской истории первых веков нашей эры известны отрывочно и реконструируются в основном по археологическим данным. Материалы раскопанных археологами поселений позволяют воссоздать картину повседневной жизни поздних скифов: их занятия, типы построек и оборонительных сооружений, утварь, которой они пользовались, их религиозные представления. Рядом с поселениями располагались могильники, на которых изучены различные конструкции погребальных сооружений. Наиболее характерной чертой позднескифского погребального обряда являлось использование для многократных захоронений семейных усыпальниц, представляющих собой выкопанные в земле или высеченные в скале склепы, входные ямы которых забивались камнями. Умерших сопровождали предметы, которыми они пользовались при жизни и которые должны были служить им в потустороннем мире: сосуды из глины (амфоры, краснолаковая и лепная посуда) и стекла, детали костюма и украшения (фибулы-застежки, пряжки, браслеты, перстни, серьги, многочисленные бусы), орудия труда и, изредка, оружие.

Из немногочисленных отрывочных сведений письменных источников мы знаем, что в первые века нашей эры скифы по-прежнему неоднократно угрожали Херсонесу и вели частые войны с Боспорским царством, завершивши-

еся для них в конце II в. н.э. поражением и подчинением боспорским царям.

В середине III в. н.э. в Крым вторгаются готы и другие германские племена. Почти одновременно предгорья заселяют воинственные аланы. В это время погибают скифские поселения и скифы как этнос прекращают существование.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю. Скифская хроника. — СПб., 1992.
 Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.) — Л., 1974.
 Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. — Новосибирск, 1977.
 Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII — IV вв. до н.э. — К., 1983.
 Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. — К., 1990.
 Ольховский В. С., Храпунов И. Н. Крымская Скифия. — Симферополь, 1990.
 Черненко Е. В. Скифо-персидская война. — К., 1984.
 Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М., 1975.

САРМАТЫ

В. В. Масыкин

В то время, когда скифы еще безраздельно властвовали в причерноморских степях, к востоку от них, за Доном, кочевали близкие по языку и образу жизни племена, которые греки называли савроматами, а затем — сарматами. Геродот сохранил легенду о происхождении савроматов. Согласно легенде, после битвы между амазонками и греками при Фермодонте (река в Малой Азии), победившие греки переправлялись через Черное море на трех кораблях вместе с пленными амазонками. Во время плавания амазонки перебили мужчин, но, не умея управлять кораблями, по прихоти волн и ветров прибыли к берегам Меотиды (Азовское море) в земли свободных скифов. Здесь они вступили в войну со скифами. Скифы же, завладев после битвы трупами амазонок, увидели, что это женщины и решили больше с ними не сражаться, а послать юношей, чтобы те вступили с амазонками в брак. Амазонки согласились, выдвинув следующее условие: “Мы не могли бы жить вместе с вашими женщинами, ведь у нас и у них разные обычаи. Мы стреляем из лука и мечем дротики; и ездим верхом, женским же работам мы не обучены. А ваши женщины не делают ничего из того, что мы перечислили, но, оставаясь в повозках, занимаются женским трудом, не выезжая на охоту и вообще никуда. Так вот, мы не можем ладить с ними. Но если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и чтобы вы могли считать себя справедливыми, то, придя к родителям, получите свою часть имущества и затем, когда вернетесь, будем жить сами по себе”. Амазонки попросили своих мужей переселиться из Скифии за реку Танаис (Дон),

объясняя эту просьбу тем, что их страшит мысль об обитании в стране, которой они принесли многие беды. Юноши

согласились. “Прибыв в ту местность, в которой они теперь обитают, они заселили ее. И с того времени жены савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту на лошадях и вместе с мужьями, и отдельно от мужей; они также ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья”. Далее Геродот сообщает, что говорят савроматы на испорченном скифском языке. “Относительно брака у них установлено следующее: никакая девушка не выходит замуж прежде, чем не убьет мужчину из числа врагов. Некоторые из них, не способные исполнить обычай, умирают в преклонном возрасте, прежде, чем выйти замуж”.

В 512 г. до н.э., когда в Скифию вторглась армия пер-

Знатная сарматская женщина I в. н.э.
(реконструкция А. Симоненко)

сидского царя Дария I, савроматы откликнулись на призыв скифов и вступили в войну с персами, закончившуюся поражением последних.

Позже сарматы, по словам древнегреческого историка Диодора Сицилийского, "... сделались сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню".

Современные ученые высказывают сомнения в том, что переселение сарматов в Северное Причерноморье имело завоевательный характер и допускают, что они занимали оставленные скифами к III в. до н.э. территории.

Древние писатели называют несколько сарматских племен: роксоланов, языгов, аорсов, сираков, аланов и других. Их отношения с жившими в крымских предгорьях скифами были порой враждебными, порой — мирными и даже союзническими. Сохранилась легенда об Амаге, жене сарматского царя Медоссака, которая, желая помочь союзному Херсонесу, притесняемому скифами, с небольшим отрядом в 120 человек преодолела огромное расстояние и, ворвавшись в скифскую ставку, убила царя, "а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и помня о смерти отца, не трогать соседних эллинов и варваров".

Во время войны скифов с понтийским царем Митридатом VI в конце II в. до н.э. роксоланы, возглавляемые Тасием, выступили на стороне скифов. По словам Страбона, они "... пришли на помощь Палаку, сыну Скилура, и считались воинственными. Однако любая варварская народность или толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае, роксоланы числом около 50 000 человек не могли устоять против 6000 человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены. У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетен-

ные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч".

Потерпевшие поражение в войне скифы подчинились понтийскому царю. В составе армии Митридата они вынуждены были принять участие в войнах Понтийского царства с Римской республикой, длившихся до 63 г. до н. э. Среди союзников Митридата античные историки называют и сарматов.

Описанные события II — I вв. до н. э. находят отражение и в материалах, полученных в результате археологических исследований. В это время в Северном Причерноморье получает распространение своеобразное явление, иногда условно называемое археологами "всадническими кладами". Эти клады представляют собой наборы вещей, которые чаще всего находят в насыпях курганов или на природных возвышенностях. В их состав почти всегда входят детали конской сбруи, среди которых выделяются фалары — серебряные или бронзовые, часто богато орнаментированные, бляхи, служившие для украшения лошадей. Кроме этого, характерны бронзовые котлы, серебряная и бронзовая посуда, оружие (чаще всего — наконечники копий и стрел). Нередко встречаются шлемы античного, преимущественно, италийского производства. Выказывалось предположение, что последние являются трофеями, захваченными у римлян сарматскими союзниками Митридата, вернувшимися из походов. К этой группе памятников относится и погребение, раскопанное в Крыму в кургане возле села Чистенькое, причем в данном случае впервые вещи, характерные для "всаднических кладов", были найдены в погребальном комплексе. Погребение воина было совершено в катакомбе — подземной камере, в которую вела входная яма. На дно последней положили лошадь с набором сбруи. Вместе с воином поместили оружие — меч, копье, два дротика, стрелы. Кроме этого, найдены керамические сосуды, железная пряжка, золотое кольцо, бусы и другие предметы. Погребение

воина-всадника, сочетающее в погребальном обряде и инвентаре как позднескифские, так и сарматские черты, ярко отражает рассматриваемую эпоху.

После переселения сарматов за Дон в Причерноморье появляются погребения, совершенные в курганах, некоторые из которых выделяются исключительным богатством. Одно подобное погребение изучено и в Крыму, в Ногайчинском кургане (Нижегородский район). Похороненная в деревянном расписном саркофаге женщина сопровождалась многочисленными драгоценными украшениями и предметами, поражающими мастерством исполнения, многие из которых являются настоящими произведениями искусства. Среди последних особенно выделяется пара золотых браслетов с напаянными золотыми проволочками, на которых нанизаны многочисленные жемчужины и бусы из стекла и оникса. Концы браслетов завершаются парными скульптурными композициями в виде фигурок обнимающихся Эроса и Психеи. Между головами фигурок на шарнирах укреплен замок, состоящий из граненой пластины, в центре которой укреплен цветной камень. Несомненным шедевром ювелирного искусства является застежка в виде дельфина из горного хрусталя и золота. Интересна массивная золотая гривна из свернутого в три витка прута, каждый из концов которого украшен рельефными изображениями в виде трех крылатых фантастических существ — грифонов. Туловища грифонов орнаментированы вставками из синего стекла. Гривна, помимо своих художественных достоинств, примечательна и тем, что представляет собой один из крайне немногочисленных в Крыму образцов сарматского звериного стиля. Это стиль, отличающийся от скифского рядом особенностей в изображении животных и, в первую очередь, применением полихромии — использования вставок из цветных камней, чаще всего, бирюзы (в некоторых случаях, синего стекла, кораллов). Иногда сарматский звериный стиль называют золото-бирюзовым.

Множество изделий, выполненных в этом стиле, найдено в захоронениях сарматской знати, раскопанных археологами на Нижнем Дону, в Прикубанье и Поволжье. Впервые подобные находки стали известны в начале XVIII в., когда благодаря указу Петра I, часть драгоценных украшений, которые находили кладоискатели в древних по-

Сарматский вождь I в. н.э.
(реконструкция А. Симоненко)

гребениях, стали доставлять в Петербург. Так образовалась коллекция, получившая название Сибирской. Однако, среди ученых нет уверенности в том, что все эти предметы найдены в Сибири. Особенно важное значение для понимания происхождения сарматского звериного стиля имело неожиданное открытие археологов, сделанное в 1978 году в Афганистане на холме Тиля-Тепе. Здесь ученые, изучавшие поселение бронзового века, случайно обнаружили несколько богатейших погребений I в. н. э., принадлежавших, вероятнее всего, представителям царского рода, правящего ираноязычными племенами, создавшими Кушанскую державу. Среди многочисленных драгоценных изделий, найденных в этих захоронениях, выделяются украшения из золота с бирюзовыми вставками, удивительно близкие находкам из сарматских курганов Северного Причерноморья. В этой связи высказывались предположения о возникновении золото-бирюзового стиля на Востоке и восточном происхождении людей, которые принесли изделия, выполненные в этом ювелирном стиле, в Северное Причерноморье. Были высказаны мнения и об этнической принадлежности этих людей: одни исследователи видели в них аорсов, другие — аланов. Однако окончательно эта проблема не решена. Как бы то ни было, безусловно, женщина, погребенная в Ногайчинском кургане, занимала очень высокое положение в своем племени.

С I в. н.э. сарматы начинают проникать в предгорный Крым и селиться рядом со скифами. Во многих случаях сарматы хоронили своих умерших на тех же некрополях, что и скифы. Характерной чертой сарматского погребального обряда являлось использование для захоронений подбойных могил. Последние представляли собой прямоугольную или овальную в плане входную яму, в длинной стенке которой устраивали подбой. После помещения в подбой умершего камеру закрывали плитами, а входную яму засыпали. Переселявшиеся на полуостров сарматы

приносили с собой и новые типы вещей, которые у них заимствовали скифы, например, оружие, конскую сбрую, зеркала и другие. Вместе с сарматами получили распространение и своеобразные знаки — тамги, которые наносили на предметы, указывая на их принадлежность тому или иному лицу или роду. Среди других народов сарматы выделялись и довольно странным по современным представлениям обычаем деформировать черепа. С этой целью детям туго перематывали голову, в результате чего череп со временем приобретал удлинненную форму.

Проникали сарматы и на территорию Боспорского царства. По мнению исследователей, занявший в начале I в. н. э. боспорский трон царь Аспург, ставший родоначальником новой династии, происходил из среды сарматской знати.

К III в. н.э. особого могущества достигло племя аланов, подчинившее многие другие сарматские племена. По словам римского историка IV в. н.э. Аммиана Марцелина, "...с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, ни кто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше... Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами... Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд, если не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие лег-

кости вооружения... Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют".

Около середины III в. н.э. аланы одновременно с германскими племенами вторгаются в Крым. В это время прекращается жизнь на скифских поселениях. В предгорьях возникают многочисленные аланские могильники.

В 375 г. н.э. в Северное Причерноморье ворвались грозные завоеватели — гунны. Началась кровавая эпоха Великого переселения народов. Часть аланов, подчиненная гуннами, была увлечена ими на запад к границам Римской империи. История их полна военными походами и сражениями. Пройдя с битвами через всю Европу, аланы вместе с вандалами достигли Испании и переправились через Гибралтар в Северную Африку, где основали королевство. Те же аланы, которые остались в Крыму и на Северном Кавказе, продолжали жить здесь и в средневековое время.

ЛИТЕРАТУРА

- Полин С. В. От Скифии к Сарматии. — К., 1992.
 Симоненко А. В. Сарматы Таврии. — К., 1993.
 Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
 Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. — Симферополь, 2003.

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ

Э. Б. Петрова

Роль греков (эллинов) в освоении и формировании этнического облика Крымского полуострова невозможно переоценить. Достаточно сказать, что именно они принесли город, государство, высочайшую по меркам любых времен и народов культуру в этот отдаленный от мира древних цивилизаций край.

Нужда в хлебе, потребность в обеспечении земель малосостоятельных и неимущих граждан, поиски источников сырья, рынков сбыта, рабской рабочей силы вызвали к жизни такое явление в истории древней Греции эпохи архаики (VIII – VI вв. до н. э.), как массовое колонизационное движение. В Северное Причерноморье (по-гречески — Понт) греков влекли плодородные почвы, богатый растительный и животный мир, обилие рыбы; особый интерес представляли гавани, подходящие для целей мореплавания и торговли. Основной контингент колонистов составляли люди молодого возраста, в большинстве своем мужчины; преобладали крестьяне, но было также некоторое количество ремесленников и торговцев. Выводило колонию (по-гречески — апойкию) небольшое число переселенцев — от ста до тысячи человек. Колонизация ускорила процесс развития общества у местных племен: общение с греками разрушало их традиционные устои, заставляло выращивать больше хлеба, скота, способствовало вызреванию имущественного и общественно-го неравенства, знакомило с эллинской культурой.

Греческие племена делились на группы, говорившие на разных диалектах древнегреческого языка, принадлежавшего к индоевропейской языковой семье. Ведущую

роль в освоении Крыма играли греки-ионийцы и греки-дорийцы.

Разнообразные материалы — письменные и археологические — позволяют нам восстановить историю возникших в Крыму эллинских колоний, со временем объединившихся в два значительных по размерам государства — Боспор и Херсонес.

Боспор. В результате переселения эллинов с западного побережья Малой Азии (в первую очередь из ионийского города Милета) и островов Эгейского моря возникло большинство поселений на Керченском и Таманском полуостровах. Пантикапей (Керчь) был основан на рубеже VII — VI вв. до н. э. или в начале VI в.; Нимфей, Феодосия — в VI в. до н. э. Видимо, в ходе вторичной, или внутренней, колонизации (в основном Пантикапея) крымское побережье Керченского пролива покрылось аграрными городками — таковыми были Тиритака, Мирмекий, Парфений, Порфмий.

Первопоселенцы получают земельные участки недалеко от своих поселков. Выращивают пшеницу, просо, зернобобовые, чечевицу, вику, садовые культуры и виноград; разводят мелкий рогатый скот и птицу, в меньшем количестве — крупный рогатый скот и лошадей. Занимаются охотой, рыболовством. Очень рано зарождаются ремесла — строительное, плотницкое, столярное, металлообрабатывающее, керамическое, ткацкое, ювелирное. Важную роль в жизни колонистов играет торговля с городами Малой Азии и соседних с ней островов, а к концу VI в. и с Афинами, откуда получают оливковое масло, вино, ремесленные изделия. Завязывается натуральный обмен с соседними племенами, поставляющими продукты сельского хозяйства, промыслов, рабов. Уже с середины VI в. до н. э. Пантикапей чеканит монету, несколько позже выпуск монет начинается в других боспорских городах.

Со временем некоторые апойкии вырастают из поселков в городские центры. Города были небольшими. Так,

площадь Пантикапея приближалась к 9 га, а число жителей в нем вряд ли превышало 2 — 3 тысячи человек. Одновременно идет процесс формирования небольших государств-полисов. Полис состоял из города и принадлежавшей ему сельской территории — хоры (обычно простиравшейся на 5 — 7 км), на которой были разбросаны поселки. В них жили не только греки, но и варвары.

Пантикапей, Нимфей, Феодосия (в Восточном Крыму), Фанагория, Гермонасса, Кепы (на Таманском полуострове) становятся центрами самостоятельных государств-полисов. Формы правления в них были различными — как демократическими (с преобладающей властью народного собрания — сходки всех

Мраморная статуя юноши из Пантикапея. I в. н. э.

полноправных граждан), так и олигархическими (с главенствующей ролью небольшой группы наиболее богатых и родовитых граждан).

Интересы экономики, возможная угроза нападения со стороны варваров привели к необходимости их политической консолидации. Объединение большинства городов, расположенных по берегам Керченского пролива, скорее всего, носило характер военно-оборонительного союза. На основании указания греческого историка Диодора Сицилийского принято считать, что оно произошло около 480 г. до н. э. Возглавили новое государство архонты (ежегодно избиравшиеся высшие должностные лица) Пантикапея из греческого (милетского) аристократического рода Археанактидов. Выборная должность архонта превратилась в наследственную. Характер правления Археанактидов в науке принято определять как наследственную тиранию (тирания у греков — единоличное правление, установленное в экстремальных условиях с помощью силы и незаконным путем). В ознаменование рождения нового государства во второй четверти V в. до н.э. в Пантикапее был возведен храм, посвященный богу-покровителю колонистов — Аполлону Врачу.

Около 438/7 г. до н. э. власть перешла к некоему Спартоку (в котором исследователи видят и фракийца, и представителя скифской или синдо-меотской знати, и эллина из ионийской аристократии). До конца II в. до н. э. его потомки — Спартокиды — возглавляли Боспорское государство, бывшее по характеру монархическим объединением, хотя правители и именовали себя традиционно архонтами Боспора, а греческие города пользовались некоторым самоуправлением — имели народное собрание, совет, выборные должности. Центральная власть опиралась на землевладельческую аристократию, торгово-ремесленные слои, наемную армию (состоявшую, главным образом, из варварских контингентов).

С помощью силы Спартокиды подчиняют сохранявшие до того независимость города — Фанагорию, Нимфей, Киммерик, Феодосию, а также многие племена на восточной стороне Керченского пролива. Государство стало не только крупным, но и этнически разнородным: его населяли греки, скифы, какое-то количество тавров, на азиатской стороне пролива — синды, меоты. Из греческого оно превратилось в греко-варварское, и все же греки составляли его большинство, особенно среди зажиточных торгово-ремесленных слоев. Негреческое население в основном обитало в сельской местности. Туземное происхождение чаще всего имели рабы.

Экономический расцвет Боспора в IV — первой половине III в. до н. э. был связан, прежде всего, с ростом сельскохозяйственного производства. Часть территории царства занимали города и их хора, разделенная на участки граждан; здесь преобладали усадьбы. Большая же часть земель была размежевана, на ней разместились сельские поселения — деревни и усадьбы различных размеров, принадлежавшие правителям, аристократии, храмам; обслуживались они как свободными производителями, так и полусвободными работниками из местных земледельцев (отдававших часть урожая) и рабами. Сохранились общинные и племенные земли со старыми поселениями аборигенов. Впрочем, не все варварские поселки безоговорочно принадлежали Боспору, немало их находилось за пределами царства, прежде всего, за пределами сооруженного в это время Узунларского вала, почти пополам разделившего Керченский полуостров (за исключением области в районе Феодосии, входившей в состав царства). Здесь обитали подчинявшиеся скифским царям земледельцы и кочевники. Их отношения с Боспором базировались на каких-то договорных началах.

По некоторым подсчетам, численность городского населения царства колебалась в пределах 48 — 60 тысяч, сельского — 90 — 110 тысяч (из них пахарей могло быть

тысяч 18 – 22). Жителям государства требовалось в год для собственного потребления примерно 71 400 – 87 600 т зерна. Средние урожаи составляли около 11 ц/га.

Обнаруженные во время археологических раскопок предметы из железа, меди, бронзы, драгоценных металлов, остатки производства говорят о значительных достижениях в области металлообработки. Открытые раскопками жилые дома и хозяйственные постройки, дворцы, храмы, погребальные сооружения, колодцы, оборонительные и подпорные стены свидетельствуют о достижении самого высокого для Боспора уровня строительного дела. Столяры изготовляли мебель, повозки, саркофаги; изделия украшали резьбой, росписью, инкрустацией. Из глины делали строительные материалы, посуду, тару для жидких и сыпучих продуктов, пряслица и гирьки для ткацких станков, рыболовные грузила, статуэтки. Из других производств назовем прядельно-ткацкое, кожевенное, косторезное. Наряду с небольшими ремесленными мастерскими были крупные мастерские-эргастерии, в которых использовался рабский труд.

В крупных городах царства имелись благоустроенные гавани и судостроительные верфи. Главными торговыми контрагентами местных купцов оставались города западного побережья Малой Азии и Эгейские острова, особенно Фасос, Хиос. Боспор был связан также с центрами Южного (Гераклеей, Синопой, Амастрией) и Восточного Причерноморья, на Северном Понте — с Херсонесом и Ольвией. В IV в. до н.э. на Боспоре доминировал афинский импорт, а Боспор, в свою очередь, снабжал Афины хлебом. В Элладу отправлялись также дорогие сорта рыбы, шерсть, шкуры, рабы, но главной статьёй экспорта оставалось зерно. Предполагают, что в IV в. при удовлетворительном урожае Боспор мог вывозить не менее 32 – 48 тысяч т зерна. Значительную часть вывозимых с Боспора продуктов и рабов поставляли варвары, взамен по-

лучая масло, вино, изделия ремесленников Боспора и греческого мира.

Расширяется территория городов (площадь Пантикапея составляла примерно 100 га), увеличивается их население (за счет притока из городов Причерноморья и Средиземноморья, а также представителей племенного мира),

Акрополь Пантикапея (реконструкция В. Толстикова)

преобразовывается внешний облик. Центром Пантикапея, его акрополем (верхним городом) с храмами, алтарями, статуями богов, царским дворцом была вершина горы Митридат и ближайшие к ней склоны. Акрополь окружали оборонительные стены. На акрополе, помимо храма Аполлона, красовались постройки святилища Деметры, храмы Диониса, Афродиты, Артемиды, Асклепия. Впечатляют остатки возведенного в последней четверти IV в. до н.э. монументального комплекса, отождествляемого с дворцом Спартокидов. В городской округе сохранились величественные погребальные склепы. Сводчатые склепы таких курганов, как Царский и Золотой, вероятно, являлись усыпальницами боспорских царей, их датируют IV в. до н.э. и по праву считают уникальными памятниками мирового зодчества.

В городах жили люди интеллигентных профессий — инженеры, зодчие, землемеры, юристы, учителя, врачи,

скульпторы, живописцы, мастера по художественной обработке металла, камня, кости. Боспорцев интересовали философия и история, поэзия и театр, изобразительное искусство и спорт. В IV – III вв. до н. э. пропагандировали свои учения профессиональные боспорские философы: Дифил, Смикр, Сфер. Первый из известных нам в Северном Причерноморье трудов на историческую тему был создан в Пантикапее на рубеже IV – III или в начале III в. до н.э. Имени автора мы не знаем, поэтому называем его Анонимом. Боспорцы знали и любили греческую литературу, но среди них были и свои писатели, о чем свидетельствуют поэтические посвящения богам и стихотворные надгробные надписи. На сценах городских театров ставились пьесы афинских драматургов, в первую очередь те, сюжеты которых имели отношение к Северному Понту, например, “Скифы” Софокла, “Ифигения в Тавриде” Эврипида.

Расцвет, однако, был недолгим. В III – I вв. до н. э. уменьшается роль хлебопашества. Все пригодные для обработки земли к этому времени уже были освоены, а приток зерна с варварской периферии сократился. Ко всему, с конца IV/начала III по вторую половину I в. до н. э. длился засушливый период. Заметно сократилось количество сельских поселений. Боспор испытывал и внутриполитические трудности. В 310/311 г., после смерти царя Перисада I, разгорелась борьба за престол между его сыновьями. Она продемонстрировала, с одной стороны, нарушение традиций престолонаследия Спартокидов, которая, видимо, заключалась в соправительстве двух братьев (до смерти одного из них), с другой — необходимость для династов в своей политике учитывать ситуацию, сложившуюся в племенном мире Северного Понта и Приазовья. Одновременно нарастала варварская угроза.

В 109/8 г. до н. э. последний из Спартокидов — Перисад V — отрёкся от престола и передал власть правителю Понтийского царства (что на южном побережье

Черного моря) Митридату VI Евпатору. Передача власти, практическая сторона которой была возложена на митридатова полководца Диофанта, вызвала волнение крымских скифов. Повстанцы убили Перисада и провозгласили своего главаря — некоего Савмака — царем, захватили Пантикапей, Феодосию. Диофант бежал и приступил к подготовке похода на Боспор. Подавление восстания потребовало значительных сил и времени — весь 107 г.

Боспор стал частью Понтийской державы. Митридат не замедлил воспользоваться экономическими и военными ресурсами городов Северного Причерноморья в своей борьбе с Римом. Их дань в его пользу исчислялась 180 000 медимнами хлеба (1 медимн = 51,84 л) и 200 талантами серебра (1 талант = 26,2 кг). Когда чаша терпения переполнилась, боспорцы и херсонеситы подняли восстание. Последние свои дни Митридат провел в Пантикапее, где и погиб в 63 г. до н.э.

Римляне вручили власть над Боспором сыну Митридата Фарнаку, но тот вознамерился объединить все Причерноморье, включая принадлежавшую Риму Малую Азию. Покидая территорию царства, он оставил в нем в качестве наместника своего прибли-

Бронзовый бюст
боспорской царицы Динамии.
Конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.

женного Асандра. Однако тот, воспользовавшись военными неудачами своего патрона, отвоевал у него престол и с 49/8 г. по 21/20 гг. до н. э. единолично правил Боспором. При нем царство сохранило свои территории и даже распространило свое влияние на Херсонес.

После длительных войн, разорений и опустошений, при Асандре и особенно при царе Аспурге положение на Боспоре стабилизировалось. Начался период его нового, второго расцвета, охвативший I – начало III в. н. э. Характерная его особенность — активное вмешательство Рима в северопонтийские дела, заметное изменение состава населения царства (с одной стороны, оно пополнялось эллинами из Южного Причерноморья, с другой — в значительных размерах — сарматами из степных районов). Усилилась варваризация общества и государства, идеологии и культуры. Во II – III вв. н. э. на Боспоре появились аланы. С 30-х гг. III в. государство начинают беспокоить готы, бораны, ворады. Многие города и селения гибнут в пожарах, далеко не все восстанавливаются. Приход варваров сопровождался опустошением хоры, перебоями в производстве и торговле.

В III – IV вв. на Боспоре появляются почитатели христианства, в IV в. оформляется христианская община. Но и тогда сторонников нового вероучения еще было немного, приживалось оно нелегко, длительное время сосуществовая с язычеством. Пребывало на Боспоре и некоторое число иудеев.

Натурализация хозяйства, упадок производства, сокращение внутренней и внешней торговли, кризис монетного дела, разрушения и замирание жизни в ряде городов и сельских поселений, упадок благосостояния населения и сокращение его культурных потребностей, ремонт и строительство оборонительных стен, валов и крепостей, внутренние смуты, борьба за престол, военные конфликты с Римом и Херсонесом, потеря царством части своих земель — неполный перечень процессов, протекавших в

боспорском обществе накануне гуннского нашествия в конце IV в. Видимо, тогда Боспор избежал разгрома, но вынужден был признать верховенство пришельцев, частично осевших на его землях. Этого нельзя сказать о более позднем времени: пожары и разрушения на городищах и поселениях датируются второй четвертью VI в. С этого времени боспорские земли оказались во власти Византии — наследницы павшей Римской империи.

Херсонес. Другое государство греков располагалось в юго-западной части Крымского полуострова. Центром его был город Херсонес (Севастополь). Считается, что колония была выведена во второй половине V в. до н. э. (в 422/1 г.) выходцами из Гераклеи Понтийской — дорийского города на южном побережье Черного моря. Но не исключено, что Херсонес был основан раньше, еще во второй половине VI в. Переселенцы оказались в окружении таврских племен, заселявших Гераклейский полуостров. Угроза нападения, подобно дамоклову мечу, всегда нависала над херсонеситами, единственной гарантией безопасности для них было строительство мощных стен.

Поначалу будущий город представлял собой небольшой поселок, площадь которого не превышала 4 га, численность населения — 1 тысячи человек. В 70-х гг. IV в. до н. э. Херсонес начинает чеканить собственную монету. Видимо, тогда же завершается процесс формирования государства-полиса.

Постепенно и методично херсонеситы осваивают Гераклейский полуостров, превращая его в базу сельскохозяйственного производства. Местное население частично истребляют, по большей же части превращают в рабов того типа, который был характерен для Спарты (где их называли илотами) и других дорийских полисов (часть же тавров, обитавших вдоль границы Гераклейского полуострова, продолжала жить в своих поселках, составляя категорию зависимых жителей). Захваченные земли разделяют на равные наделы.

Со второй четверти – середины IV в. до н.э. Херсонес начинает осваивать равнины Северо-Западного Крыма (уже в основном занятые ранее приехавшими греками). От Сакского озера на юге до Бакальской косы на севере насчитывается около полусотни его поселений и укреплений. К концу IV в. проводится размежевка земель вдоль всего побережья Северо-Западного Крыма. На этих землях сосуществовали греческие и туземные поселения. На Гераклеиском полуострове разводились преимущественно виноградники и сады, земли Северо-Западного Крыма поставляли, в первую очередь, пшеницу и ячмень. Подсчитано, что Херсонес ежегодно мог производить более 20 тысяч тонн хлеба, а в урожайные годы почти вдвое больше.

В конце IV – начале III в. до н. э. государство вступает в полосу процветания. Численность его жителей возрастает, в столице, возможно, проживало до 10 тысяч человек. Город укрепляется новыми оборонительными стенами, делится продольными и поперечными улицами на приблизительно равные кварталы. Центром его являются акрополь и главная площадь – агора; они украшаются храмами и другими общественными зданиями. Целые кварталы застраиваются жилыми домами. Развиваются металлообработка, прядильно-ткацкое производство, плотницкое, кожевенное, косторезное дело.

По находкам херсонесских амфор можно судить об оживленной торговле вином со скифами и греческими полисами Северо-Западного и Западного Причерноморья. В города материковой Греции Херсонес продавал продукты скотоводства, рыбу, соль, мед, воск. Обломки амфорных ручек с херсонесскими клеймами находят при раскопках в Афинах и в далекой Александрии Египетской. Из Греции ввозятся оливковое масло, дорогие сорта вин, расписная керамика, предметы искусства (терракоты, статуи).

По своему политическому устройству государство являлось демократической республикой. Высшую власть в

нем представляло собрание всех свободных граждан мужского пола, достигших совершеннолетия. Повседневной жизнью города руководили выборные органы власти – совет и коллегии.

На рубеже IV – III вв. до н.э. Херсонес переживал политические трудности, приведшие к гражданским смутам и организации антидемократического переворота. Судя по тексту знаменитой Херсонесской присяги, попытка переворота оказалась безуспешной, граждане полиса отстаивали свои права и приняли твердое решение всегда противостоять подобным действиям.

Херсонеситы, как и все эллины, благоговели пред всеми, как сказано в присяге, “богами и богинями олимпийскими”, но особенно чтили Деву (Парфенос), отождествляемую ими с Артемидой. Храм Девы с ее статуей в центре города – главная их святыня. В честь богини устраивались праздники – Парфении, ей посвящали статуи, ее изображали на монетах и провозглашали царицей.

Горожане увлекались философией, историей, любили поэзию, музыку. У истоков херсонесской школы историков стоял Сириск, в честь которого жите-

Херсонесское надгробие с изображением оружия III в. до н.э.

ли города составили почетный декрет. Недалеко от городских стен археологическими раскопками открыт театр. Высокого уровня развития достигло врачебное дело. Для дорийцев характерно особое пристрастие к военному делу и спорту. На надгробиях херсонесских юношей помещали изображения спортивных атрибутов, мужчин — военных принадлежностей.

С III в. до н. э. грозной силой для Херсонеса становятся скифы. К рубежу III — II вв. Херсонес теряет свои владения в Северо-Западном Крыму, значительно сокращается сельскохозяйственное производство, разоряются жители этого региона. Затем последовало разрушение усадеб Гераклеяского и Маячного полуостровов. В Херсонесе поспешно возводится новая оборонительная стена. Однако собственных сил для борьбы не хватало, пришлось призвать на помощь Митридата VI Евпатора. Его полководец Диофант в продолжении трех кампаний (около 110 — 107 гг. до н.э.) разгромил врага. Херсонес, подобно Боспору, стал частью царства Митридата, а после гибели последнего достался “другу и союзнику римлян” — боспорскому царю Фарнаку.

Теперь Херсонес ориентируется исключительно на Рим. Освободившись от боспорского протектората, он становится во II — III вв. н.э. центром римской военной оккупации в Таврике, городом со статусом “свободного”. Однако это была свобода в римском смысле: сохранив внутреннюю автономию, Херсонес лишился права вести внешнеполитические дела, в город были введены римские войска и военные корабли. Зависимость от Рима привела к увеличению налогов и сокращению городских доходов.

В первые века н. э. Херсонес вновь переживает период экономического подъема. Военная помощь Рима обеспечила безопасность сухопутных и морских путей сообщения, что способствовало оживлению торговли, развитию производства и промыслов. Гераклеяский полуостров ос-

тавался главной сельскохозяйственной базой государства. Особенно интенсивно развивался рыбный промысел, во всех кварталах города появились рыбозасолочные цистерны, вмещавшие от 20 до 50 т рыбы. Увеличилась добыча соли.

Среди ремесел ведущим было металлообрабатывающее. Возросло производство керамической тары. Развивалось стеклоделие. Наиболее интенсивные торговые связи поддерживались с городами малоазийского побережья Черного моря: Синопой, Гераклеей, Амисом. В роли торговых партнеров выступали также центры Западного Причерноморья, дунайские и западные провинции Римской империи, города Восточного Средиземноморья, Сирии, Северной Африки. Наладился торговый обмен с местным населением Крыма. По-прежнему значительной была роль Херсонеса как торгового посредника.

Город занимает площадь 30 га, в нем насчитывается 10 — 12 тысяч жителей. Перестраиваются многие кварталы, дома укрупняются, обновляются оборонительные стены, башни, проводится водопровод.

На смену демократической республики приходит аристократическая форма правления. Народное собрание фактически утрачивает власть. Исполнительная власть оказывается в руках первого архонта, возглавляющего высшую магистратуру — коллегия архонтов из шести человек, он также предводительствует войском. Богатая верхушка граждан превращается в своеобразный клан, из ее среды избираются члены совета, высшие магистраты, жрецы, многие ее представители имеют двойное гражданство — херсонесское и римское. Значительную группу граждан, фактически отстраненную от государственного управления, составляли жившие за счет своего труда демоты (мелкие землевладельцы, арендаторы, ремесленники, торговцы) и неимущая беднота (охлос). В городе проживали также политически бесправные иноземцы (в основном это греки из других мест, какое-то число

туземцев и римлян), различные категории рабов и вольноотпущенники. Нужно отметить, что основную массу населения составляли все же греки, и в этом отношении Херсонес отличался от других городов Северного Причерноморья.

В позднеантичное время усилилась тяга к восточным культам и монотеизму, повысился интерес к суевериям, мистике, магии. Тем не менее, христианство нашло в Херсонесе поклонников не сразу. Первые христианские храмовые комплексы возводятся в конце V – VI в. В городе проживало и какое-то количество иудеев.

В конце III – первых десятилетиях IV в. херсонеситы с подачи Рима оказались втянутыми в серию военных конфликтов с Боспором. В городе прекращается монетная чеканка. От появившихся ближе к концу IV в. гуннов Херсонес в целом не пострадал, так как лежал в стороне от трассы их походов, но столетие спустя кочевники начали обосновываться на Гераклейском полуострове. В конце V в. Херсонес окончательно теряет автономию и становится частью Восточной Римской империи (Византии). Примечательно то, что он не погиб, а пережил все перипетии эпохи Великого переселения народов и прожил после гибели античной цивилизации еще добрую тысячу лет.

ЛИТЕРАТУРА

Античные государства Северного Причерноморья. — М., 1984.

Блаватский В. Д. Пантикапей. — М., 1964.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.; Л., 1949.

Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. — К., 2004.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. — Харьков, 1996.

Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI – II вв. до н. э. — М., 1981.

Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. — М., 1990.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.

Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. — Харьков, 2004.

РИМЛЯНЕ

В. В. Масыкин

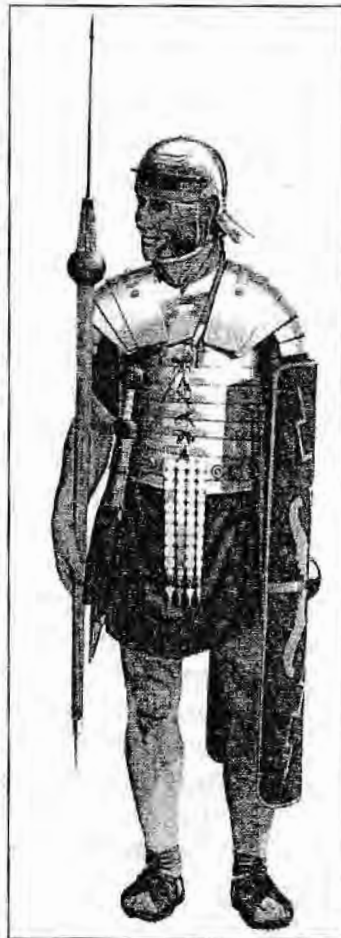
Со второй половины I в. до н.э. в истории Северного Причерноморья начинается период, называемый римским. К этому времени Римская республика превращается в огромную Средиземноморскую державу.

В 45 г. до н.э. закончилась кровопролитная гражданская война в Риме. Гай Юлий Цезарь, находившийся в зените воинской славы и политического могущества, торжественно справил четыре триумфа в честь своих побед над внешними и внутренними врагами. Сенат провозгласил выдающегося полководца вечным диктатором и Цезарь стал единоличным правителем Римского государства. Однако Цезарь уже вынашивал планы нового грандиозного похода. По словам древнего историка Плутарха, грека по происхождению, Цезарь готовился к войне с парфянами (в Месопотамии), а после их покорения имел намерения, пройдя вдоль побережья Каспийского моря, вторгнуться в Скифию (Северное Причерноморье); затем, подчинив германцев, через Галлию (современная Франция) вернуться в Италию.

Замысел вторжения в Северное Причерноморье не был случайным. Именно отсюда исходила угроза самому существованию Римского государства. В памяти римлян еще были свежи воспоминания о трех тяжелейших кровопролитных войнах с царем Понтийского государства Митридатом VI Евпатором, основу многочисленных армий которого составляли воины народов, населявших Северное Причерноморье, — скифы, сарматы, бастарны и другие. Особенно важную роль в пополнении войска и ресурсов понтийского царя играли подчиненные им, расположен-

ные в Крыму, скифское царство и греческие государства — Херсонес и Боспор. Именно Боспор стал последним оплотом царя, после того, как римляне нанесли ему ряд тяжелых поражений. В 63 г. до н.э. против Митридата восстал один из его сыновей — Фарнак, переманивший на свою сторону войска. Не желая попасть в плен к римлянам, укрывавшийся во дворце на акрополе Пантикапея Митридат попросил командира своих телохранителей кельта Битоита заколоть его. Благодарные победители передали Фарнаку власть над Боспорским царством и Херсонесом и провозгласили его “другом и союзником римлян”.

Фарнак, внешне демонстрируя дружественную римлянам политику, втайне вынашивал планы восстановления державы своего отца, Митридата VI. Он копил силы, ждал благоприятного случая, и такой случай представился. В Рим вспыхнула гражданская война между сторонниками Гнея Помпея и Гая Юлия Цезаря. Фарнак поспешил воспользоваться благоприятной ситуацией, оставив на Боспоре вместо себя наместника Асандра. Он через Кавказ вторгся в Малую Азию, присоединяя города и территории, разгромил в битве римскую армию, захватил ряд областей. Фарнак уже по-

Римский легионер I в. н.э.
(реконструкция П. Конноли)

чти достиг своей цели — воссоздания державы Митридата. Однако в военные действия вступил Гай Юлий Цезарь. Молниеносным маршем пройдя из Египта в Малую Азию, он разбил войско Фарнака 2 августа 47 г. до н.э. в битве при Зеле. Именно к этой победе относятся знаменитые своей лаконичностью слова Цезаря: "Пришел. Увидел. Победил".

Эти события на долгие годы определили политику Рима по отношению к Боспору и Северному Причерноморью в целом. Они показали, сколь великую опасность для римских владений может таить в себе это большое греческое царство во главе с независимым и бесконтрольным царем, способным привлекать к союзу вождей могущественных племен бескрайнего мира варваров. Римляне осознали необходимость постоянного контроля за событиями на Боспоре и превращения последнего в зависимое от Рима царство.

Между тем, власть на Боспоре захватил Асандр. Бежавший в Крым Фарнак, собравший армию, состоявшую из скифов и сарматов, попытался вернуть свое царство, но был убит Асандром. Римляне не признали власти узурпатора и попытались сместить его. Цезарь передал власть над Боспором своему другу — Митридату Пергамскому, однако последний погиб в борьбе с Асандром.

Примерно в это время в Рим прибыло посольство Херсонеса, возглавляемое Гаем Юлием Сатиром, с просьбой о независимости от Боспора. Учитывая недружественные отношения Рима с Асандром и желая обрести союзника в Северном Причерноморье, Цезарь удовлетворил просьбу херсонеситов. Правление на Боспоре независимого, враждебного Риму царя, готового опереться на силы соседних варварских племен, представляло серьезную угрозу Римскому государству. Поэтому не удивительно, что одним из основных направлений задуманного Цезарем похода являлось Северное Причерноморье. Однако планам полководца не суждено было воплотить-

ся. 15 марта 44 г. до н.э. Цезарь был убит в Сенате заговорщиками — сторонниками республиканского правления. Вскоре в Риме началась новая гражданская война. Победивший Марка Антония Октавиан Август стал единоличным правителем Римской державы, превратившейся в империю. В надгробной надписи Августа среди народов, искавших дружбы римлян через своих послов, названы скифы и сарматы.

Римляне по-прежнему стремились держать под контролем Боспорское царство, всякий раз вмешиваясь в боспорские дела, когда тот или иной царь вызывал подозрения в своей благонадежности. После смерти боспорского царя Аспурга в 38 г. н.э., родоначальника новой династии, выходца из среды варварской знати, власть перешла к его сыну Митридату III. Но римский император Калигула не признал его и передал престол своему ставленнику Полемону. Однако Митридат III победил в борьбе своего противника и новый император Клавдий утвердил его на престоле. Митридат III, вероятно стремившийся освободиться от римской опеки, но желая до времени скрыть свои планы и сохранить дружественные отношения с Империей, отправил в Рим своего младшего брата Котиса. Но Котис перед лицом императора Клавдия предательски обличил Митридата в коварных замыслах по отношению к Риму. Клавдий поверил Котису. К тому же римляне еще не забыли, что Митридат занял боспорский трон вопреки их воле. В награду за измену Клавдий провозгласил Котиса царем Боспора. Для осуществления этого решения вместе с Котисом на Боспор были отправлены римские войска под командованием наместника провинции Мёзия (на территории современной Болгарии) А. Дидия Галла. Так началась римско-боспорская война.

Митридат III, будучи не в силах противостоять римлянам, переправился на азиатский Боспор и бежал к варварам — племени дандариев. Возмущая соседние пле-

мена против Котиса и принимая перебежчиков, Митридат изгнал царя дандариев и захватил его престол. Между тем, через некоторое время римляне, утвердившие на троне Котиса, покинули Боспор, оставив лишь вспомогательный отряд под командованием Г. Юлия Аквиллы. Митридат, решив воспользоваться уходом римлян, начал подготовку к борьбе за трон. Оба брата, не обладавшие крупными военными силами, обратились за помощью к вождям сарматских племен: Котис — к царю аорсов Эвнону, а Митридат — к Зорсину, царю сираков. Где-то в земле дандариев состоялась битва, в которой Митридат и сираки были разгромлены объединенной армией Котиса, состоявшей из боспорцев, римлян и аорсов. Победители осадили город Успе. По словам римского историка Корнелия Тацита, оставившего красочное описание этой войны, на следующий день осажденные отправили послов с просьбой пощадить свободных горожан, предлагая победителям десять тысяч рабов. Однако Котис и его союзники отвергли эту просьбу, удивительно цинично обосновав отказ: "Перебить сдавшихся было бы бесчеловечной жестокостью, а сторожить такое множество — затруднительно: пусть уж лучше они падут по закону войны; и проникшим в город с помощью лестниц воинам был подан знак к беспощадной резне". Вероятно, это была показательная акция, которая в значительной степени решила исход войны, лишив Митридата союзников, опасавшихся участи жителей города Успе: "истребление жителей Успе вселило страх во всех остальных, решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости, ни труднодоступные и высокогорные местности, ни реки, ни города. И вот Зорсин после долгих раздумий, поддержать ли попавшего в беду Митридата или позаботиться о доставшемся ему от отца царстве, решил, наконец, предпочесть блага своего народа и, выдав заложников, простерся ниц перед изображени-

ем Цезаря, что принесло великую славу римскому войску, которое, одержав почти без потерь победу, остановилось, как стало известно, в трех днях пути от реки Танаиса [Дон]. Однако при возвращении счастье изменило ему: несколько кораблей (ибо войско возвращалось морем) выбросило к берегу тавров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда".

По мнению некоторых ученых, рассказ Корнелия Тацита о том, что несколько римских кораблей, возвращавшихся после завершения военных действий, во время шторма прибило к Южному берегу Крыма, а солдаты

пали от рук тавров, находит подтверждение в материалах раскопанного археологами античного святилища на перевале Гурзуфское Седло возле Ялты. Здесь найдено множество деталей римского вооружения и снаряжения: фрагменты шлемов и щитов, кольчуг, детали рукоятей и ножен мечей, наконечники копий и дротиков, пряжки и фибулы — застежки плащей. По мнению этих ученых, тавры посвятили захваченное у римлян оружие своей богине Деве.

Побежденный Митридат предпочел сдаться не брату, а царю аорсов Эвнону. Последний, осознавая, что обязан как союзник выдать Митридата римлянам, отправил к императору Клавдию посольство с просьбой

Римский центурион I в. н.э.
(реконструкция П. Конноли)

сохранить пленнику жизнь и честь, то есть избавить низложенного царя от позорного шествия за колесницей триумфатора, сопровождая свое послание словами: "...исход войны только тогда бывает истинно славным, когда она завершается великодушием к побежденному". Клавдий удовлетворил просьбу царя аорсов.

Примерно через 20 лет после описанных событий римско-боспорской войны римляне вновь совершили военный поход в Таврику. На этот раз они пришли на помощь жителям Херсонеса, которому угрожали усилившиеся к этому времени скифы. Херсонеситы обратились с просьбой спасти их от варварской угрозы к наместнику провинции Мёзия Тиберию Плавтию Сильвану. Между 63 и 66 г. н.э. Плавтий Сильван переправился в Таврику с отрядом римских войск и, как сказано в его надгробной надписи, заставил царя скифов отступить от Херсонеса. Некоторые исследователи полагают, что следы разрушений и пожаров середины I в. н.э., выявленные археологами на скифских поселениях в Северо-Западном Крыму свидетельствуют, что римляне не ограничились снятием осады с Херсонеса, но предприняли более масштабную военную операцию. На непродолжительное время они разместили в Херсонесе свой гарнизон, а затем возложили обязанность защищать Херсонес на царей Боспора.

Лишь около середины II в. н.э. в Херсонесе вновь появился римский гарнизон, состоявший в разные периоды из отрядов V Македонского, XI Клавдиева, I Италийского легионов, а также солдат вспомогательных подразделений. Кроме этого, в Крыму появился и римский военный флот, представленный кораблями Равеннской эскадры.

В Херсонесе римский гарнизон размещался в цитадели, расположенной в юго-восточной части города и укрепленной римскими солдатами. Военнослужащие жили в казармах, здесь же находился и преторий — штаб командования. Непременной частью римской жизни

ни являлись термы (бани), служившие не только своему прямому предназначению, но использовавшиеся и для общения.

Помимо Херсонеса, являвшегося основным местом дислокации римских войск, римские гарнизоны появились и в других местах Юго-Западного Крыма. Одним из таких пунктов стала крепость Харакс, построенная на мысе Ай-Тодор. Непрístupная с моря, крепость со стороны суши была защищена двумя рядами мощных оборонительных стен. Среди построек внутри крепости выделяются монументальные термы и нимфей — бассейн. За пределами крепости существовало святилище бенефициариев — солдат, охранявших дорогу, в котором найдены три алтаря с посвящениями Юпитеру.

Другой крупный пункт размещения римских войск находился на территории современной Балаклавы. Здесь также раскопан римский храм, в котором найдены алтари с надписями-посвящениями, сделанными римскими военными служащими популярным в военной среде богам — Юпитеру Долихену, Геркулесу и Вулкану. Надписи содержат также важную информацию о составе римских войск.

Римские солдаты и офицеры, служившие в Таврике, относились к Мезийской армии, располагавшейся в Подунавье. Гарнизоны крупных пунктов дислокации римских войск назывались вексилляциями. Во главе вексилляций стояли центурионы. Все вексилляции и корабли Равеннского флота подчинялись военному трибуну, резиденция которого находилась в Херсонесе. Кроме солдат и офицеров, в состав римских гарнизонов входили различные специалисты, обеспечивавшие нужды военных — оружейники, врачи и другие. В Херсонесе найдена надгробная плита с надписью, упоминающей двух римских врачей, убитых таврами.

Римские солдаты происходили из различных народностей, населявших Империю. Среди солдат, служивших

в Крыму, особенно много было фракийцев, выходцев из Подунавья.

После середины III в. н.э., в связи с тяжелыми войнами с варварами на границах Империи, римляне вывели свои гарнизоны из Крыма. Однако отрывочные надписи, найденные в Херсонесе, свидетельствуют о пребывании здесь с конца III в. и в IV в. н.э. отдельных подразделений римской армии. В дальнейшем византийские императоры, наследники Рима, продолжали политику своих предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. — К., 1998.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первые века н. э. — Харьков, 1981.

ГОТЫ

М. Б. Кизилов, В. В. Масякин

Среди народов, населявших Крым в позднеантичное и средневековое время, пожалуй, одним из самым загадочных для историков является восточногерманское племя готов. До сих пор ученые не могут точно установить географические границы Крымской Готии, определить временные рамки существования в Крыму готов как отдельного этноса, разрешить проблему исчезновения готов с исторической арены полуострова. Малоисследованна проблема существования крымско-готского языка, о котором также ведутся жаркие академические споры. Терминологически историки прошлого зачастую путали готов с другими народами Таврики. Так, некоторые из них ошибочно называли готов "скифами", другие, будучи введенные в заблуждение византийской православной верой готов, зачастую именовали их "греками", в то время как третьи из-за варварских обычаев путали их с аланами. Более того, среди романтически настроенных ученых XVIII – XIX вв. была другая, не менее опасная тенденция, — искать и "находить" в любом голубоглазом и светловолосом жителе Крыма потомка крымских готов. В результате перед исследователем встает достаточно сложная задача — "отделить зерна от плевел" и на основании противоречивых письменных источников и данных археологии попытаться восстановить подлинную историю Крымской Готии и ее населения.

Начнем с предыстории появления готов в Крыму. Название "германцы" впервые употребил греческий философ, географ и астроном Посидоний, живший во вто-

рой половине II – первой половине I в. до н.э. Так Посидоний называл небольшое племя, обитавшие в верховьях Рейна и имевшее варварский обычай запивать жареное мясо смесью молока с вином. Ситуация изменилась после 58 г. до н.э., когда римский полководец Гай Юлий Цезарь во главе своих легионов вторгся в Галлию (современная Франция), которую населяли кельты. Здесь ему пришлось столкнуться с сильными племенами, приходящими из-за Рейна и отличающимися от кельтов. В своих “Записках о Галльской войне” Цезарь оставил описание этих племен, называя их германцами. С тех пор этим именем античные писатели именовали все племена к северу от среднего Дуная и к востоку от Рейна, вплоть до Скандинавии.

Готы, жившие до III в. н.э. на периферии известного грекам и римлянам варварского мира, были обойдены вниманием античных писателей. Поэтому мы очень мало знаем о раннем периоде их истории. Тем не менее, некоторые данные древних авторов о германцах вполне применимы и к готам. Наиболее подробные и интересные сведения о них оставил римский историк I – начала II в. н.э. Корнелий Тацит. По словам Тацита, “...всем им присущ тот же облик: жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела, способные только к кратковременному усилию; вместе с тем им не хватает терпения, чтобы упорно и напряженно трудиться, и они совсем не выносят жажду и зноя, тогда как непогода и почва приучили их легко претерпевать холод и голод”. Сведения о происхождении готов имеют легендарный характер. Ведь по словам римского историка, “германцам известен только один... вид повествования о былом — древние песнопения”.

И действительно, готский историк VI в. н.э. Иордан, написавший труд о происхождении и истории своего народа, уточняет, что описанные им события вспоминаются “в древних... песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения”.

Иордан повествует о переселении готов на трех кораблях из Скандинавии через Балтийское море в область нижней Вислы и их наполненным битвами и героическими деяниями пути на юг, к Черному морю, где они достигли желанной земли в Скифии, на готском языке называемой

Германский вождь позднеимперского времени
(по материалам раскопок в Скандинавии)

“Ойум”. “С этого самого острова Скандзы [Скандинавский полуостров], как бы из мастерской, изготавлиющей племена или, вернее, как бы из утробы, порождающей племена, по преданию, вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза [устье Вислы]... Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимир, сын Годарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест для поселения он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум. Филимир, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться... Та же часть готов, которая была при Филимире, перейдя реку, оказалась перемещенной в область Ойум и овладела желанной землей. Тот час же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем”.

Рассказ о переселении готов на трех кораблях символичен. Три корабля как бы указывают на разделение готов на три особых племени: гепидов, везеготов и остроготов. Причем, разделение на остроготов и везеготов произошло позже, уже в Причерноморье. Остроготами правили короли из рода Амалов, а везеготами — из рода Балтов.

Рассказ Иордана подтверждается, в значительной степени, данными археологии. Действительно, в I в. н. э. в низовьях Вислы отмечается появление большой группы нового населения, обладавшего многими чертами материальной и духовной культуры, характерной для Скан-

динавии. С конца II в. н. э. фиксируется продвижение готов на юг. Результатом их миграции и взаимодействия с местными племенами стало появление на обширной территории от Нижнего Подунавья до Подонья, включающей в себя земли Румынии, Молдавии, Украины и юга России, огромного количества удивительно похожих друг на друга поселений и могильников, представляющих археологическую культуру, называемую черняховской.

Оказавшись в Северном Причерноморье, готы стали соседями Римской империи, ослабленной политическим кризисом. Воинственных готских вождей и их дружины манили богатства Империи. В представлении варваров этой эпохи война ради добычи и славы была единственным достойным свободного человека занятием. В связи с этим вспомним слова Тацита о германцах: “Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, потому что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилем и войной”. По свидетельству Тацита, германцы полагали, что “...постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблести своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, — первейшая их обязанность...”

Первое столкновение готов с Римом произошло в 238 г. н. э. В дальнейшем готы регулярно совершали грандиозные грабительские походы, в которые были вовлечены германские и негерманские племена (бораны, гепиды, герулы и другие). Римские императоры считали за честь носить почетное звание “Готский” в ознаменование побед над грозным противником. В битвах с готами погибли

два римских императора. Первоначально вторжения варваров были направлены на балканские владения римлян,

Битва римского кавалериста с готом. IV в. н.э.
(реконструкция)

но в дальнейшем готы и их союзники устремили свои взоры и на богатые города побережья Кавказа и Малой Азии. Для этих целей они, по-видимому, силой принудили правителей Боспора предоставить им свой флот. Особенно масштабным был поход 267 – 268 гг. н.э. По мнению современников, в нем участвовало более 320 тысяч человек. Достигших Греции варваров остановил император

Галлиен, разгромивший их в кровопролитной битве. Тем не менее, походы продолжались до 276 г. н.э.

В эту эпоху непрерывных войн часть германцев поселяется в Юго-Западном Крыму и на Южном берегу. Здесь археологами изучены могильники с погребениями, совершенными по характерному для германцев обряду трупосожжения. Подобные некрополи исследованы у подножья горы Чатыр-Даг и на мысе Ай-Тодор. Погребения совершались как в урнах, для которых использовались керамические сосуды (амфоры, краснолаковая и лепная посуда), так и просто в ямах. Умерших сопровождали вещи, служившие им при жизни: оружие (мечи, топоры, кинжалы, наконечники копий, щиты), орудия труда (серпы, ножи, рыболовные крючки), украшения и детали костюма (пряжки, фибулы, серьги, браслеты, перстни, бусы), монеты, стеклянные и глиняные сосуды. Во многом представления, полученные в результате археологических исследований, совпадают с описанием погребального обряда германцев, которое содержится в труде Тацита: “В пламя костра они не бросают ни одежды, ни благовоний; вместе с умершим предаются огню только его оружие, иногда также его конь. Могилу они обкладывают дерном. У них не принято воздавать умершим почет сооружением тщательно отделанных и громоздких надгробий, так как, по их представлению, они слишком тяжелы для покойников”. В некоторых случаях готы имели общие некрополи вместе с жившими рядом с ними аланами.

Во время походов в Малую Азию готы возвращались с огромным количеством пленников, за которых потом требовали выкуп. Среди последних было много христиан. Вместе с ними христианство распространилось и среди готов. Уже в 325 г. н.э. под документами Вселенского Собора, состоявшегося в городе Никее, свою подпись рядом с подписью Кадма, епископа Боспора, поставил Феофил, епископ Готии. Но единого мнения, где располагалось это епископство — в Крыму, на Нижнем Дунае

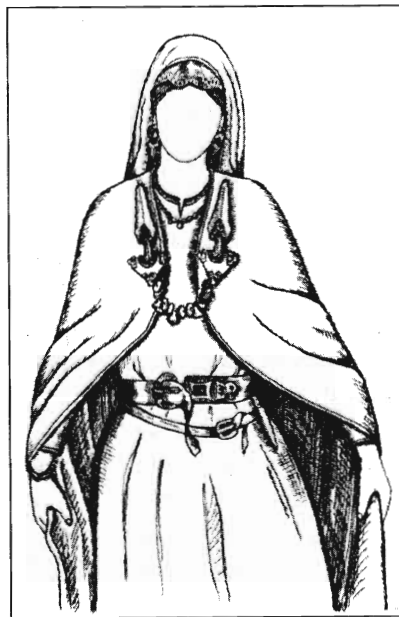
или на территории черняховской культуры — не существует.

Во второй половине IV в. н.э. король остроготов Германарих (Эрманарих) объединил многие племена и создал в Северном Причерноморье сильную державу. Начались процессы становления готской государственности и образования единой готской народности. Однако они были прерваны в 70-х гг. IV в. н.э. вторжением кочевников гуннов, разгромивших объединение Германариха. Началась эпоха Великого переселения народов. В результате бесконечных войн и переселений, везеготы достигли Испании, а остроготы — Италии, где основали свои королевства. Та же часть готов, которая обосновалась в Крыму, не покинула своих мест.

Под воздействием христианства готы постепенно отказались от обряда трупосожжения и переняли у алан обряд трупоположения. Материалы погребений свидетельствуют, что в V в. н.э. у населения Юго-Западного Крыма получает распространение характерный для готов женский костюм, в гарнитур которого входила пара фибул, скреплявших на плечах верхнюю одежду, и пояс с большой пряжкой. Подобная мода существовала там, где жили готы: в Испании у везеготов и в Италии у остроготов. По мнению ученых, женский костюм в древних обществах являлся одним из наиболее показательных этнических признаков. Этот костюм от готов восприняли и крымские аланы.

Наследники Римской империи — византийские императоры — стремились укрепить свое влияние в Таврике. С этой целью они, возможно, привлекали живших в Юго-Западном Крыму готов и аланов на военную службу в качестве федератов (союзников) и возводили в стратегически важных районах укрепления. В VI в. н.э. были выстроены крепости на плато Мангупа и Эски-Кермена, призванные защищать подступы к византийскому Херсону (античному Херсонесу). Службу в гарнизонах этих

крепостей несли федераты. Важные сведения об их образе жизни оставил выдающийся византийский историк VI в. н.э. Прокопий Кесарийский, называвший местность, где жили готы-федераты, областью Дори, под которой, вероятно, следует понимать весь Юго-Западный Крым: “Здесь же, на этом побережье, есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов... Они достигают численностью до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны,

Женский готский костюм
(реконструкция Э. Хайрединовой)

и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны; гостеприимны они больше всех людей. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император [Юстиниан I] не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов”. Среди ученых

нет единого мнения о том, где именно в Крыму располагались построенные византийским императором Юстинианом I (527 – 565 гг.) упомянутые Прокопием Кесарийским “длинные стены”.

В VIII в. была создана просуществовавшая до конца XVIII в. Готская епархия, центр которой находился сначала в Партените, а затем в Доросе (на Мангупе). В IX в. о проживавших, по всей видимости, в Крыму готах-христианах сообщает Житие Константина (Кирилла) Философа. Факт обращения крымских варварских племен в греческое христианство, несомненно, вызывал изрядное раздражение у римской католической церкви: одно из писем папы Иннокентия IV (1245 г.) упоминает алан и готов среди народов, которых необходимо обратить в лоно католицизма. Папа Иоанн XXII (1333 г.) с сожалением писал о том, что население “обширной и густонаселенной страны Готии”, увы, принадлежит к “схизматической”, по его мнению, греческой церкви.

Каковы же были границы Крымской Готии в позднесредневековое время? В XIV в. Готия со столицей в Феодоро-Мангупе занимала значительную часть всего Юго-Западного Крыма, простираясь вдоль береговой линии от Херсона до Алушты (а вероятнее всего, и до самого Судак-Солдаи). Значительно сложнее установить ее северную границу, достигавшую, по всей видимости, горы Чатыр-Даг и горной крепости Кырк-Ер. Более того, Кырк-Ер (позднее Чуфут-Кале), именующийся в некоторых источниках крупнейшим городом Крымской Алании, по сообщениям баварского солдата Иоганна Шильтбергера (начало XV в.) и монаха-францисканца Вильгельма Рубрика (1253 г.), также входил в состав земель, где проживали готы. По договору с татарами (1381 г.), часть прибрежных готских земель от Чембало (Балаклавы) до Солдаи со всеми поселениями и христианским населением отходит к генуэзцам и именуется в делопроизводственных документах “капитанство Готия”.

В связи с принятием христианства греческого образца, а также вследствие контактов с местным грекоязычным населением, готы, по выражению известнейшего исследователя готской истории в Крыму А. Васильева, “эллинизируются”, то есть попадают под сильное влияние греческой культуры, языка и религии. В этот же период, по всей видимости, происходят значительные ассимиляционные процессы между готским и аланским населением Таврики. К концу XV в., по мнению венецианского путешественника Иосафата Барбаро, оба этноса слились в единую общность, именуемую Gothalani: “Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами, произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим они называют себя готаланами”.

Тяжелейший удар по Крымской Готии был нанесен турецким вторжением 1475 г. О падении христианских владений в Крыму взволнованно писали авторы русских летописей, европейских хроник и географических трактатов. Особенно сильное впечатление на христианскую Европу произвело падение Феодоро-Мангупа, столицы Крымской Готии. Краковский историк и географ Матвей Меховский в своем знаменитом “Трактате о двух Сарматиях” (1517 г.) скорбно писал о том, что османский император Мохаммед II “двух братьев и князей манкупских, единственных уцелевших представителей готского рода и языка, надежду на продолжение готского племени, мечом зарубил и замком Мангуп завладел. Таким образом, готы полностью [...] уничтожены были, и более их родословная не возродилась...”.

В этом месте нашего повествования о крымских готах, казалось бы, следовало поставить задумчиво-печальное многоточие, если бы не неожиданное и яркое свидетельство второй половины XVI в., полностью опровергающее

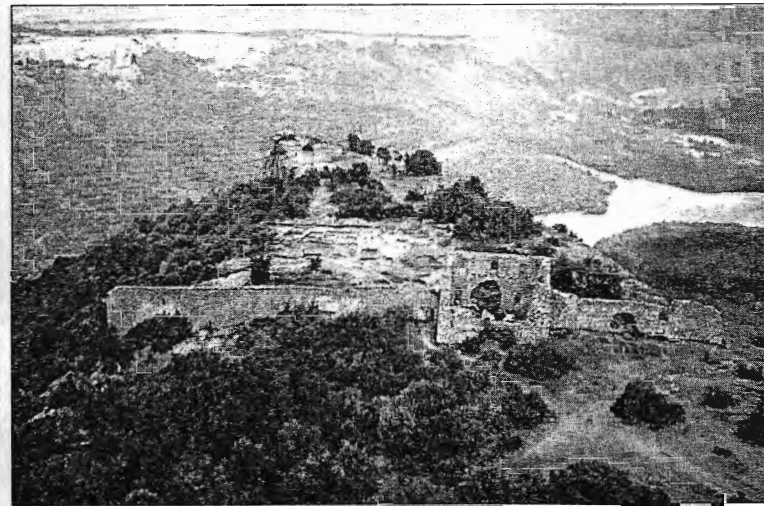
пессимистические сообщения европейских авторов о полном исчезновении крымских готв. Но, прежде чем анализировать это свидетельство, давайте на мгновение остановимся на ситуации конца XV в., незадолго до турецкого вторжения. Итак, по сообщениям ряда источников, на тот момент крымские готы практически полностью смешиваются с аланами и, находясь под сильным греческим влиянием, по-видимому, в основном переходят на греческий язык. Те из них, кто находятся в контакте с местными татарами, по свидетельствам Я. Циглера (ок. 1520 г.) и Г. Торквата (ок. 1560 г.), начинают говорить по-татарски.

А что же германский готский язык? Действительно, не вызывает никакого сомнения тот факт, что готские переселенцы принесли с собой на заре веков готский язык, каковым они, в дополнение к греческому и татарскому, по всей видимости, владели в качестве бесписьменного языка бытового общения вплоть до турецкого завоевания и даже после него. Источники расходятся в определении этого языка. Так, Вильгельм Рубрук (1253 г.) называл язык крымских готв “тевтонским” (*teutonicus*), Барбаро — “немецким” (*todesco*), архиепископ Иоанн III де Галонифонтибус (1404 г.) — псевдоанглийским (*quasi Anglici*), Г. Торкват (около 1560 г.) — “саксонским”, а И. Шильтбергер — “готским языком (*Kuthia sprauch*), который язычники называют “tat” (*thatt*)”. Особым романтизмом и неточностью отличается свидетельство Вилибальда Пиркхаймера (1500 г.), встретившего в море возле “Боспора” (непонятно, керченского или византийского) юношу, напевавшего песню с “германскими словами”. На вопрос изумленных слушателей юноша, указав рукой на близлежащие горы, отвечал, что его родина неподалеку, а его племя называют готами.

Такой разноречивой в показаниях заставил многих исследователей (прежде всего, виднейшего венгерского ираниста Э. Шютца) усомниться в существовании крымс-

кого готского языка вообще. Действительно, в Крыму нет ни одного средневекового германского топонима или гидронима, отражающего существование разговорного готского языка, отсутствуют также памятники крымской готской письменности. Впрочем, определенные надежды на разгадку этой тайны подавала случайно обнаруженная в ходе раскопок 1996 г. на горе Опук (Керченский полуостров) каменная стела с вырезанными на ней изображением креста в круге и четырьмя руническими буквами, по косвенным признакам датированная второй — третьей четвертью IV в. Тем не менее, обнаружение стелы вне археологического слоя и отсутствие убедительной интерпретации надписи не дает никаких дополнительных сведений о лингвистической истории крымских готв.

Единственным прямым (хотя и не столь однозначным, как бы того хотелось) свидетельством, зафиксировавшим

Цитадель столицы крымских готв — Феодоро-Мангупа

следы крымско-готского языка, является четвертое “Турецкое письмо” австрийского дипломата, фламандца Огира Гиселина де Бузбека (1560 – 1562 гг.). Переводчики

дипломата “случайно” встретили в Константинополе двух крымских жителей, гота и грека, отрекомендовавшихся как посланцы с жалобами к турецкому султану. Один из них, готского происхождения, выглядевший, по свидетельству Бузбека, как фламандец или голландец, увы, утратил знание родного языка и говорил только по-гречески. Грек же, напротив, из-за тесного общения с готами освоил готский язык. Именно он и был основным информатором Бузбека, сообщившим ему о том, что готы и в XVI в. по-прежнему проживали во многих крымских селениях, а также городах Мансур и Scivarin (то есть Мангуп и Сюрень), поставляя при необходимости татарскому хану восемьсот стрелков-пехотинцев. Бузбек также записал 101 готское слово (включая числительные, короткие фразы и даже начало не поддающейся адекватному переводу песенки-кантилены).

В академическом мире сообщение Бузбека вызвало самую неоднозначную реакцию. Занимавшийся поисками готского языка в Крыму француз Обри де ля Мотрэ (1711 г.) утверждал, что встреченные Бузбеком посланцы были ни кем иным, как потомками плененных татар- немцев. Аналогичного мнения был также П. С. Паллас (1793 – 1794 гг.), не обнаруживший “ни малейшего остатка” готского языка ни в одном из тогдашних татарских диалектов. Среди гипотез относительно этнической принадлежности информантов Бузбека были и достаточно курьезные. Профессор Балтазар Хакет (1795 г.), часто наблюдавший евреев в австрийском Лемберге (современный Львов), полагал, что этими информантами были говорящие на идиш еврей-ашкеназы из Польши или Венгрии, в то время как краевед В. Х. Кондараки полагал, что ими были... крымские караимы.

Другие авторы, с энтузиазмом (пожалуй, несколько чрезмерным) воспринявшие сведения Бузбека, напротив, всячески стремились найти остатки готского населения в горном Крыму в конце XVIII – XIX вв. Так, Станислав

Сестренцевич-Богущ (1783 г.) утверждал, что слышал в районе Мангупа от перешедших в мусульманство (но помнящих о своем христианском прошлом) остатков готов диалект, сходный с нижненемецким. Потомков готов в населении горного Крыма усматривала в 1795 г. Мария Гатри, в то время как Ф. Браун (1890 г.) видел проявления “атавизма готской крови” в голубоглазых блондинах — мариупольских греках. Этнограф Б. А. Куфтин находил следы готского влияния в особях срубных домах с двускатной крышей, распространенных в горных татарских деревнях Бахчисарайского района. Отметим, что все эти наблюдения несколько фрагментарны и, пожалуй, не могут быть истолкованы как однозначные свидетельства о проживании остатков готского населения в столь позднее время.

Возвращаясь к свидетельству Бузбека, следует отметить, что оспариваемый многими лингвистами готский характер записанных дипломатом слов был достаточно убедительно доказан в монографии М. Стернса (1978 г.). По мнению исследователя, несмотря на несколько непоследовательную транскрипцию и ряд лексических странностей, записанные Бузбеком слова действительно представляют собой фрагменты отдельного восточно-германского языка, который, самостоятельно развиваясь и отделившись не позднее III в. н.э. от остальных германских языков, может быть назван “крымско”- или “восточно-готским”.

Попробуем подвести итоги. Итак, проникшие на полуостров в III в. н.э. готы оседают преимущественно в Юго-Западном Крыму и, приняв христианскую веру византийского образца, начинают смешиваться с местным аланским населением, одновременно перенимая язык и культуру греков-византийцев. После вторжения в Крым татар (XIII в.) некоторая часть готов в дополнение к греческому языку начинает также использовать татарский. С некоторой осторожностью можно предположить, что даже

во второй половине XVI в. (а по некоторым данным — вплоть до конца XVIII) готское население Крыма продолжало использовать в качестве бесписьменного языка домашнего общения родной германский диалект. После турецкого завоевания 1475 г. эллинизированное готское население начинает культурно (а, возможно, этнически и религиозно) «татаризироваться» и утрачивать свою «готскую» идентичность. Тем не менее, даже в XIX в. некоторые этнографы и историки считали потомками готов (не имея, впрочем, для этого особых доводов) голубоглазое и светловолосое население греческих деревень Мариуполя и горного Крыма. В годы Второй Мировой войны «готскую тему» пытались использовать нацистские идеологи и ученые, вынашивавшие замыслы переименования Крыма в «Готенланд» и заселения полуострова этническими немцами. На настоящий момент крымскими готами продолжают заниматься историки, лингвисты и археологи, по-прежнему горячо обсуждающие спорные моменты истории этого уникального этноса.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. — М., 1990.
- Пиоро И. С. Крымская Готия. — К., 1990.
- Васильев А. А. Готы в Крыму // Известия Российской Академии истории материальной культуры. — 1921. — Т. 1; Известия Государственной Академии истории материальной культуры. — 1927. — Т. 5.

АЛАНЫ

И. Н. Храпунов

Аланы — одно из сарматских племен, зафиксированное впервые письменными источниками середины I в. н. э. По словам историка IV в. н. э. Аммиана Марцеллина, «...они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности». К III в. н. э. аланами именуют многие ираноязычные племена, жившие на юге Восточной Европы и на Северном Кавказе. Готы, продвинувшись в Северное Причерноморье, как бы рассекли аланский массив на две части. Аланы, оказавшиеся в то время на Дунае и западнее, многократно упоминаются письменными источниками как сила, действовавшая в Западной Европе и даже в Северной Африке вплоть до V в. н. э. Еще более мощная аланская группировка осталась на востоке — Нижнем Дону, Приазовье и Северном Кавказе. В Подонье аланы-танаиты были разгромлены гуннами около 375 г. н. э. На Северном Кавказе они жили до монголо-татарского нашествия XIII в.

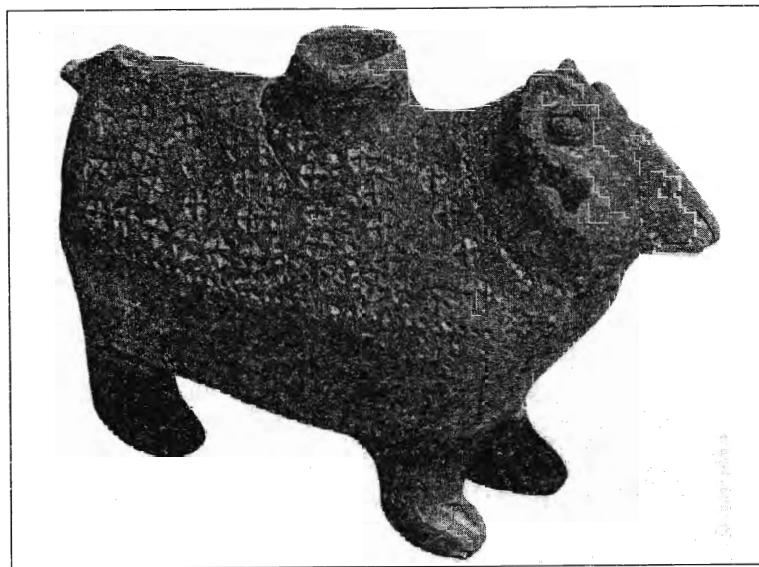
Населявшие степь аланы были классическими кочевниками. Их образ жизни, а, заодно, и внешний облик довольно подробно описал Аммиан Марцеллин: «Разделенные таким образом по различным частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя, и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение. У них нет никаких

шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Почти все аланы высоки ростом и красивы; с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни”.

В предгорных районах Северного Кавказа кочевники контактировали с местным населением и переходили к оседлости. Потомки этого населения, именовавшиеся аланами, занимали большую часть Северного Кавказа в эпоху средневековья. Оттуда, через Боспор Киммерийский (Керченский пролив) и территорию Боспорского царства, аланы переселились в Крым. Это переселение осталось незамеченным авторами сохранившихся письменных источников. Зато в сарматских могильниках появились склепы не известной в Крыму конструкции. Такие склепы имеют прототипы и даже точные аналогии на Северном Кавказе, где жили аланы. На полу погребальных камер находят обычно по 8 – 9 погребенных. Интересно, что меч клали на голову или плечо умершего воина. Такой обычай очень специфичен, зафиксирован только в Крыму и на Северном Кавказе. Предметы вооружения еще представлены боевыми топорами, копьями и наконечниками стрел. Среди многочисленных и разнообразных украшений встречаются очень красивые серьги и браслеты из золота и серебра, орнаментированные крупными сердоликами. Детали одежды служили серебряные и бронзовые фибулы, пряжки и наконечники поясов. За головами погребенных у стены склепа ставили, нагромождая их друг на друга, десятки керамических сосудов. Многие из них имеют аналогии на Северном Кавказе. Таковы археологические факты, позволяющие, конечно с известной долей вероятности, заключить, что в Крым в III в. н. э.

переселилась значительная группа северокавказских аланов. В IV в. н. э. аланские склепы становятся господствующим типом погребальных сооружений в предгорных крымских могильниках, раскопанных близ сел Дружное Симферопольского района, Баланово Белогорского района и в других местах.

Некоторые сведения о расселении алан в Крыму можно извлечь из письменных источников. Так, в анонимном описании берегов Черного моря, составленном в VI в. н. э., приведено другое название опустевшей к тому времени

Керамический сосуд в виде барана
из могильника Нейзац. IV в. н.э.

Феодосии — Ардабда (“семибожный”), которое принадлежит “аланскому, то есть таврскому языку”. Многие исследователи полагают, что название крымского средневекового города Сугдея (современный Судак) на аланском языке означало “чистый, святой”. Согласно церковному преданию, записанному в XIII в., этот город был основан в 212 г. н. э.

В самом конце IV или начале V в. почти все упоминавшиеся выше могильники перестали использоваться. Вероятно, в связи со страшной угрозой, которую представляли собой шедшие с востока кочевники-гунны, аланы перешли на новые места. Возникают могильники Лучистое, Скалистое, Баклинский овраг с такими же, как и раньше, склепами и лепной посудой, но с новыми, присущими гуннскому времени, наборами гончарной и стеклянной посуды, конской сбруи, оружия, украшений и пр. Параллельно с ними существуют возникшие около середины III в. некрополи с трупосожжениями Харакс (на мысе Ай-Тодор, близ Ласточкиного Гнезда) и на южном склоне Чатыр-Дага. Они были оставлены германцами из племенного союза, возглавляемого готами. К VI в. трупосожжения исчезают. Высказано предположение о том, что это произошло в связи с принятием готами христианства. В результате формируется своеобразная культура средневекового населения Крымских гор и предгорий. Ее создателями, как полагают практически все современные исследователи, были преимущественно аланы и готы.

Однако вплоть до XIII в. письменные источники об аланах, живших в Крыму, ничего не сообщают. Правда, известно датированное 706 г. надгробие, на котором высечены имена Моисея, Иосифа и Гошла Алани. Обнаружено оно в весьма примечательном месте — близ «пещерного города» Чуфут-Кале. Согласно более поздней письменной традиции, эта крепость, именовавшаяся Кырк-Ор, находилась в стране крымских асов — алан. Однако упомянутое надгробие происходит с кладбища, где активно работал Авраам Фиркович, известный подделками многих средневековых эпиграфических памятников. Поэтому использовать надпись в качестве полноценного исторического источника без дополнительной проверки нужно с величайшей осторожностью.

Начиная с XIII в. крымские аланы или асы многократно упоминаются в письменных источниках. Послед-

ний этноним (название народа) с полным основанием сопоставляется с ясами (так в русских летописях именовали аланов) и потому отождествляется с аланами. Внезапное открытие авторами средневековых сочинений крымских алан на фоне предшествующего долгого умолчания вряд ли случайно. Создается впечатление, что в Крым с Северного Кавказа приблизительно в начале XIII в. переселилась какая-то группа алан. Сугубо гипотетически, основываясь лишь на совпадении дат, можно предположить, что эта миграция произошла в результате или в связи с угрозой монголо-татарского нашествия.

В первой половине XIII в. христианский миссионер епископ Феодор по дороге в северокавказскую Аланию прибыл морем в Херсон (так в средние века назывался древний Херсонес, руины которого расположены близ современного Севастополя). Преследуемый врагами, он бежал и нашел приют в аланском селении, расположенном неподалеку от города. «Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана города», — пишет Феодор. Чуть выше он называет этих алан «малыми». Сведения Феодора кажутся особенно достоверными в свете того факта, что он, в конце концов, добрался до кавказской Алании и, следовательно, имел возможность сравнивать жителей Крыма и Кавказа. Вероятно, в результате такого сравнения он назвал крымских алан «малыми», в отличие от гораздо более многочисленных, но родственных им жителей Северного Кавказа. Благодаря свидетельству Феодора становится ясно, что аланы концентрировались в Юго-Западном Крыму, где охраняли подступы к Херсону.

В июле 1253 г. Вильгельм Рубрук на пути из Судак к Перекопу в степи встретил алан. Они «... христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц». Краткое замечание Рубрука позволяет сделать некоторые

выводы. Во-первых, алан он встретил в степи, следовательно, они жили не только близ Херсона. Во-вторых, по-видимому, в Крыму аланы были не очень многочисленны. Во всяком случае, Рубрук встретил их впервые уже покидая полуостров. В-третьих, аланы, православные с точки зрения путешествующего католика, по-видимому, были не особенно искушены в вопросах вероисповедания, возможно, даже не знали о расколе церкви 1054 г.

Во второй половине XIII в. аланы упоминаются среди жителей недавно основанного города Крым (ныне — Старый Крым). Аланские купцы участвуют иногда в дипломатических миссиях, посредничая, в частности, в переговорах египетских султанов и ханов Золотой Орды.

Важнейшее свидетельство о крымских аланах принадлежит арабскому географу Абу-ль-Фиде (Абульфедя). “Керкер или Керкри ...находится ... в стране асов, его имя значит по-турецки сорок человек; это укрепленный замок, трудно доступный; он опирается на гору, на которую нельзя взойти. На верху горы есть площадь, где жители страны (в минуту опасности) находят убежище. Этот замок на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени асов... Керкер находится на севере от Сары-Кермена; между этими двумя местами один день пути”. Благодаря довольно точным топографическим указаниям, никто из исследователей не сомневается, что Керкер (у других авторов часто — Кырк-Ор) — это знаменитый “пещерный город” Чуфут-Кале, расположенный неподалеку от современного Бахчисарая. Сары-Керменом некоторые позднесредневековые арабские и тюркоязычные авторы именовали Херсон. Таким образом выясняется, что аланы, как и в XIII в., населяли Юго-Западный Крым и обладали одной из мощнейших на полуострове крепостей.

Об этом же писали в начале XV в. арабский географ Ал-Кашкаиди, а в XVIII в. — турецкий историк Аали-Эфеиди.

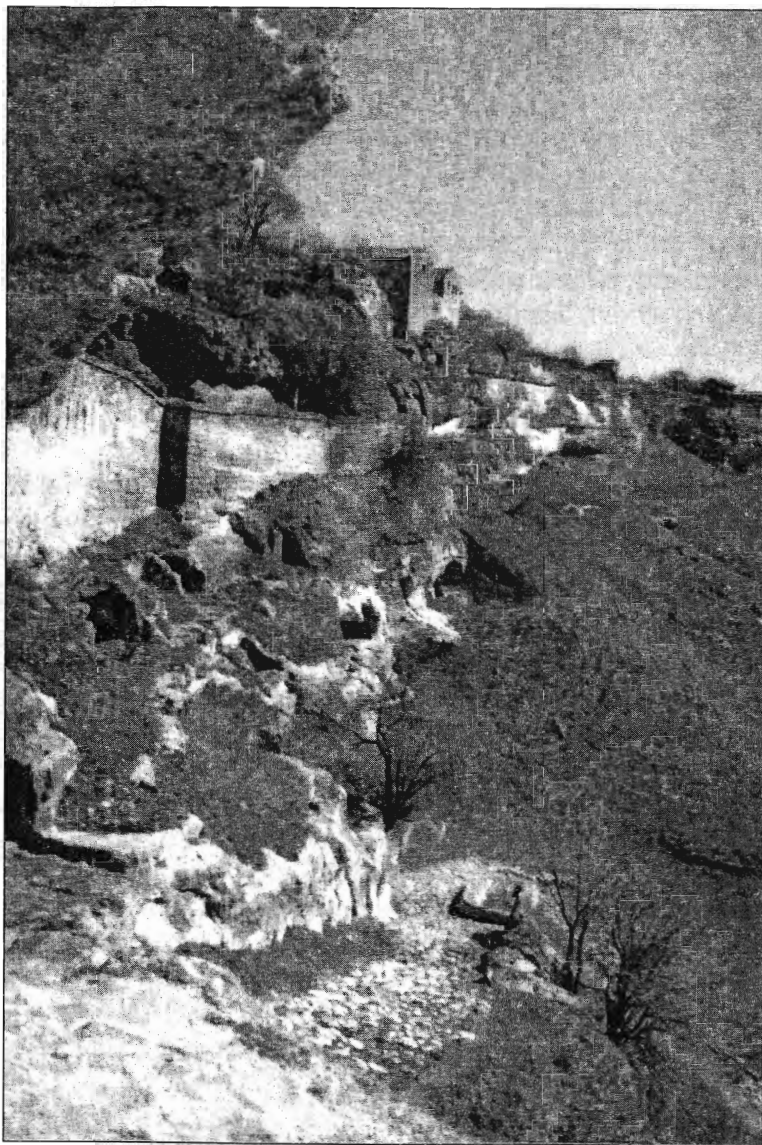
Венецианец Марино Санудо в письме французскому королю Филиппу IV от 13 октября 1334 г. отмечал, что в Крыму в зависимость от татар попали готы и небольшое число алан.

В актах Константинопольской патриархии дважды, в 1385 и 1390 гг., упомянут крымский приход Алания. Его точное местоположение неизвестно. Однако порядок перечисления населенных пунктов позволяет предположить, что он находился в юго-восточной части полуострова, где-то между Алуштой и Судакком.

Весьма интересные сведения об Алании и аланах удалось разузнать в XV в. венецианскому купцу Иосафато Барбаро: “Далее за Каффой по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней Алания, которая тянется по “острову” в направлении Монкастро. ... благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы, они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем алан. Таким образом, в виду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви”.

Последовательность перечисления Каффы (современная Феодосия), Готии и Алании оставляет мало сомнений в том, что последняя располагалась в Юго-Западном Крыму. Исторический экскурс Иосафато Барбаро во многом совпадает с новейшими представлениями археологов об этнической истории Крыма в позднеримское время и в раннем средневековье, о чем уже говорилось выше. Именно в этом источнике впервые употреблен этноним готаланы, который многие современные авторы смело распространяют на раннесредневековое население Крымских гор и предгорий.

Резюмируя, историю алан в Крыму можно представить следующим образом. В конце III — IV вв. они в значительном количестве переселяются на полуостров с Северного Кавказа. В раннее средневековье аланы, наряду

«Пещерный город» Чуфут-Кале — место обитания средневековых алан

с готами, стали одним из основных компонентов формирующейся в Крымских горах и предгорьях новой народности, которую некоторые современные историки называют готаланами. В начале XIII в., возможно, происходит новая миграция алан в Крым с Северного Кавказа. В позднем средневековье они населяют два региона. Один из них — густо заселенный с центром в Кырк-Оре — Чуфут-Кале — локализуется в Юго-Западном Крыму, другой, менее значительный — в юго-восточной части полуострова. Отдельные группы алан расселились в крымской степи.

В XVI в. аланы, по-видимому, принимают участие в этногенезе крымских греков и крымских татар (горная этнографическая группа), утрачивают свои этнические особенности и перестают существовать как этнос. Их длительное пребывание в горном Крыму зафиксировано многими топонимами, включающими элементы -алан или -ас.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. — Симферополь, 1993.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Владикавказ, 1992.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М; Л, 1964.

ГУННЫ

В. П. Власов

Появление в южнорусских степях гуннов, которых современники называли “гроза трех империй”, открыло новую эпоху в истории Европы — эпоху Великого переселения народов. Так называется крупнейшее миграционное движение германских, иранских, тюркских, а позднее и славянских племен, которое с конца IV по VII вв. н.э. сотрясало всю Европу и привело к кардинальному изменению ее этнополитической карты. Ключевую роль в этих миграциях сыграли воинственные азиатские кочевники — гунны. Вторгшись в Северное Причерноморье, они всколыхнули весь варварский мир, спровоцировав перемещения огромных масс разноязыкого населения в западном направлении — к границам Римской империи. Раздираемая внутренними противоречиями, разделенная в 395 г. на две части, некогда самая могущественная держава Средиземноморья оказалась не в силах противостоять бесчисленным варварам. В конечном счете, их натиск привел к падению в 476 г. Западной Римской империи и краху античной системы рабовладения, на смену которой пришли феодальные отношения эпохи средневековья.

Считается, что гунны — это потомки кочевого народа хунну, обитавшего в Центральной Азии у границ Китая, с которым они вели беспрестанные войны. В I в. н.э. в одной из таких войн хунну потерпели поражение. Часть из них признала власть китайского императора, а остальные решили покинуть обжитые места и двинулись на запад. По пути следования хунну смешивались и увлекали за собой многие угорские, тюркские, иранские племена

Сибири, Урала, Средней Азии и Поволжья. В результате контактов с этими народами, первоначальная культура выходцев из глубин Азии сильно изменилась, а сами хунну превратились в гуннов. Под этим именем они и стали известны античным авторам.

Первым о гуннах упомянул греческий поэт II в. н.э. Дионисий Периегет. В своем стихотворном описании мира Дионисий сообщает о неких уннах, обитавших к западу от Каспийского моря. Эти смутные представления о гуннах спустя два с лишним столетия сменились реальным знакомством с ними. Опустошительным рейдом полчища гуннов прошли Северное Причерноморье, оказались на Балканах и в Галлии, едва не уничтожив Римскую империю. Их стремительная экспансия потрясла даже выдавших виды жителей Рима, которые уже долгие годы жили среди войн, социальных потрясений и варварских набегов.

Военные успехи гуннской конницы во многом связываются с использованием луков и седел новых типов. Особенностью гуннского лука являлись его большие размеры (1,2 – 1,6 м) и асимметричная форма. Он был составным, то есть изготовлялся из нескольких кусков дерева и имел костяные обкладки, придававшие ему дополнительную жесткость. Стрела, выпущенная из лука такой конструкции, летела быстрее и дальше, а использование более крупных наконечников стрел позволяло пробивать самые прочные защитные доспехи. Еще одним изобретением гуннов явилось жесткое седло. В отличие от мягкого кожаного седла “сарматского” типа, напоминавшего подушку, гуннское седло имело жесткую деревянную основу, скрепленную металлическими пластинами. В таком седле, лучше державшем всадника на лошади, было значительно удобнее сражаться в бою.

Неудивительно, что в глазах римлян, даже родившихся после гуннского нашествия, этот народ казался воплощением самых темных сил. Историк VI в. Иордан так

писал о возникновении "самого страшного из всех своей дикостью" племени: "Когда король готов Филимир... вступил в скифские земли, он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний... Сочтя их подозрительными, он прогнал их... и принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродивших по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то ... [они] смешались с ними и произвели то свирепейшее племя..., — малорослое, отвратительное, сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи. Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов".

Под статью происхождению был и внешний облик гуннов. Яркий образ этих кочевников, а также описание их быта и нравов содержатся в сочинении Аммиана Марцеллина — историка IV в., "солдата и грека", как он сам себя называл: "Племя гуннов... живет за Меотийским болотом... и превосходит всякую меру дикости. ... они отличаются плотными и крепкими частями тела, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно их принять за двуногих зверей... При столь неприятном человеческом облике, они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением. Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение... кочуя по горам и лесам... Они одеваются в одежды холщовые или сшитые из шкур лесных мышей; у них нет различий между домашней и выходной одеждой; раз надетая туника грязного цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расплзается в лохмотья. Головы они прикрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом... Они

не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную рубятся безрассудно мечами, а сами, уклоняясь от удара кинжалов, набрасывают на врагов крепко свитые арканы... Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина... Подобно неразумным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах, ...не связаны уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту...".

По описанию внешности гуннов, а также по результатам антропологических исследований их останков, гунны, в отличие от других народов, которые оказывались в Крыму в предшествующие эпохи, относились не к европеоидной, а к монголоидной расе. Язык гуннов, по мнению специалистов, принадлежал к тюркской группе алтайской языковой семьи.

В ходе своего движения на запад, в конце IV в. центральноазиатские варвары обрушились на обитавших в степях Предкавказья, Подонья и Приазовья алан, которые стали первым европейским народом, пострадавшим от гуннской агрессии. Произведя страшные опустошения, частично истребив, а частично покорив алан, гунны ворвались во владения остготской "державы Германариха" и разгромили ее. Престарелый конунг Германарих, по одной версии, покончил с собой, а по другой — умер от

раны. Уцелевшие остготы признали власть победителей, которые стали безраздельно господствовать на огромной территории от Дона до Карпат.

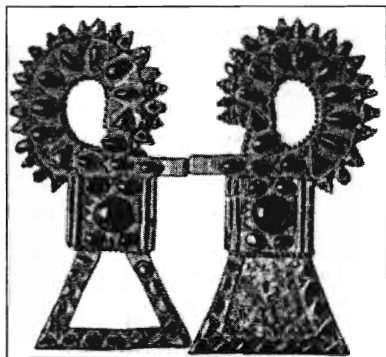
Гуннский всадник (реконструкция М. Горелика)

Разорив стойбища алан, гунны устремились на запад двумя путями. Основной их массив обогнул Азовское море с севера, а отдельные отряды через Боспор Киммерийский проникли в Крым. Если верить рассказу историка V в. Созомена, кочевники случайно обнаружили переправу через Керченский пролив: “[Готы и гунны] не знали, что живут по соседству друг с другом, так как между ними лежало огромное озеро [Меотида]... Однажды... преследуемый оводом бык перешел через озеро и за ним последовал пастух; увидав противоположную землю, он сообщил о ней соплеменникам. Другие говорят, что перебежавшая лань показала охотившимся гуннам эту дорогу, слегка покрытую сверху водою”. Несколько отличающаяся версия проникновения гуннов в Крым изложена современником Созомена — историком Зосимом: “...Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаиса [Дона], дал им [гуннам] возможность перейти сухим путем из Азии в Европу”. На первый взгляд этот рассказ кажется лишь красивой легендой, но современники отмечали, что из-за наносов ила Керченский пролив время от времени действительно превращался в мелководье, давая возможность перейти его “сухим путем”. Существует и еще одно объяснение: гунны переправились через Боспор Киммерийский по льду. В морозные зимы пролив замерзает настолько, что становится вполне проходимым.

Сметавшая все на своем пути, неукротимая гуннская конница, тем не менее, не нанесла сокрушительного удара Таврике. Судя по археологическим данным, Боспорское царство от вторжения гуннов сильно не пострадало и, похоже, они подчинили его не вступая в сражение. Видимо, правители Боспора предпочли признать верховенство пришельцев, выплатив им дань. Удалось избежать столкновения с гуннами и Херсонесу. Единственными, кто испытал существенную дестабилизацию в связи с приходом гуннов, оказались жившие в предгорьях сарматы, аланы

и германцы. Одни из них переселились в труднодоступные районы Главной гряды Крымских гор, другие обосновались на подступах к Херсонесу — последнему форпосту Римской империи в Северном Причерноморье. В результате большая часть полуострова превратилась в кочевья гуннского племени, названного Иорданом алыци-агирами.

Связываемые с гуннами погребения, которых всего известно около десятка, равномерно распределены в степной части Крыма. Как и все кочевники, гунны не оставляли больших родовых кладбищ. Их одиночные захоронения совершены либо в насыпях курганов, либо в склепах предшествующих эпох. Возможно, впрочем, что это могилы не собственно гуннов, а входивших в состав их войска других народов. По этой причине археологи обобщенно говорят о них как о “погребениях гуннского времени”. Несмотря на дикость и жестокость нравов покорителей Европы, гуннская эпоха демонстрирует яркую и самобытную материальную культуру с оригинальными, изящно выполненными предметами в красно-желтой цветовой гамме. За таким ювелирным направлением, когда поверхность золотых изделий разделялась на ячейки, в которые помещались вставки из альмандинов, сер-

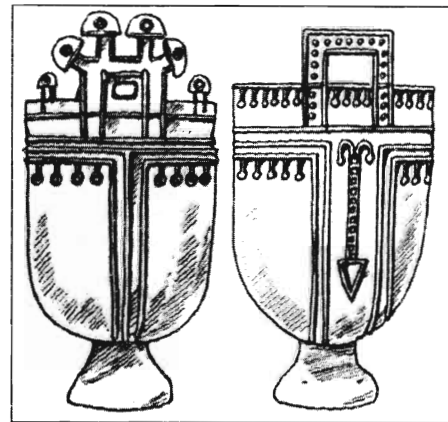

Украшение, выполненное в полихромном стиле, из погребения на Керченском полуострове

доликов или стекла, закрепилось название “гуннский полихромный стиль”. В этом стиле оформляли серьги, диадемы, пряжки, фибулы, рукояти и ножны мечей, детали конской упряжи. Помимо высокохудожественных образцов “полихромного стиля”, характерным признаком гуннской культуры являются также бронзовые котлы, ко-

торые, вероятно, являлись ритуальными сосудами, предназначенными для варки мяса жертвенных животных.

В начале V в. гунны, пребывавшие до этого в относительном мире с Римской империей, достигли Дуная и перешли ее границу. В это время ими предводительствовал мудрый политик и талантливый полководец Атиллы, получивший прозвище “бич божий”. На пути к достижению единоличной власти

Бронзовые гуннские котлы

Аттилы не останавливался перед физическим устранением своих противников, даже родственников, поэтому одно только имя его наводило на всех ужас. По словам Иордана, “... этот человек родился в мир для потрясения народов и для внушения страха всем странам”. Правление Аттилы стало триумфом гуннов в Европе, временем их наивысшего могущества. Расширяя свои территории, Аттилы грабил богатые города, уничтожая их жителей, а в 434 г. даже осадил Константинополь. После кровопролитного сражения римлянам пришлось выполнить унижительный ультиматум Аттилы и выплатить 1800 кг золота. Жажда золота довела азиатов до Галлии (Франция), где и решилась судьба Европы.

Ранним утром 21 июня 451 г. в 150 километрах восточнее Парижа на Каталаунских полях в беспощадном поединке сошлись воинство Аттилы и римская армия под командованием полководца Аэция. И хотя решающей победы в сражении, которое вошло в историю как “битва народов”, не одержала ни одна из сторон, военная мощь гуннов была подорвана. Через год Аттилы вновь собрал

войско, вторгся в Галлию, но так и не смог ее завоевать. Вскоре он умер. Его эфемерная держава, существовавшая лишь благодаря силе оружия и авторитету вождя, распалась. Разрозненные гуннские орды направились в северопричерноморские степи, а одно из племен — утигуры, оказалось в Крыму.

Здесь гунны-утигуры столкнулись с готами-трапезитами, охранявшими западные рубежи Боспора германцами. Выполняя свои обязательства, они пытались организовать оборону против надвигавшихся кочевников. Однако, не чувствуя силы сопротивляться врагам, часть готов вступила с гуннами в соглашение и, переправившись вместе на азиатский берег Киммерийского пролива, они обосновались в районе нынешнего Новороссийска. Другая часть готов осталась в Крыму, продолжая жить в горных местностях Юго-Западного Крыма. Степные пространства полуострова занимали вернувшиеся гунны.

В правление византийского императора Юстиниана I (527 — 565 гг.) эпоха Великих миграций в целом завершилась. “Старый Рим” пал, настал звездный час “нового Рима” — венценосного Константинополя. Сюда стекались товары со всего мира, и двор византийских императоров манил своей роскошью многих иностранцев. Византия всегда стремилась укреплять свои позиции в варварском мире, для чего в ход шли не только интриги и подкуп, но и пропаганда византийского образа жизни. В итоге, византийцам удалось превратить вчерашних врагов в друзей империи, победив их не столько оружием, сколько своей высокоразвитой культурой. Немалая заслуга в этом принадлежала и проповедникам христианской веры.

Мы не знаем, кто познакомил с основами христианства гуннского вождя Грода (или Горда), кочевья которого располагались на Керченском полуострове. Известно только, что этот правитель явился ко двору Юстиниана I с просьбой окрестить его. Восприемником Грода стал сам император. Отправленный с богатыми дарами

домой, Грод обязался соблюдать интересы византийцев. С ним на Боспор для охраны города был послан византийский военный отряд. Родное племя, однако, встретило крещеного гунна весьма настороженно. Настороженность переросла в ненависть, после того как Грод потребовал уничтожить старые родовые святилища и языческих идолов. Против “вождя-отступника” был организован заговор, в котором участвовал его родной брат Мугел, и Грода убили.

В отместку за связь Грода с боспорцами и византийцами, Мугел решил нанести удар по Боспору. Он захватил и разорил Таманский и Керченский полуострова, уничтожив византийский гарнизон вместе с командиром. Получив тревожные вести, Юстиниан I спешно направил в Таврику войска, а гунны, узнав об этом, обратились в бегство. В Боспоре наступил мир, и “ромееи владели им безбоязненно”, — сообщается об этих событиях в “Хронографии” Феофана.

Дальнейшая судьба уцелевших в междоусобицах и столкновениях с Византией гуннов связана с тюркютами. Это новое объединение тюркских кочевых народов, появившееся в Северном Причерноморье в 70-е гг. VI в., и в массе которых гунны бесследно растворились.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). — СПб, 1994.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — СПб, 1997.

Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. — К., 2001.

Пиоро И. С. Крымская Готия. — К., 1990.

Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. — Симферополь, 2003.

ЕВРЕИ

Н. И. Храпунов

Евреи — один из древнейших народов на Земле. Он сформировался на территории Ханаана (современный Израиль) во II тысячелетии до н. э. Отсюда началось расселение евреев по всему миру. Языком евреев является иврит или древнееврейский, на котором написан Ветхий Завет.

Русское слово “еврей” происходит от греческого *хэбрайос* (в византийском произношении — *ивраис*), которое, в свою очередь, передает ивритское *иври* (“перешедшие через”). Другим названием народа было “иудеи” (ивритское *ехуди*, греческое *иудайос*, византийское *иудайс* — “житель Иудеи”, области на Ближнем Востоке).

В Крым (или правильнее сказать, в Таврику, ведь “Крым” — это позднесредневековое, тюркское название полуострова) евреи переселялись, начиная с I в. до н. э., и с этого момента сведения о них эпизодически появляются в самых разных источниках — в надписях, созданных жителями городов Таврики, в сочинениях византийских историков, и даже в жизнеописаниях христианских святых.

Изучая историю евреев Таврики, нужно помнить о двух вещах. Во-первых, источников очень мало, они разбросаны по времени и не дают картины непрерывного, продолжающегося развития. Потому почти во всех случаях не ясно, идет ли речь об одной общине, существовавшей в том или ином городе постоянно, или же о нескольких, появлявшихся и исчезающих, причем их существование сменялось периодами, когда евреев не было среди жителей этого города. Во-вторых, нужно учитывать, что

византийские и древнерусские авторы, как правило, относились к евреям резко отрицательно.

Переезжая в Таврику, евреи предпочитали селиться не среди “варваров” и не в сельской местности, но в центрах античной культуры, иначе говоря, в греческих городах Боспора и Херсонесе. Именно здесь, с одной стороны, находили применение их склонности и способности, знания и умения, а с другой стороны, греческие города обеспечивали уровень повседневной жизни, к которому евреи привыкли ранее. И лишь впоследствии они расселяются в других районах полуострова.

Первая еврейская община возникла в восточной части полуострова, на территории Боспорского царства. В нескольких боспорских надписях I в. до н. э. упомянуты люди, носившие еврейские имена. Вероятно, по пути в Таврику из Палестины, через Малую Азию, а возможно, еще и на родине, эти переселенцы освоили греческий язык. Во всяком случае, большая часть боспорских надписей, связанных с евреями, написана по-гречески.

Первоначально количество людей, исповедовавших иудаизм, было здесь очень невелико. Вероятно, именно поэтому боспорские иудаисты в I — II вв. н. э. отказались от традиционного запрета на приобщение к иудаизму неевреев, проповедовали среди рабов и, обратив тех в свою веру, отпускали на свободу — но при обязательном условии невыхода из иудаизма. Этот акт получил название “манумиссия”. Он фиксировался в специально высеченных на камне надписях, выставляемых на всеобщее обозрение. Вот одна из них:

В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, 377 года [боспорской эры = 80/81 г. по христианскому летоисчислению], месяца Перития, 12-го числа, я, Хреста, бывшая жена Друза, отпускаю по обету в молельне вскормленника моего Геракла на свободу; жить ему — где захочет беспрепятственно, с гарантией от захвата и

беспокойства со стороны какого-либо из моих наследников, согласно моему обету, при условии почитания и усердного посещения молебни, с согласия наследников моих Гераклида и Геликониады, под опекой также и иудейской общины (перевод А. И. Доватура и Д. П. Каллистова).

Итак, из надписи следует, что на Боспоре существовала иудейская община. Надпись называет ее словом *синагога*, которое по-гречески означает "собрание". Нам же более привычно называть синагогой молитвенный дом иудеев, однако для него в надписи есть особый греческий термин — *просевхэ* ("молебня"). Вновь обращенные в иудаизм поддерживали численность иудейской общины, не давая ей исчезнуть. Если бы обращенный попытался отказаться от иудаизма, или стал недостаточно усердно исполнять обряды, это грозило ему серьезными неприятностями, вплоть до возврата в прежнее зависимое состояние.

На Боспоре известно несколько манумиссий, причем на волю отпускаются только мужчины. Полагают, это связано с тем, что по иудейским канонам, ребенок считался евреем только, если его мать тоже была еврейкой. Дети, рожденные женщинами-не-еврейками, пусть и обращенные в иудаизм, все равно не считались евреями, и занимали в общине приниженное положение, тогда как если обратившийся в иудаизм не-еврей женился на еврейке, их дети считались уже полноправными иудеями. Именно поэтому боспорские иудеи избегали обращать в свою веру женщин — представительниц иных этносов.

На территории современной Керчи находились несколько участков иудейского кладбища первых веков н. э. Вероятно, от местных греков иудеи перенимали обычай устанавливать над могилами надгробия, на которые наносили изображения семисвечника — меноры. Менора играла важную роль в религиозной жизни евреев. Первое описание семисвечника находится в Ветхом Завете. Когда Моисей

поднялся на гору Синай, он получил от Бога повеление о построении святилища, в котором и должен был находиться светильник:

Плита с изображением семисвечника («меноры»), найденная в Пантикапее

“И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник... Шесть ветвей должны выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его, и три ветви светильника из другого бока его... И сделай к нему семь лампад, и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его... Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе” (Исход 25: 31-40).

Светильник был единственным источником освещения в храме. Горение его поддерживалось постоянно и являлось

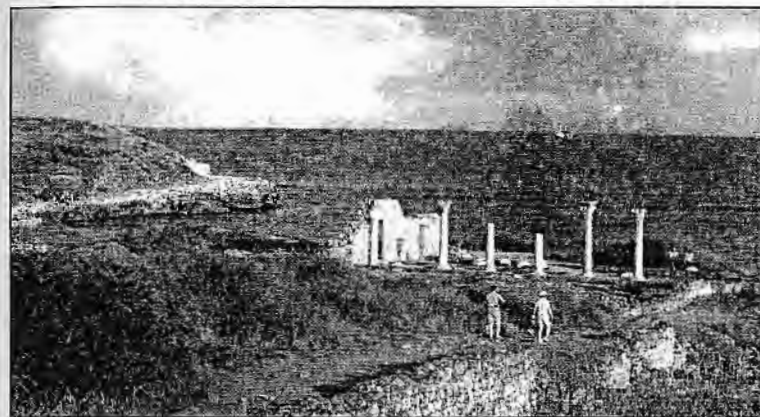
одной из важнейших обязанностей жрецов. Таким образом, семисвечник был символом света духовности, который евреи приняли от Бога. Кроме того, менора символизировала древо жизни, семь дней творения (причем средний ствол означал субботу, день отдыха от трудов), семь известных в древности планет, а также семь слоев неба.

В III в. н. э. на Боспоре получают распространение такие ранее не встречавшиеся еврейские имена, как Самуил, Исаак, Амц, Менахим, Мириам, Моисей, Аврам, Симон. Возможно, в это время сюда переселяется новая группа еврейского населения. Очень интересно надгробие некоего Исаака (III – IV вв. н. э.), эпитафия на котором вырезана на двух языках — греческом и иврите.

В I – III вв. на Боспоре распространяется культ “Бога Высочайшего”. В это время традиционная греческая религия с почитанием многих богов (политеизм) переживает кризис. В античном мире становятся популярными новые культы самого разного происхождения и свойства, в том числе признававшие только одного бога (монотеизм). Среди них было и поклонение единому безымянному “Богу Высочайшему”. Этот культ возник в восточных провинциях Римской империи — в Сирии, Египте, Малой Азии и на Балканском полуострове. Происхождение и сущность его остаются загадкой, однако большинство исследователей сходится на том, что он сформировался под влиянием иудаизма. Например, некоторые ученые предполагают, будто “Бог Высочайший” соединил в себе черты иудейского Яхве и фракийского бога природы и плодородия Сабазия или верховного бога греков — громовержца Зевса. Религиозные общины — “фиасы”, объединявшие поклонников этого культа, существовали во многих боспорских городах. “Богу Высочайшему” посвящены несколько актов об отпуске рабов на волю — манумиссий. Таким образом, распространение культа “Бога Высочайшего” на Боспоре возможно, также было связано с появлением здесь переселенцев с Ближнего Востока.

Вторым античным городом на территории Таврики, в котором поселились евреи, стал Херсон (так в средние века стал называться древний Херсонес). Здесь еврейская община появилась позже, чем на Боспоре. В конце IV – V вв. н. э. в Херсонесе, на том самом месте, где

сейчас высятся колонны “базилики 1935 г.” (известные жителям Украины по изображению на купюре достоин-

“Базилика 1935 г.” в Херсонесе,
на месте которой находилась синагога

ством в одну гривню), находился молеальный дом иудейской общины — синагога. Это было довольно внушительное, богатое здание. Стены его были украшены росписями по сырой штукатурке (фресками), поверх которых один из членов общины нацарапал следующее:

...тот, кто выбрал Иерусалим...

...благословит Ананию из Боспора...

Аминь, аминь, села.

“Тот, кто выбрал Иерусалим” — это один из эпитетов Бога. “Села” — древнееврейское слово, означавшее паузу при вознесении псалма или молитвы. Она подчеркивала благодарение и превознесение Всевышнего, выражала мольбу о его помощи и защите.

Из надписи следует, что среди херсонских иудеев были выходцы с Боспора. Показательно, что этот Анания умел писать на иврите. Иврит — язык, возникший в Палестине, — по-видимому являлся важным объединяющим началом для евреев Херсона. Он помогал членам общины сохранить свое самосознание и не раствориться в грекоязычном населении (основную часть населения города в

это время составляли эллины, чаще всего выходцы из других причерноморских городов; кроме них, там проживали римляне, сарматы, фракийцы). Вероятно, греческий был языком повседневного общения, бытовым для иудеев Херсона, тогда как иврит оставался языком культа.

Не менее важно и то, что херсонские иудеи сохраняли память об Иерусалиме. Этот город оставался символическим центром всех евреев, оказавшихся вдали от родины. Среди процарапанных на штукатурке надписей (граффити) есть и написанные греческими буквами еврейские имена — Енох, Иуда, Исайя, а также слово “Иудея”. Украшением синагоги была, вероятно, монументальная каменная плита с изображением семисвечника-меноры.

В конце V в. херсонская синагога была разрушена, возможно, в результате землетрясения, но нельзя исключить и злую волю местных жителей — противников иудеев. О том, как эти события повлияли на судьбу еврейской общины Херсонеса, ничего не известно. Ясно только, что синагога более не восстанавливалась. Однако, спустя несколько веков евреи жили в Херсоне. Сведения об этом можно почерпнуть из созданного в городе памятника

средневековой литературы — “Житий святых епископов херсонских”.

“Жития” рассказывают о первых христианских миссионерах, прибывших в Херсонес в конце III — начале IV вв. проповедовать новую религию. Здесь им пришлось столкнуться с сопротивлением со стороны местных язычников и иудеев. Некоторые епископы были убиты. Преследование первых христиан иудеями и язычниками — сюжет, очень распространенный в агиографии (описаниях жизни святых и чудес, с ними связанных). Не обязательно нечто подобное имело место в Херсоне — может статься, автор просто позаимствовал его из известных ему сочинений, посвященных византийским святым, перенеся данное известие на херсонскую почву. Однако нет никаких сомнений, что в то время, когда создавались жития (VII — IX вв.), какие-то иудеи в городе жили, а потому их появление в тексте источника не должно было вызвать сомнения у читателей.

Следующее по времени сообщение о крымских евреях относится к середине IX в. В 860 г. в Таврику прибывает византийское посольство, во главе которого стоял Константин Философ (в монашестве Кирилл), будущий изобретатель славянской азбуки. Константина сопровождал его старший брат Мефодий. Посольство было отправлено византийским императором Михаилом III Пьяницей (842 — 867 гг.) к правителю хазар — кагану — по его просьбе, чтобы изложить основы христианского вероучения. В это время хазарское правительство склонялось к необходимости принять одну из монотеистических религий — христианство, ислам или иудаизм (основная масса хазар была язычниками). Политические цели посольства были не менее важными, чем религиозные — предстояло урегулировать спорные вопросы во взаимоотношениях между Византией и Хазарией, а также обеспечить дружественные контакты между двумя государствами. Каждое из них претендовало на господство в Северном Причерноморье, но в то же

время было не в состоянии самостоятельно справиться с многочисленными конкурентами.

Путь посольства в Хазарию пролегал через Херсон, где Константин, по-видимому, провел зиму 860 – 861 гг., изучая еврейский язык, который мог пригодиться ему в дискуссии с иудейскими богословами при дворе хазарского правителя. Как сообщает “Житие Константина”, он

“...пустился в путь и, когда дошел до Херсона, научился здесь еврейской речи и письму, переведя восемь частей грамматики, и воспринял от этого еще большее знание. Жил там некий самаритянин и, приходя к нему, беседовал с ним, и принес самаритянские книги, и показал ему. И выпросив их у него, Философ затворился в доме и отдался молитве, и, приняв знание от бога, начал читать [эти] книги без ошибок” (перевод Б. Н. Флори).

Самаритяне или самаряне — название этнической группы, образовавшейся в VII – VI вв. до н. э. в результате смешения остатков населения Израильского царства с переселенцами из Ассирии-Вавилонии. В эпоху раннего средневековья они жили на Ближнем Востоке, а о самаритянах в Таврике сведений нет. Очень возможно, что под “самаритянами” автор “Жития Константина” имел в виду херсонских иудеев.

Некоторые ученые сомневаются в том, что Константин действительно изучал еврейский язык, но в данном случае важно другое: с точки зрения автора “Жития”, написанного вскоре после этих событий (между 869 и 880 гг.), святой мог изучать иврит в Херсоне, поскольку там существовала иудейская община, владевшая богослужебными книгами.

Весной 861 г. византийское посольство отбыло из Херсона в летнюю резиденцию кагана, которая находилась в предгорьях Северного Кавказа, недалеко от современной Махачкалы. Здесь Константин принял участие в дискуссии со сторонниками иудаизма и ислама, находившимися

при дворе хазарского правителя, доказывая истинность христианской веры. В политическом отношении византийскому посланнику удалось добиться важного успеха — был заключен союз между хазарами и византийцами, направленный, очевидно, против внешних врагов обоих государств, а также урегулированы территориальные споры между державами, что позволило кагану написать византийскому императору следующее письмо:

“Послал к нам, владыка [то есть император], такого мужа, что показал нам [всю] христианскую веру и [догмат] Святой Троицы словом и делами. И познали [мы], что это — вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, надеясь, что и мы к тому же придем. Все мы — друзья и приятели твоего царства и готовы [идти] на службу твою, куда захочешь” (перевод Б. Н. Флори).

Тем не менее, несмотря на эти заверения, уже через несколько лет хазары принимают иудаизм как государственную религию, что вызвало гневную реакцию византийского императора Василия I Македонянина (867 – 886 гг.). Евреям было запрещено отправление их культа и соблюдение суббот. По империи прокатилась волна насильственных крещений иудеев, а также других “язычников”, избежать которой, может статься, не удалось и их крымским единоверцам.

Глава византийской церкви, константинопольский патриарх Фотий, писал боспорскому архиепископу Антонию, что Скифское (Черное) море благодаря проповеди христианских миссионеров заслуживает названия “Благочестивого”. Адресат патриарха, по-видимому, способствовал широкому распространению христианства среди окрестных жителей. Однако не следует останавливаться на достигнутом, делает вывод Фотий:

“Если же ты даже иудеев обратишь в пленников Христа, увел бы их, как написал [мне], из тени [суеверия] и буквы [закона] к красоте [христианства], сохраняю и

преумножая я прекрасные надежды на зрелые плоды разного рода, которые при тебе возвращаются”.

Вероятно, в третьей четверти IX в. еврейская община Боспора была столь велика, что крещение ее выглядело в глазах патриарха и архиепископа делом не только завидным и богоугодным, но и соответствующим духу времени и политике правящего императора. Кстати говоря, вовсе не обязательно, что эти евреи жили именно в городе Боспоре (так в это время назывался древний Пантикапей), ведь подчиненный боспорскому архиепископу церковный округ (епархия) включал и окрестные земли, в том числе, видимо, и за пределами Таврики — на противоположном берегу пролива. Тем не менее, остается неизвестным, увенчались ли успехом усилия боспорского архиепископа, или же местным иудеям удалось избежать крещения.

В средние века евреи жили не только в Херсонесе и на Боспоре, но и в других городах и поселениях в Таврике. Об этом известно благодаря находкам изображений мёнор, сделанным в разных местах полуострова — на Керченском полуострове, в Судаке, Партените и в Бахчисарайском районе.

Последнее упоминание об иудеях в средневековом Херсоне находится в “Киево-Печерском патерике” — сборнике рассказов о жизни и деяниях монахов древнейшего на Руси монастыря. Здесь в “Слове 16” рассказывается история монаха Евстратия по прозвищу Постник, который был пленен половцами и впоследствии

“...продан в Греческую землю, в город Корсунь [Херсон], одному еврею, в числе других пятидесяти христиан.

Боготпротивный жидовин начал понуждать пленников своих отречься от Христа и угрожал противящимся уморить их в оковах голодом”.

Евстратий же укреплял братьев по несчастью в их стремлении не отказываться от православия, даже ценою собственной жизни. Через две недели умерли все, кроме самого монаха, так как его организм привык к

долгим постам. Разгневавшийся хозяин, видя, что деньги его, отданные за пленных, пропали, и, считая Евстратия причиной произошедшего, сначала распял его на кресте, а потом пронзил копьем. Дело было на Пасху; иудей в злобе восклицал, что казнит своего пленника таким же образом, как некогда казнили Христа. Перед смертью мученик предрек, что вскоре и хозяина его, и всех евреев постигнет кара за кровь христианских рабов. Так и случилось:

“Ибо в тот же день пришло повеление от Греческого царя изгнать из области его всех жидов, отняв у них имущество, а старейшин их избить за мучение христиан... И в то время, когда избивали жидов, живущих в греческом городе Корсунь, того окаянного жидовина, которым был убит преподобный Евстратий, повесили на дереве, и так злоба его обратилась на его голову, и он воспринял участь Иудина угнетения.

Прочие же жиды, видя страшные чудеса по кончине преподобного, уверовали поистине и крестились.”

Современным ученым удалось установить, что гонения на евреев в Херсоне произошли в 1097 г. Судя по содержанию “Жития”, Херсон в это время был центром торговли рабами. Невольников пригоняли сюда степняки, захватывавшие пленных во время набегов на соседние государства. Эти набеги обычно происходили весной и осенью, поскольку в это время кочевникам было удобно нападать на людей, занятых работами в полях. Пленных доставляли в Херсон, где продавали купцам-евреям, специально приезжавшим в город для этой цели. Торговцы рабами обычно прибывали в Херсон осенью и оставались здесь на зиму, дожидаясь весенних партий живого товара, тем более, что поздней осенью и зимой Черное море было закрыто для навигации.

Приезжим работоторговцам помогали их жившие в городе соплеменники. Именно евреям принадлежала свое-

образная монополия на работоторговлю в городе. Отсюда невольников вывозили двумя путями — либо на рынки Восточного Средиземноморья, где перепродавали в мусульманские страны, либо в саму Византию. Но для того, чтобы второй путь стал реальным, необходимо было склонить раба к перемене веры. Дело в том, что к тому времени христианская мораль через посредство церкви и государства добилась значительного смягчения отношения к рабам. Византийское право признавало рабство только в отношении тех, чьи родители тоже были рабами, а также преступников, обращенных в рабство по решению суда, или язычников. Приобретение рабов-христиан осуждалось обществом, а иудеям вообще запрещалось законом под страхом смертной казни. Следовательно работоторговля для иудеев была хотя и чрезвычайно выгодным, но все же весьма рискованным занятием. Именно поэтому работоторговец пытался склонить Евстратия и его товарищей по несчастью к переходу в иудаизм — ведь тогда он получил бы возможность перепродать своих рабов в самой Византии как не-христиан. Пока государство смотрело сквозь пальцы на деятельность работоторговцев-евреев, им ничего не грозило и они могли делать свой бизнес. Однако изощренная жестокость иудея, надругавшегося над верой пленника, вероятно, вызвала возмущение херсонитов, потребовавших сурово наказать работоторговца. Не могли оставаться в стороне и византийские власти — они дорожили хорошими отношениями с русскими княжествами, на жителей которых мучительная гибель пленников должна была произвести гнетущее впечатление. Вероятно, казнили лишь хозяина Евстратия, а его единоверцев изгнали из Херсона, предварительно конфисковав принадлежавшее им имущество.

Как бы там ни было, это последнее по времени упоминание евреев в Херсоне. О дальнейшей судьбе иудейской общины в городе источники не сообщают. Сумела ли она восстановиться после разгрома, и что стало с херсонски-

и иудеями потом, не известно. Городу оставалось жить еще не менее трех с половиной веков, но в его истории евреи больше не появляются.

На этом, вероятно, можно завершить рассказ о первом, древнейшем этапе истории евреев Таврики. Об иудейских общинах, существовавших на полуострове в более позднее время, о причинах их появления здесь, истории и судьбе читайте в очерке "Крымчаки".

ЛИТЕРАТУРА

Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. — Симферополь; Иерусалим, 1997.

Соломоник Э. И. Новая находка в Крыму плиты с изображением семисвечника // Крымский музей. — 1995. — № 1/94.

Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М. И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археология. — 1997. — № 1.

Литаврин Г. Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Его же. Византия и славяне (сборник статей). — СПб., 1999.

ВИЗАНТИЙЦЫ

Н. И. Храпунов

История Крыма в эпоху средневековья тесно связана с Византией и византийцами. Византией называют государство, возникшее, точнее, выросшее из провинций Римской империи в Восточном Средиземноморье. Важнейшими факторами, повлиявшими на историческое развитие Византии, были наследие Рима, греческая культура и христианство. Взаимодействуя между собой, они породили феномен, который мы называем Византийской цивилизацией или византизмом.

Византия — название современное. Граждане империи именовали себя “ромеями”, то есть римлянами. Свою державу они считали продолжением Римской империи, а то, что власть императоров большую часть времени не распространялась на собственно Рим, их не очень-то смущало. Не смущало их и то, что в отличие от настоящих римлян, говоривших по латыни, сами “ромеи” общались на греческом языке (который, кстати говоря, отличается от современного греческого едва ли не больше, чем старославянский — от современного русского). Свое имя “византийцы” получили от современных ученых, воспользовавшихся для этого названием города Византия, некогда находившегося на месте столицы империи, Константинополя (ныне Стамбул). Таким образом подчеркивают отличие средневековой, Византийской империи от Римской.

Установить тот день и час, когда Римская империя превратилась в Византийскую, невозможно, потому что империя ромеев выросла из империи римлян, словно дерево. Можно лишь указать основные этапы этого пути.

8 ноября 324 г. — на берегу Босфорского пролива заложен город, названный “Константинополем” (“городом Константина”) в честь своего основателя. Новый город был отстроен в рекордные сроки — 11 мая 330 г. император Константин I торжественно объявил его своей столицей, “Новым Римом”.

395 г. — после смерти императора Феодосия I империю поделили его дети: Гонорий стал императором запада со столицей в Риме, а Аркадий получил восток. Хотя формально сохранялось единство империи (например, до 438 г. все постановления принимались от имени двух императоров), больше она никогда не объединялась.

476 г. — низложен последний римский император Ромул Августул, на месте западной империи образовалось “государство готов и итальянцев”.

Официальным языком Римской империи служила латынь. В начале истории Византии здесь сосуществовали два языка — латынь была языком официальных документов, государственных чиновников, судопроизводства, надписей на монетах, а греческий — языком рынка, языком большинства населения. Постепенно греческий вытесняет латынь из официальной жизни и в VII в. превращается в государственный язык “империи ромеев”. Именно на этом языке общались между собой представители разных народов, населявших Византию.

Византия была многонациональным государством. Здесь жили греки, славяне, арабы, армяне, сирийцы, фракийцы, иллирийцы, представители других народов. Но все они, приобщившись к православной церкви, греческой культуре и византийскому государству, становились “ромеями”. Ромеи — название по преимуществу политическое, обозначавшее граждан империи, но и определенное этническое значение этот термин тоже имел.

Византийцы четко отделяли себя от “варваров”, которыми считали всех, кто не признавал власть императора и

не принадлежал к православной церкви. Варваров описывали в крайне уничижительных тонах — они грубы, нецивилизованны, алчны, коварны, трусливы и тому подобное. Их нравы, обычаи, образ жизни, даже облик — дики и странны. Очень важно то, что с точки зрения византийцев различий между двумя варварскими народами, пусть даже такими непохожими друг на друга, как, например, германцы и арабы, было неизмеримо меньше, чем между “варварами” и ромеями. Осознавали разницу между ромеями и другими народами и иностранцы — правда, они предпочитали называть византийцев “греками”. И ромеи, и иностранцы не сомневались в том, что отличия эти заключаются не только в политической области, но и в религии, и в культуре, и в языке. Однако сами византийцы не задумывались над тем, являются они одним народом или нет. Для них главным было то, что они составляли богоизбранную, богохранимую христианскую империю.

Итак, “ромей” или “византийцы” — это понятие в большой степени политическое и культурное. Так можно ли считать их этносом, народом? В какой момент выходцы из разных народов — греки, армяне, славяне — превращались в ромеев? Этнология называет этносом исторически сложившуюся общность людей, обладающих сходством материальной и духовной культуры, отличающейся от всех остальных этносов, и осознающих это отличие, что обычно выражается в этнониме — названии этноса. Византинизм — явление, безусловно, исторически сложившееся. Сходство культуры, разумеется, тоже существовало. Вот только выражение “ромей” означало скорее политическое, культурное и религиозное единство, чем единство этническое. Вероятно, дело в несовершенстве современной этнографической науки, в представлениях которой такому уникальному явлению, как византинизм, место находится с трудом.

Обратившись к Таврике, увидим, что здесь важнейшим и бесспорным центром византийской культуры был

город Херсон (древний Херсонес). Рассмотрим жизнь этого города в средние века в следующем порядке: политическая история, религия и духовная культура, наконец, культура материальная.

С середины I в. до н. э. Херсонес ориентировался на Римскую империю. В первых веках нашей эры эта зависимость усилилась, в особенности после того, как в городе и его окрестностях были расквартированы гарнизоны римских войск. Несмотря на это, а также на налоги, которые Херсон выплачивал в казну империи, римляне формально не посягали на “свободу” города, позволяя ему на словах сохранять независимость. Однако постепенно от этой независимости ничего не осталось, и, когда в VI в. византийцы официально включили Херсон в состав империи, это лишь придало законный вид сложившейся ситуации. Херсон стал центром византийской провинции, в которую вошел также Боспор и построенные византийцами на южном берегу крепости Алустон (современная Алушта) и в Горзувитах (Гурзуфе), обеспечивавшие безопасность судоходства по Черному морю.

В начале VIII в. херсониты уже считали себя гражданами империи. Когда император Юстиниан II обратил своей гнев против Херсона, жители его подняли восстание, но не против империи, а против императора (подробнее об этом восстании читайте в очерке “Хазары”). Херсониты вовсе не хотели независимости, но, как ее лояльные подданные, предложили свою кандидатуру на место “тирана”. Восстание увенчалось успехом.

В дальнейшем херсониты при всяком удобном случае подчеркивали свою “особость” в империи, описывали свой город как союзник императоров, находившийся с ними в особых отношениях и имевший различные льготы. Именно так поступили они, когда в середине X в. по просьбе императора Константина VII Багрянородного предоставили ему выписку из городских архивов, рассказывающую об истории взаимоотношений города с империей. Надо

полагать, что эта "особость" заключалась, главным образом, в претензиях на политическую автономию и налоговые льготы, тогда как положение Херсона внутри Византийского государства в качестве одной из провинций никогда не оспаривалась.

Со времени императора Феофила (829 – 842 гг.) Херсон становится центром византийского военно-административного округа — *фемы*. В состав округа входили все владения империи на Таврическом полуострове. Возглавляя округ присланный из Константинополя генерал-губернатор (*стратиг*), которому подчинялось войско и принадлежала гражданская власть.

Последние свидетельства о политической власти Византии над Херсоном относятся к концу XI в. В середине XII – середине XIII вв. город уже был частью "страны куманов" (то есть половцев) и платил им дань. Однако культурные и религиозные связи с Византией не прекращались, просто, может быть, стали менее интенсивными, чем ранее.

Экономика Херсона постепенно приходит в упадок. В это время торговлю в Причерноморье захватывают в руки генуэзские и венецианские купцы, у которых были свои порты на крымском побережье — Каффа, Солдайя и другие. В какой-то момент генуэзцы запретили византийским купцам даже приближаться к Херсону без разрешения. В 1449 г. в Херсоне находился представитель генуэзцев — консул. Здесь была основана католическая миссия, а в 1333 г. римский папа Иоанн XXII дважды предписывал воздвигнуть в городе католический собор. Впрочем, руины этого собора до сих пор не найдены.

Тяжелый удар нанесли Херсону набеги золотоордынцев — город дважды грабили, сначала в конце XIII, а затем в конце XIV в. В 1348 г. Херсон пострадал от эпидемии чумы. От этих ударов он уже не мог оправиться. Вероятно, в первой половине XV в. Херсон превратился в небольшое поселение — не случайно в 1440 г. последний

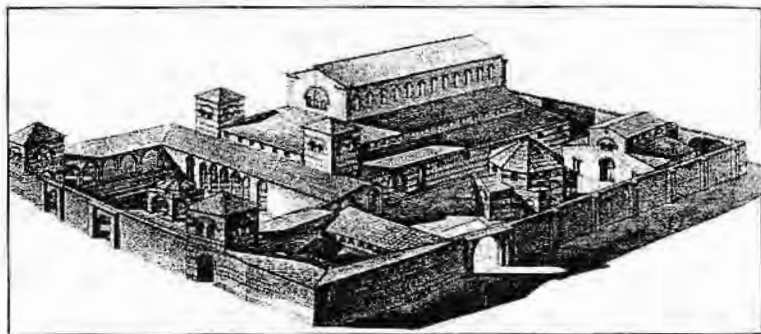
херсонский митрополит (к слову, принявший унию с католицизмом) жил уже вне города. Херсон существовал еще в 1449 г., но уже в 1472 г. генуэзцы собирались *"разрушить башни и стены одного необитаемого места, которое называется Ихерезонда [то есть Херсон], другие же настаивали разрушить место, которое называется Воспоро [Боспор], и это в тех целях, чтобы турки не заняли какого-либо из этих мест"* (перевод Е. Ч. Скржинской).

Таков был печальный конец двухтысячелетней истории Херсонеса — Херсона. Впрочем, стены города уцелели и до сих пор производят впечатление на посетителей Национального заповедника "Херсонес Таврический".

Обратимся теперь к истории херсонской церкви, ведь именно православие и церковь были важнейшими проводниками византизма. В отсутствие телевидения, радио, газет, других средств массовой информации церковь была важнейшим источником сведений о событиях в мире, о решениях императора и прочих. В церкви встречались горожане и обменивались новостями. Проповеди священников способствовали распространению не только христианских ценностей, но и византийской идеологии, византийской культуры. При строительстве храмов, монастырей, крещален архитекторы следовали традициям византийского зодчества, художники расписывали стены разнообразными изображениями, опытные мастера выкладывали мозаики на полах и в куполах церквей, скульпторы делали каменные колонны, капители, облицовочные плиты, ювелиры изготавливали разнообразную металлическую утварь. Нередко архитектурные детали привозили издалека, из признанных центров византийской культуры, а местные мастера старались использовать передовую на то время технологию и ни в коем случае не отстать от моды.

В Херсон христианство проникает довольно поздно в сравнении не только с центральными районами империи,

но даже и с Боспором. Так, на первом Вселенском соборе (собрании духовенства всего христианского мира для обсуждения сложных религиозных вопросов, проблем организации церкви и выработки единой религиозной доктрины) в 325 г. в малоазиатском городе Никее херсонские христиане представлены не были. Зато во втором Вселенском соборе 381 г. уже принимал участие епископ Херсона по имени Эферий. Впрочем, в древней церкви пост епископа был далеко не столь престижен, как сейчас, — это просто глава общины, в которой было не менее 10 христиан.

Главная церковь средневекового Херсона
(так называемая «базилика Уварова»)
Реконструкция Р. И. Кухаренко и О. И. Домбровского

Во второй половине IV – V вв. херсонские христиане хоронили умерших в склепах, стены которых расписывали разноцветными красками. Среди изображений — цветы, растения и растительные орнаменты, имитация мраморной облицовки, кресты и монограммы Христа в венках, свечи, сосуды (символ таинства причастия), человеческие фигуры. Традиция украшать стены могил изображениями не возникла сама по себе — она пришла в Херсон от христиан византийских провинций на Ближнем Востоке или на Балканах, где в изобилии известны подобные памятники.

Не позднее VI в. в городе начинается строительство христианских храмов. Существуют основания предположить, что спонсором этого строительства выступала Византия,

усматривающая в христианстве важный инструмент своего влияния и на Херсон, и на окрестных варваров.

На начальном этапе большинство церквей строились в форме базилики — вытянутого в длину помещения, разделенного рядами колонн на продольные части, к которому с восточной стороны пристраивалась сводчатая ниша (апсида) с алтарем и престолом. Базилики украшались роскошными мозаичными полами, перекрытия опирались на мраморные колонны, мрамором же декорировались дверные проемы, пороги и другие элементы конструкции. Херсон находился на выступающем в море прямоугольном мысу. Церкви возводились по линии, проходящей вдоль северного и восточного берега. Корабли, прибывавшие в город, обходили его с севера и востока, следуя в гавань на юго-восточной стороне. И первое, что бросалось в глаза морякам, были именно многочисленные христианские храмы, возвышающиеся над городскими укреплениями. Так Херсон зрительно утверждался в глазах приезжих в роли очага христианства в Северном Причерноморье.

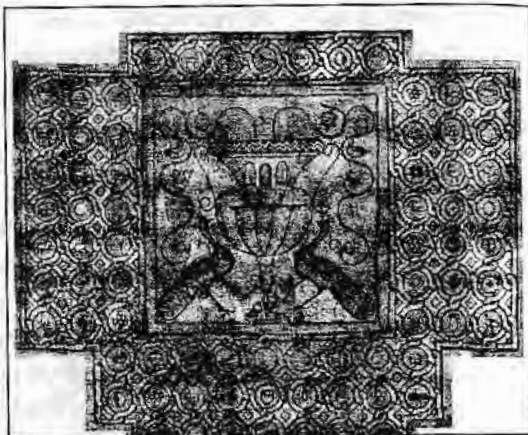
Впоследствии появились и другие типы церквей. Например, в крестово-купольном сооружении четыре свободно стоящих устоя (колонны или чаще столба) несли купол, к которому с четырех сторон примыкали полуцилиндрические своды, образуя в плане подобие креста. Такие сооружения были очень популярны в зодчестве византийских провинций в Малой Азии, Греции и Болгарии.

Стены некоторых храмов строились таким образом, что в плане напоминали равноконечный крест (так называемые «крестообразные» храмы). Один из них возвели неподалеку от главных ворот города, на том самом месте, где некогда находился античный театр. В алтаре храма хранился великолепный серебряный с позолотой ковчег, содержавший мощи св. Сергия или св. Вакха, римских военачальников, замученных за приверженность к христианству на рубеже III – IV вв.

Еще один крестообразный храм Богородицы Влахернской находился за пределами Херсона и служил кладбищенской церковью. В этом же храме почитали римского папу Мартина, которого византийский император

Констант II (641 – 668 гг.) сослал в Херсон в 655 г. Папа прожил в Херсоне недолго — длительное тюремное заключение и болезни свели его в могилу в тот же год. Непреклонность папы Мартина в вопросах веры и нежелание его склонить голову перед светской властью привело к тому, что он еще при жизни был назван святым. Впоследствии его могила и храм, возведенный над ней, стали местом паломничества. Оно не прекращалось и тогда, когда от города Херсона остались одни воспоминания.

Папа Мартин не был единственным ссыльным в Херсоне. На протяжении всего византийского времени в город отправляли под конвоем непокорных деятелей государства и церкви, ведь по мнению византийцев Таврика была отдаленной северной областью, где ссыльные были лишены не только контактов с близкими, но и элементарных удобств. Сосланные в город священники и монахи находили время и для проповедей среди окрестных язычников, и для разъяснений тонкостей христианской доктрины самим херсонитам. Не случайно в письме к сосланному в Херсон в начале IX в. епископов один из крупней-

Мозаичный пол храма
Богородицы Влахернской
("загородного крестообразного")

ших авторитетов православия, Федор Студит, говорит следующее:

"Провидение, спасительное для всех, устроило эту ссылку их не ради их только спасения, но и ради спасения тамошних жителей. Они явились теми светильниками, поставленными дабы светить во тьме и заблуждении жизни, путеводителями святых, наставниками добродетели, проповедниками благочестия..." (перевод С. П. Шестакова).

Роль Херсона в распространении христианства среди народов, живших в Северном Причерноморье и даже за его пределами, была, по-видимому, очень велика. Способствовало этому географическое положение города, расположенного на пути византийских посольств, направлявшихся в страны севера. В византийской дипломатии цели политические переплетались с задачами религиозными, миссионерскими. Например, в 860 г. в Херсоне сделало длительную остановку византийское посольство, целью которого была проповедь христианства у хазар. Возглавлял посольство Константин-Кирилл, который через несколько лет станет создателем славянского алфавита (подробнее об этом читайте в очерке "Еврей"). Приблизительно через 50 лет константинопольский патриарх Николай Мистик (895 – 924 гг.) просил херсонского стратига:

"Что же касается епископа Херсона, твоя благая мудрость помнит и мы говорили с тобой и лично, а теперь уведомляем тебя письменно, что, в виду прибытия сюда [то есть в Константинополь] послов из Хазарии с просьбою дать им епископа, чтобы он рукополагал пресвитеров там, на месте, а также принял бы на себя служение о правой христианской вере, мы послали лицо, поставленное архиепископом в Херсоне, чтобы, Богу споспешествуя, отправиться в Хазарию и исправлять те требы, какие там представляются, затем вернуться к кафедре, на которую он поставлен. И ты

всячески, как подобает сыну церкви, приложи свое усердие и соревнованием в подвиге, предстоящем в Хазарии, и в утверждении и водворении епископа на кафедре, после того как помощью Божиею он выполнит свои обязанности в Хазарии" (перевод С. П. Шестакова).

Таким образом, миссионерские устремления церкви пользовались поддержкой гражданской администрации Херсона. Вполне возможно, что существовали и соответствующие указания византийского правительства.

В 989 г. Херсон оказался на авансцене мировой политики — город стал не только жертвой борьбы интересов Византии и Киевского государства, но и местом крещения киевского князя Владимира. Предыстория такова: в Византии начался военный мятеж. Генерал Варда Фока овладел сердцем империи — Малой Азией, и подступил к Константинополю. Император Василий II не смог самостоятельно противостоять бунтовщикам и обратился за помощью к Владимиру. Тот отправил шеститысячный отряд, который сыграл решающую роль в победе над мятежниками.

За оказанную помощь Владимир выговорил себе особую награду — руку сестры императора Анны. Значение этого брака было в том, что византийцы избегали брачных союзов с "варварами", считая их неровней своему царскому дому. Например, незадолго до описываемых событий к правителю империи посватался сын германского императора, но получил высокомерный отказ.

Очевидно, Василий II находился в отчаянном положении, раз уж согласился с требованием Владимира. Брак с Анной значительно повышал международный престиж Киевского княжества и его правителя. Византийцы поставили единственное условие: переход Владимира в христианство.

Но напрасно Владимир ждал в Киеве прибытия невесты. Заподозрив, что византийцы не собираются выполнять свои обязательства, он решил продемонстрировать

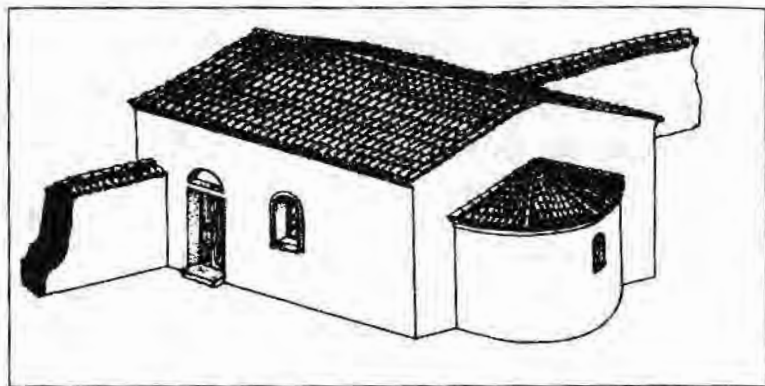
силу. Целью нападения был избран Херсон — ближайший к владениям Киева византийский форпост. После того, как город пал, император пошел на попятную и отправил свою сестру в Таврику. Епископ херсонский и прибывшие вместе с Анной в Херсон священники совершили над Владимиром обряд крещения.

Как известно, по возвращении в Киев Владимир занялся крещением Руси со всей пылкостью новообращенного христианина. Вывезенные из храмов Херсона украшения и архитектурные детали использовали для отделки первой на Руси Десятиной церкви. Некоторые из херсонских священников и монахов последовали за Владимиром (или были насильно им увезены) превратившись, таким образом, в первых служителей русской церкви.

В византийское время в Херсоне и его окрестностях возникает ряд монастырей. Традиция монашеской жизни была, конечно, заимствована из Византийских территорий. Впрочем, монашество Таврики не всегда соблюдало те правила, которые были установлены Константинополем. Например, уже упоминавшийся выше Федор Студит однажды обрушился на монахов Готии (то есть области в окрестностях Херсона) с гневной критикой, обвинив их в ряде преступлений против монашеского устава. Выясняется, что в монастырях воцарились ссоры и разлад. Бывали случаи, когда в монастырь принимали поспешно, без прохождения надлежащих процедур. Некоторые монахи осмеливались самовольно слагать с себя сан, другие заводили рабов, третьи же за совершенные преступления подверглись светскому суду, которому в дела клира вмешиваться не полагалось.

Вероятно, в одном из херсонских монастырей в VII — IX вв. был создан замечательный памятник византийской литературы — "Жития святых епископов херсонских". В этом повествовании рассказывалось о первых христианских проповедниках, прибывших в город, о том, как Херсон превратился из языческого города в христиан-

ский. Хотя "Жития", без сомнения, написаны в Херсоне неизвестным по имени священником или монахом, само

Малая квартальная церковь X – XIII вв.
(реконструкция С. Рыжова)

повествование выстроено в традициях византийской агиографии (жизнеописаний святых), а значит автор был хорошо знаком с византийской церковной литературой.

С церковью связано и привнесение на землю Херсона традиций христианской благотворительности. Во время раскопок археологи обнаружили остатки богадельни-приюта для стариков и инвалидов. Она представляла собой ряд жилых помещений, а также комплекс для выпечки хлеба с подземной цистерной для хранения зерна, колодезем, печью и, видимо, мукомольней (там найдено 9 мельничных жерновов), и небольшую церковь. В церкви хоронили умерших обитателей богадельни. Судя по обнаруженным скелетам, эти люди страдали от врожденных или приобретенных физических дефектов — искривления позвоночника, горба, недоразвитых суставов, неправильно сросшихся костей. На территории городища обнаружены глиняные кружки с надписью "Благословение святого Фоки [покровителя] богадельни Херсонеса" и изображением святого. Вероятно, с помощью штампа изображение выдавливали на глине или другом материале и потом продавали в качестве сувенира, а вырученные деньги шли в

пользу богадельни. Христианская благотворительность — важная черта византийской культуры: благотворительные заведения известны во многих византийских городах. На их содержание государство, император и частные лица жертвовали значительные суммы денег, а создавали их обычно деятели церкви и даже некоторые святые.

Итак, средневековый Херсон — это центр христианской церкви, при посредничестве которой в город проникала византийская культура.

Херсониты стремились сохранить память о прошлом. Согласно одной из традиций, берущей начало еще в античную эпоху, при проведении строительных работ сведения о том, кто и когда вел строительство, высекали на каменных плитах, которые потом монтировались в постройку. Эти плиты сообщали всем желающим (точнее, тем из них, кто знал греческий), когда и кем была выстроена или реконструирована та или иная стена, башня. Над могилами умерших ставили надгробия с именами усопших и, нередко, датами смерти. В городском архиве хранились документы, присланные из столицы империи, постановления городских властей, их переписка с византийскими чиновниками других городов. Время безжалостно уничтожило хрупкий материал, на котором были написаны эти свидетельства, но сохранились свинцовые печати, подвешивавшиеся к документам — их найдено уже несколько сотен. Вероятно, существовала традиция ведения городских хроник. Когда в середине X в. византийский император Константин VII Багрянородный задумал составить описание земель и народов в своих владениях, а также тех народов, с которыми византийцам приходилось сталкиваться, по его приказу херсониты подготовили подробную выписку из городских архивов.

Память о прошлом состояла и в памяти о местных святых. Легенда называет первым христианином в Херсоне третьего римского папу Клементя, сосланного, а затем и казненного по решению римского императора в

101 г. н. э. Сейчас ученые полагают, что на самом деле папа Клемент до Херсонеса не доехал. Он был сослан в Херсонес Фракийский, то есть на берег нынешнего Босфорского пролива. Однако важно то, что с точки зрения самих херсонитов папа был в Крыму. Не случайно в 860 – 861 гг. византиец Константин (будущий изобретатель славянской азбуки, о его миссии подробнее — в очерке “Еврей”) отыскал здесь мощи св. Климента и увез их в Рим, а еще через сто лет, в 989 г., еще какие-то мощи забрал из Херсонеса крещенный здесь киевский князь Владимир.

В городе возводили церкви и в честь первых епископов города, сделавших языческий город христианским. Так, например, один из храмов был устроен над печью, в которой обжигали известь. По мнению прихожан, именно в эту печь вошел некий епископ и вышел оттуда невредимым, убедив тем самым с интересом наблюдавших за этой сценой язычников в правоте христианской веры. Впрочем, может быть, горожан убедил не подвиг епископа, а мечи римских солдат, которые сопровождали пастыря и, пока он находился в печи, взяли в заложники детей херсонитов.

Византийская культура — это культура книжная, и Херсон не был исключением. О том, что жители города читали книги, свидетельствуют найденные костяные пластинки с рельефными или гравированными изображениями зверей и птиц, которыми украшали книжные переплеты. Ну а сами книги, конечно, не сохранились до нашего времени, истлели.

В жизни каждого византийского города большую роль играла торговля. Херсон торговал с Византией солью, полученными у кочевников рабами, шкурами и воском, импортировал же зерно (собственного в городе никогда не хватало, а потому лишённые поставок хлеба херсониты были, по сути, обречены на голодную смерть), вино, оливковое масло, украшения, предметы роскоши, глиняную и стеклянную посуду, парфюмерию и лекарства, ткани и

многое другое. Значительная часть этих товаров, а также продукции местного производства перепродавалась соседним народам. Приезжие купцы останавливались на постоялых дворах. Руины одного из них раскопаны археологами.

Одним из основных занятий херсонитов был соляной промысел. Соль добывали в соляных озерах на территории современного Севастополя (сейчас они засыпаны) и севернее, вплоть до Днепра. Ее с выгодой продавали в Византию или использовали для засолки рыбы. Рыбу ловили здесь же, у берегов Таврики — в те времена рыбы в Черном море было в десятки, если не в сотни раз больше, чем сейчас. Засолка производилась в огромных подземных цистернах. Соленая рыба и рыбный соус шли на экспорт и использовалась для внутреннего потребления.

Средневековый Херсон был важным центром не только торговли, но и собственного ремесленного производства. Здешние мастера изготавливали самые разные предметы — металлические инструменты, украшения и монеты, различные изделия из камня (от простых строительных деталей до искусных колонн и надгробий) и небольшие поделки, среди которых выделяются иконки из мыльного камня-стеатита, парадную, затейливо орнаментированную столовую посуду и скромные сосуды, в которых пища готовилась на огне, изделия из стекла и кости, мебель, черепицу и кирпичи, орудия труда и инструменты, одежду и обувь. Мода на все эти изделия приходила из Византии вместе с дорогими импортными вещами. Херсонские ремесленники внимательно изучали импортные изделия, новейшие тенденции в развитии византийского ремесла, воспринимали и творчески переосмысливали идеи своих коллег из городов Балкан и Восточного Средиземноморья. В результате художественная культура Херсона оставалась византийской провинциальной, хотя и со своими оригинальными чертами. В XIII – XIV вв. ситуа-

ция изменяется и херсонские ремесленники, по примеру купцов, ввозивших свой товар в город, постепенно переориентируются с Византии на культуру государств Ближнего Востока.

Внешний облик византийцев отличал обычай носить бороду. За это над ними насмеялись приезжавшие в

Стеатитовая икона трех святых воинов, найденная в Херсонесе

империю латиняне. В свою очередь, византийцам казалось смешной и нелепой западная традиция бриться и стричься в кружок.

В отличие от греков и римлян, мужчины в Византии стали носить штаны. Этот обычай они заимствовали у презираемых ими "варваров". Штаны заправляли в высокие саногы. Поверх рубахи (*хитона*) затягивали пояс, на плечи надевали длинный плащ, который застегивали булавкой (*фибулой*) на правом плече. Одежда богатых людей украшалась вышивкой и меховой оторочкой.

Женщины носили удлиненный хитон и разнообразные украшения. Судя по данным письменных источников, у византийских модниц было больше верхней одежды и украшений, чем нижнего и постельного белья.

По сравнению с римским временем изменилось отношение к бане. Из места встреч, своеобразного клуба, где решались многие политические вопросы и заключались деловые сделки, роскошной постройки, мало чем отли-

Фрагменты сосудов из Херсонеса

чавшейся от некоторых дворцов, баня превратилось в утилитарное, скромное заведение. В Херсоне открыты остатки нескольких средневековых бань.

Средневековый Херсон имел передовую для своего времени систему водоснабжения. Из источников, находившихся приблизительно в 10 км от городских стен, вода по двум подземным водопроводам из керамических труб поступала в городское водохранилище. Стены огромной (28 м в длину, 13,4 м в ширину, 3,75 м в глубину, вместимость более 1800 кубометров воды) цистерны были сделаны из каменных блоков, скрепленных раствором из извести и толченой керамики. Отсюда вода через сеть керамических труб распределялась по городу. Сточные воды выводились из жилых усадеб и по специальным каналам, проложенным вдоль улиц, утекали в море. В IX в. по невыясненным причинам херсониты решили засыпать свое водохранилище. Однако водопровод продолжал существовать — не случайно по словам одного источника князю Владимиру удалось захватить Херсон только после того, как он приказал перекопать водопровод и тем самым лишил город воды.

Археологи исследовали остатки многих жилых усадеб Херсона. Они строились из камня, по более или менее одинаковому плану. Центром усадьбы был внутренний двор, соединявшийся с улицей узким проходом. Во дворе размещалось производство, очень часто — колодец. Двор окружали одно- и двухэтажные постройки. На первом этаже обычно находились кладовые, хлева, мастерские, выходившие на улицу лавки. Глиняные бочки и амфоры для хранения зерна, воды, оливкового масла вкапывали в землю. На втором этаже располагались жилые помещения. Дома крыли черепицей, полы обычно были глинобитными. Усадьбы Херсона очень похожи на жилые комплексы других византийских городов.

Итак, Херсон был важнейшим центром византизма в Северном Причерноморье. Отсюда византийское право-

славие и византийская культура распространялись по всему региону и за его пределы. Конечно, не избежали влияния Византии ближайшие соседи Херсона — готы юго-западной части Таврики, а также жители Боспора. Культурное воздействие Византии на этих землях было очень велико. Иногда империи удавалось поставить их под свой контроль, и тогда в Готии и на Боспоре появлялись византийцы — офицеры, дипломаты, священники. Однако «византийцами» в полном смысле этого слова мы, по всей видимости, можем называть лишь жителей средневекового Херсона.

ЛИТЕРАТУРА

Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. — М., 1998.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1959. — №63.

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII — XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1950. — №17.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.

ХАЗАРЫ

А. Г. Герцен

Первые достоверные сведения о хазарах появляются в начале VI в. Вопрос об их происхождении до сих пор не получил однозначного ответа. Скорее всего, предки хазар проживали в Центральной Азии на границах с Китаем, где письменные источники зафиксировали их под именем "коса". Вероятнее всего, они представляли этнический конгломерат, в котором были представлены как угрские (близкие мадьярам-венграм), иранские, так и доминирующие тюркские элементы. Пользуется популярностью версия о том, что хазары говорили на одном из прототюркских языков, современным наследником которого считают чувашский язык. К сожалению, до наших дней не дошло ни одного текста на их оригинальном языке. Основным занятием ранних хазар было кочевое скотоводство. Однако, по мере втягивания в контакты с земледельческим населением Северного Кавказа, Закавказья и низовьев Волги, часть хазар постепенно переходит к оседлости. Процесс этот получил в трудах известного археолога С. А. Плетневой определение как движение "от кочевий к городам".

До начала VII в. хазары вместе с тюркоязычными племенами болгар, населявшими Приазовье, входили в состав Западно-тюркского каганата. К середине VII в. это государство, бывшее наследником распавшейся великой империи номадов — Тюркского каганата, в свою очередь дробится, давая начало новым этнополитическим образованиям; среди них особенно заметным становится хазарское. Именно оно стало первым в раннесредневековой истории Восточной Европы централизованным политическим объединением, сохранявшим эту роль до воз-

вышения Киевской Руси (до конца IX в.). В 60-х гг. VII в. хазары разгромили болгарскую конфедерацию, известную как Великая Болгария, в которую входили также оногуры. Часть болгар под предводительством хана Аспаруха ушла в Нижнее Подунавье, где было основано государство Болгария. Другие остались на месте и стали подданными хазар.

Именно в это время хазары появляются на берегах Керченского пролива. Новейшие археологические раскопки открыли в Керчи слой пожара, датированный нумизматическими находками концом VII в. С этого времени начинается постепенное продвижение хазар в западном направлении, отмеченное остатками поселений, например, таким как Тау-Кипчак в районе пос. Зуя, относящимися к так называемой салтово-маяцкой культуре, отождествляемой археологами с полиэтничным населением Хазарского каганата.

Керченский и Таманский полуострова имели исключительно важное значение для контроля над проливом, связывавшим Черное и Азовское моря. Это был стратегически важный отрезок восточноевропейского водного торгового пути по Дону и далее через сухопутный перешеек, преодолевавшийся переволокой, на Волгу и в Каспийское море. Контроль над этой и другими торговыми артериями стал одним из главных источников обогащения верхушки хазарского общества. Правда, сами торговые операции находились в руках купцов-евреев, основавших в Хазарии, как и в ряде других стран, свои торговые фактории. Это обстоятельство впоследствии способствовало распространению здесь иудаизма и принятию его хазарской верхушкой в конце VIII в. — начале IX в. Хотя продолжали одновременно сосуществовать и архаичный культ верховного божества Тенгри-хана, и шаманизм.

К началу VIII в. власть хазар простиралась до среднего течения Днепра, где в зависимость от них попали восточнославянские племена полян, дреговичей, северян, вятичей и другие. До прорыва восточной границы кагана-

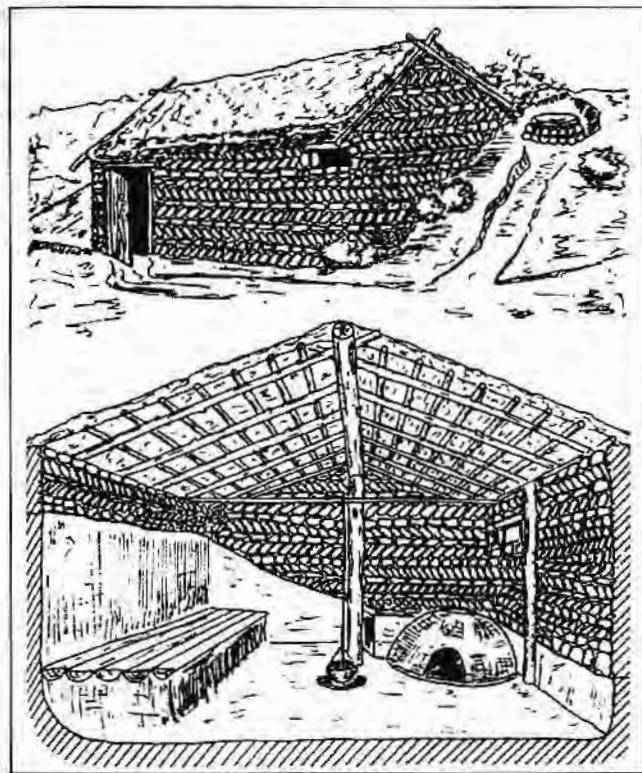
та печенегами, ими контролировалась практически вся территория Северного Причерноморья. Не случайно византийский летописец Феофан (вторая половина VIII – начало IX в.) констатировал: “Хазары, великий народ..., овладели всей землей до Понтийского (Черного) моря”. Выход хазарских владений на черноморское побережье, прежде всего — на крымское, отразился в названии Черного моря, которое в трудах арабских авторов, например, весьма информированного географа Ибн Хордабека (IX в.), фигурирует как “Хазарское”.

Экспансия хазар на территории, находившиеся в поле интересов Византийской империи, не вызвала решительных ответных действий последней. Причиной была общая для двух государств смертельная угроза со стороны арабов. Они вынуждены были установить союзнические отношения для организации обороны своих владений в Закавказье. В 732 г. отношения эти были закреплены браком между царевичем Константином, впоследствии императором Константином V, и хазарской принцессой Чичек, принявшей в крещении имя Ирина. Сын от этого брака с 775 по 780 г. занимал византийский престол под именем Льва Хазарина.

К сожалению, внутренняя жизнь на полуострове в хазарское время чрезвычайно скудно отражена в немногих дошедших до нас письменных источниках. Обычно в них фиксировались события, в которых участвовали лица, значимые в масштабах Византийской империи. Упомянувшийся выше византийский автор Феофан включил в свой труд, “Хронографию”, рассказ о приключениях свергнутого с престола императора Юстиниана II. Данный сюжет позволяет представить характер византийско-хазарских отношений в начальной стадии постепенного распространения власти хазар на территорию Таврики.

В 695 г., в результате дворцового переворота, что для Византии было довольно обычным явлением, императором был провозглашен полководец Леонтий. Свергнуто-

му Юстиниану II сохранили жизнь, но предали его публичному позору, выведя на ипподром, где ему отрезали

Полуземлянка на поселении Тау-Кипчак
(реконструкция И. Баранова)

нос. Именно поэтому в историю он вошел под прозвищем Риномет, то есть Безносый. После этого обезображенный Юстиниан был сослан за море в Херсон, традиционно считавшийся надежным местом для заточения политических изгоев. Очевидно, в столице этот город на далекой окраине империи считался лояльным к центральной власти. Юстиниан, несомненно, обладал сильным характером и неукротимой волей к борьбе. Казалось бы, в самом безнадежном положении он приступил к поискам единомышленников, недовольных, жаждущих перемен. Им он

открыто заявлял о своих планах вернуть утраченную порфиру. Это не осталось незамеченным в городе. Когда в Константинополе в 698 г. произошел очередной переворот, Леонтий был свергнут и заменен Апсимаром Тиверием III, из Херсона пришла просьба к новому правителю вернуть неугомонного узника в столицу для окончательного решения его судьбы. Узнав об этом, Юстиниан не стал дожидаться очевидного для него исхода дела и принял решение бежать из негостеприимного города, к которому он затаил лютую ненависть. Единственным возможным вариантом было бегство к хазарам, которые в это время осваивали территорию Керченского полуострова и, очевидно, Юго-Восточного Крыма. Путь из Херсона на восток лежал через крепости, созданные еще в правление Юстиниана I (527 – 565 гг.) для защиты от нападений кочевников подступов к городу. До главной из них — Дороса (Мангуп) — было около 20 км. Это расстояние можно было преодолеть за один день, тем более, что беглец спешил, справедливо опасаясь погони. Очевидно, в это смутное время между Херсоном и пограничными крепостями не было надежной и быстрой связи. К тому же Византия мало заботилась, в силу тяжелого для нее экономического положения, связанного с изнурительными войнами с арабами, о содержании гарнизонов этих крепостей. Службу в них несли местные варвары, готы и аланы, давно не получавшие содержания и занятые больше повседневными хозяйственными заботами. В силу этих обстоятельств беглецу можно было некоторое время чувствовать себя здесь в безопасности и попытаться установить контакты с хазарами. Мы не знаем, как это произошло, через верного Юстиниану человека, или же хазарские разъезды маячили где-то вблизи границы страны Дори. По словам Феофана, Юстиниан “потребовал свидания с хаганом хазар” и был с почестями принят. Место этого свидания неизвестно, но результат его был выше всех ожиданий. Юстиниан становится супругом сестры кагана, в крещении получившей имя Феодора, и получа-

ет разрешение поселиться в Фанагории на восточном берегу Боспора (Керченского пролива). Когда об этом стало известно в Константинополе, то, обеспокоенный появлением на горизонте опасного соперника, Апсимар начинает переписку с каганом, убеждая его прислать живого свояка или хотя бы его голову, подкрепляя просьбы обещанием щедрых даров. Вероятно, последнее оказало решающее влияние на шурина, который отдал приказание своему наместнику в Фанагории и архонту Боспора, вероятно, представлявшему здесь интересы Византии, расправиться с Юстинианом. Исполнению это замысла помешала верная Феодора, сообщившая мужу о грозящей ему опасности. Юстиниан нанес упреждающий удар: он пригласил к себе по одному высокопоставленных киллеров, якобы для беседы, и задушил их струной.

Далее на заранее подготовленном судне Юстиниан отплывает в западном направлении и делает короткую остановку в бухте Символов, нынешней Балаклаве. Сюда он тайно вызвал своих единомышленников и с ними приплыл к Дунаю. Здесь состоялись переговоры с правителем болгар, сыном Аспаруха, ханом Тервелем. Юстиниан просил помощи в походе на Константинополь, обещая за это хану богатые дары и свою дочь в жены. Описанные события происходили в 705 г., а на следующий год Юстиниан при поддержке болгарского войска вернул себе трон, приказав казнить двух своих неудачливых узурпаторов-предшественников — Леонтия и Апсимара.

Однако эта история не имела счастливого окончания. Еще до возвращения на родину Юстиниан дал клятву отомстить херсонитам. Под предлогом возвращения ему жены-хазарки, к берегам Таврики был направлен целый флот, но буря разметала корабли, многие из которых затонули. По этому поводу каган направил бисилевсу письмо, в котором упрекал его следующими словами: “О неразумный, неужели тебе было недостаточно двух или трех кораблей, чтобы забрать свою жену и не погубить [при этом] столько людей? Или ты считаешь, что и

ее возьмешь в сражении? Знай, у тебя родился сын, пошли [за ними] и возьми их". Юстиниан так и сделал, его посланцы доставили к нему Феодору и сына Тиверия.

Следующий акт мести Юстиниан затеял через пять лет. Был снаряжен большой флот с многочисленным войском, которому был отдан приказ не оставить никого в живых ни в Херсоне, ни в соседних крепостях, в числе которых был, вероятно, и давший в свое время приют беглецу Дорос. Приказ был исполнен лишь частично. В оказавшем сопротивление Херсоне были жестоко казнены двадцать семь протевонов, чиновников местного самоуправления, в резне, учиненной жителям, не успевшим бежать из города, пощаду дали только подросткам. Более сорока других протевонов были в оковах отправлены в Константинополь. Среди них оказался и тудун, ставленник хазарского кагана. Вероятно, в данный период над Херсоном было установлено двойное правление, так называемый кондоминиум, как местной администрации, так и хазар, представлявших уже реальную силу на большей части полуострова.

Результат этой карательной акции не удовлетворил Юстиниана. Он был разъярен тем, что не все жители города были уничтожены. Несмотря на осеннее время, октябрь, когда навигация на Черном море в основном прекращалась, флоту был дан приказ вернуться и завершить дело. Однако вновь вмешалась стихия: в шторме погибла большая часть посланных кораблей, что, впрочем, по словам Феофана, ничуть не опечалило императора. В подлинном исступлении он приказывает отправить очередную карательную экспедицию. Когда весть об этом замысле дошла до Таврики, здесь начали готовиться к обороне, причем в качестве союзника было приглашено войско хазар. В Херсоне уже созрел заговор, во главе которого встали глава администрации спафарий Илья, посланный ранее Юстинианом, и ссыльный знатный армянин Вардан по прозвищу Филиппик. Вероятно, Юстиниан осознал серьезность ситуации и решил, по крайней мере,

избежать прямого военного конфликта со своим шурином. В Херсон срочно была отправлена небольшая эскадра с тремястами воинов во главе с несколькими чиновниками высокого ранга, которым было поручено схватить заговорщиков. В качестве жеста примирения с хазарами были отосланы обратно пленные хазарский тудун и знатный протевон Зоил. Однако эти меры запоздали. Херсониты согласились впустить в город из прибывших только их начальников и заложников. Здесь первые были убиты, а заложников передали подоспевшему хазарскому отряду, пленниками которого стали византийские воины, оставшиеся без командования. Судьба их была трагична: по дороге к кагану умер тудун, и все пленники были принесены ему в жертву.

В Херсоне тем временем решалась судьба престола. Вардан был провозглашен императором, а Юстиниан объявлен низложенным. Реакция последнего на это была однозначной: снаряжается очередной флот во главе с патриkiem Мавром, которому строго наказывается стереть с лица земли мятежный город со всеми его жителями. Херсон был осажден, против его стен и башен начали действовать стенобитные машины. Однако ситуация вдруг радикально изменилась: в тылу византийцев появилось войско хазар. Теперь осаждающие сами оказались блокированными с двух сторон. В этих условиях им ничего иного не оставалось, как перейти на сторону победителей. Дальнейшие события развиваются стремительно. Горожане и несостоявшиеся каратели обращаются с просьбой к кагану отправить к ним Вардана, перед началом осады успешного бежать к кагану. Каган соглашается на это, потребовав в качестве залога безопасности Вардана по золотой монете, номисме, с каждого человека. Вардан встал во главе войска, которое погрузилось на корабли и двинулось на юг. Не получая донесений от Мавра, Юстиниан догадался о происшедшем и двинулся с войском к Синопе, предполагая, очевидно, что восставшие не решатся сразу штурмовать Константинополь, а попытаются вна-

Хазарский всадник (реконструкция М. Горелика)

чале высадиться где-либо на побережье. Однако он своими глазами увидел паруса кораблей, направлявшихся к столице империи. Опередить их он не успел. Город был уже захвачен и признал нового повелителя. Юстиниан

был захвачен и казнен 7 декабря 711 г. Убит был и его малолетний сын Тиверий, пытавшийся найти спасение в церкви.

Вардан Филиппик не долго находился на вершине власти. Он безоглядно предался всем возможным наслаждениям, и в июне 713 г. был свергнут, ослеплен и через несколько месяцев умер. Так закончилась жизнь единственного ставленника Таврического Херсона на престоле Восточной Римской империи.

После описанных событий хазары вновь фигурируют в истории Таврики уже в конце VIII в., в связи с выступлением против них местного христианского населения, известного как восстание под предводительством Иоанна Готского. Это событие было лишь эпизодом в деятельности духовного лидера, личность которого были заметна в масштабах религиозной жизни Империи. Это была уже иная эпоха в истории Византии, получившая название иконоборческой. Для того, чтобы лучше понять суть происходившего, необходимо кратко остановиться на ее характеристике.

Иконоборческое движение вначале имело под собой чисто догматические основы, до VIII в. не затрагивавшие политической жизни государства. Однако в правление императора Льва III (717 – 741 гг.), основателя Исаурийской династии, в этом отношении произошел резкий поворот. В 726 г. он выступил с резким осуждением культа икон, а в 730 г. был обнародован соответствующий запретительный эдикт. Особенно усердствовал в гонениях на почитателей икон преемник Льва, его сын Константин V (741 – 775 гг.). Запреты касались культа икон, изображавших Спасителя, святых, а также их мощей. Следует отметить, что этот культ получил в ранней Византии огромное распространение. Фактически не конкретным церковным иерархам или храмам и монастырям делались пожертвования верующими, а иконам, за которыми стояли святые заступники и покровители. Это было своеобразное наследие религиозной жизни поздней Римской

империи, в которой культ домашних богов, семейных и корпоративных покровителей, получил исключительно широкое распространение. Идейным обоснованием борьбы с иконами стало рассуждение о том, что икона изображает Христа или только в его человеческой сути, или же в слиянии божественного и человеческого начал. Однако, с позиций официальной догматики, выработанной на первом Вселенском соборе (Никея, 325 г.), и то, и другое является ересью, несторианской или же монофиситской. Иконоборцы допускали лишь один вид поклонения — причастие, символизирующее приобщение к плоти и крови Христа.

Конечно, в основе иконоборчества были более приземленные причины, хотя единой точки зрения на них в византиноведении до сих пор не сложилось. Представляется заслуживающим внимания объяснение этому движению как направленному на пополнение государственной казны, истощенной войнами, продолжавшимися не одно десятилетие. Церкви и монастыри, накопившие огромные материальные богатства за счет пожертвований иконам и мощам, рассматривались как источник средств для содержания армии и флота. В критической обстановке, сложившейся на границах, прогибавшихся под натиском арабов на юге и славян на севере, даже посягательство на церковное имущество не казалось власти кощунственным, когда стоял вопрос о жизни или смерти государства. Кроме того, иконоборчество было направлено на укрепление личной власти императоров, не только светской, но и духовной, считавшейся исключительной прерогативой церкви. Надо отметить, что в конечном итоге императоры Исаурийской династии достигли немалых успехов. Они перестроили армию, сумели привлечь к военной службе свободное крестьянство пограничных областей и провинциальную знать. Впечатляющим результатом было отражение натиска арабов. Однако, к середине IX в., когда иконопочитание было восстановлено, об этих достижениях постарались забыть и вообще стереть всякую память о

венценосных нечестивцах. Церковная традиция рисует Исауриков отъявленными негодяями, закоренелыми грешниками. Было уничтожено подавляющее число документов и сочинений иконоборцев. Поэтому этот период так слабо освещен источниками как в целом для Византии, так и для Крыма в частности. Поэтому каждое свидетельство о событиях этого времени имеет огромную ценность.

О деяниях Иоанна Готского сообщает его жизнеописание, созданное в первой половине IX в., то есть уже в условиях восстановленного иконопочитания. Победители, стирая память о своих противниках, старались запечатлеть в истории подвижничество своих адептов. Одним из них и был епископ из заморской страны Таврики, большая часть которой находилась под властью вынужденно ставших союзниками Византии хазар. Иоанн обратил на себя внимание агиографов* в связи с его деятельностью в поддержку культа икон, которая разворачивалась в таких крупных религиозных и политических центрах как Иерусалим, Константинополь, Мцхета. Крымский эпизод практически никак не связан прямо с этой деятельностью. Он попал в Житие, вероятно, потому, что это была родина преподобного. Неизвестный автор называет ее "землей тавроскифов", понятием архаичным, заимствованным у античных авторов, лишенным уже много столетий реального этнического смысла.

К сожалению, текст источника дошел до нас лишь в нескольких фрагментах. Из них мы знаем, что Иоанн родился в Партените, торговом местечке на Южном берегу, у восточного склона Аю-Дага. Местность эта была частью страны в западной части полуострова, именуемой вплоть до XVI в. Готией. Этот далекий от столичной жизни район оказался втянутым в идеологическое и полити-

* Агиография (греч. агиос — святой, графо — описание) — жанр церковной литературы, представляющий жизнеописания (в русской православной традиции эти произведения назывались Житиями) людей, причисленных за их заслуги в распространении и укреплении христианства к лику святых. В них наряду с описаниями чудес, совершенных подвижниками, нередко содержатся реальные сведения, имеющие важное историко-этнографическое значение.

ческое противоборство Империи, охватившее практически всю ее территорию. За поддержку официального курса местный иерарх был поощрен переводом в более престижную епархию неподалеку от Константинополя. Оставшиеся без духовного правления местные христиане избрали молодого, но уже весьма авторитетного священника своим пастырем, случай, кстати, уникальный в практике православия, поскольку епископа мог рукоположить только вышестоящий иерарх. Поскольку Иоанн открыто и смело высказывался в пользу гонимых иконопочитателей, он не мог рассчитывать на возведение в сан на родине, так как церковные власти главного административного центра Юго-Западной Таврики — Херсона — были полностью лояльны официальному иконоборческому курсу правительства. Начинается скитальческая жизнь. Вначале Иоанн направляется в Святую землю, где в Иерусалиме поклоняется святым местам, общается с единомышленниками. Через три года он вновь в Готии, но ситуация здесь не переменилась к лучшему. Для обретения сана вновь приходится отправиться в путь, на этот раз на восток, в один из самых авторитетных центров православия в Закавказье, в Мцхету. Здесь, приблизительно в конце 50-х гг. VIII в., он был рукоположен католикосом Иверии-Грузии.

Вернувшись в Готию, Иоанн отдается пастырскому служению, оставаясь твердым сторонником почитания святых икон. В начале 80-х гг. VIII в. в Константинополе усилились позиции иконопочитателей. Их поддерживала регентша при малолетнем престолонаследнике Константине VI, его мать, афинянка Ирина. В ее окружении на некоторое время появился и представитель крымской Готии, Иоанн, что не осталось незамеченным для церковных историографов. Во всю шли приготовления к седьмому, последнему в череде Вселенских, собору, задуманному как апофеоз возвращения к истинной вере. Он собрался в Никее, где проходил и первый собор, решения которого на века стали программой Восточного христиан-

ства. В 787 г. иерархи, активно поддержанные монашеством, казалось бы, покончили с иконоборческой “сре-

Дорос-Мангун

сью”. Однако не просто было изменить духовную и политическую жизнь страны, уже полстолетия жившей при другом идеологическом стандарте. Еще почти на 30 лет сторонникам иконоборчества, в основном епископам и военной знати, удалось сохранять прежний курс, пока в 843 г., после смерти последнего активного гонителя икон и монашества императора Феофила, его вдова, регентша Феодора, вынуждена была официально провозгласить возврат к иконопочитанию.

А что же Иоанн Готский? На соборе он отсутствовал и не мог наслаждаться триумфом, хотя и временным, дела, которому он отдал столько сил. Причину этого, может быть, раскрывает отрывок из его Жития, повествующий о событиях в Крыму. Толчком для них послужил захват хазарами главной крепости Готии — Дороса. Очевидно, поводом для этого стало изменение отношений между Византией и Хазарией. Императоры-иконоборцы поддерживали с ней тесные контакты. Однако, смена политического курса на иконопочитание, смещение регентшей Ириной с престола наследника Льва Хазарина Константина VI, ослабление общей для двух государств арабской угрозы, сдерживавшей их конфронтацию в Таврике и на Кавказе, привели, в совокупности, к усилению хазарского давле-

ния на оставшиеся еще византийские владения на полуострове. В основном это была территория, прилегающая к Херсону, вероятно, совпадающая со страной Дори. Захват ее главной крепости Дороса, отождествляемой с “пещерным городом” Мангутом, выводил хазар на границу, прорвав которую хазары могли беспрепятственно дойти до стен Херсона. Судя по всему, эта крепость, как и другие укрепления, определявшие рубеж византийско-хазарского пограничья в этом районе Таврики, была предоставлена властями самой себе. Возмущение, вызванное военной акцией хазар, охватило только “народ”, но никак не вызвало реакцию официальной власти. “Народ”, фигурирующий в Житии, — это, несомненно, христианизированные готы и аланы, составлявшие основу этнического массива в прибрежных и предгорных районах Таврики. Крепость Дорос была для них как убежищем на случай военной угрозы, так и важнейшим религиозным центром. Вряд ли антихазарское выступление было стихийным, поскольку во главе его встал духовный лидер, епископ Иоанн, и некий, не названный по имени “господин Готии”, то есть, вероятно, византийский наместник — топарх. Однако, судя по всему, главную роль играл именно Иоанн, пользовавшийся большим авторитетом. Учитывая его идеологическую ориентацию, многие исследователи предполагали, что восстание разворачивалось не только под антихазарскими, но и антиправительственными иконопочитательскими лозунгами. Это может объяснить равнодушие византийской администрации, за исключением потерявшего свой пост топарха, к этому движению. Однако и паства Иоанна Готского не была единодушна в своем порыве освобождения от хазарского владычества. Вначале действиям восставших сопутствовал успех. Им удалось вернуть под свой контроль Дорос и захватить так называемые “клизуры”. В первом значении это слово переводится как “горные проходы”, но нередко византийцы обозначали им и крепости, защищавшие эти проходы. Для конкретной ситуации в Таврике приемлемы оба эти смыс-

ла. Ясно, что в первой своей фазе восстание достигло важных тактических результатов, но это был и последний успех. Текст Жития невинно сообщает, что преподобный был предан одним селением, а затем и вынужден был бежать, преследуемый своим народом. Очевидно, иконопочитательский акцент выступления нашел поддержку далеко не у всех его участников. Попавшие в плен к хазарам вожаки восстания получили пощаду, зато другие пленники, названные “ни в чем не повинными рабами” числом семнадцать, были казнены. Иоанн был заточен в темницу в местности, именуемой Фуллами. До сих пор продолжается дискуссия о ее местоположении. Скорее всего, этот пункт находился в восточной части полуострова. Не исключено, что с ним может быть отождествлено средневековое городище Тепсень на территории современного поселка Коктебель. Отсюда Иоанну удалось бежать на противоположный берег Черного моря, в Амастриду, где он прожил еще четыре года и скончался, вероятно, в начале 90-х гг. VIII в. Ученики перевезли тело святителя на его родину, в Партенит, где похоронили в церкви основанного Иоанном монастыря святых апостолов Петра и Павла.* Память Иоанна Готского отмечается в церковном календаре 26 июня по старому стилю.

Что касается Дороса, вторично захваченного хазарами, то в дальнейшем этот топоним в источниках не упоминается. Накопленные к настоящему времени археологические материалы, отражающие хазарский период в истории Мангутского городища, в сопоставлении с достоверными письменными источниками, могут быть интерпретированы следующим образом. До конца VIII — первой половины IX в. крепость Дорос сохраняла свой ранневизантийский облик. Затем наступает перелом, отражением которого стали обширные ремонтные работы в крепости, появление винодельческих комплексов, смена доминирующих типов керамических форм. Постоянное население

* Ныне руины этой базилики находятся на территории санатория Министерства обороны Украины.

крепости резко сокращается по сравнению с предшествующим периодом. Однако, оно не утрачивает экономических и культурных связей с причерноморским миром, представленном в данном регионе византийским Херсоном. Если до IX в. в крепости Юго-Западной Таврики попадало преимущественно вино, импортировавшееся по традиционным с античного времени торговым черноморским маршрутам, то позже начинается его товарное производство на месте, о чем свидетельствует появление крупных винодавлен и гончарных центров для массового производства амфор (на Мангупе открыто к настоящему времени девять винодавлен). Вероятно, нормализация политических отношений между Византией и Хазарией во второй половине IX – начале X в. и, в то же время, открытость и безопасность степных районов Северного Кавказа и Подонья для торговли стимулировали всплеск виноградарства и виноделия в глубинных районах Таврики, где эти занятия не имели распространения в античное время. Эта ситуация лучше всего может быть определена словами известного специалиста по истории хазар М. И. Артамонова: «В X в. Хазария стала торговым городом с прилегающей провинцией, а не страной, имеющей столицу». И главным торговым партнером ее становится Таврика, из «Климатов» которой «являлись вся жизнь и изобилие Хазарии» (Константин Багрянородный).

В идеологической сфере сохраняет и даже укрепляет свои позиции христианство: по некоторым данным, в этот период расширяется большая базилика в центре Мангупского плато. Все эти данные могут быть истолкованы в пользу версии о кратковременном присутствии хазарского военного контингента в Доросе. За это время было проведено восстановление оборонительной системы, пострадавшей в связи с подавлением восстания местного христианского населения. В дальнейшем хазарское присутствие здесь ограничилось установлением системы административного контроля, который постепенно ослабевал, уступая место вновь усиливающемуся византийско-

му влиянию. Перемены в хозяйственной жизни поселения, скорее всего, связаны не с миграционными процессами, а с изменением экономической ситуации в Северном Причерноморье периода существования Хазарского каганата.

В пространной редакции письма хазарского царя Иосифа (около 960 г.) в списке местностей в юго-западной части полуострова впервые фигурирует топоним «Мангуп», сменяющий «Дорос». Не все исследователи признают этот документ подлинным, однако, даже доверяя ему, следует признать, что власть правителя хазар в данное время уже не могла распространяться на Таврику. Скорее всего, письмо если и отражает реальное положение, то существовавшее, по крайней мере, несколькими десятилетиями ранее. Это наглядно иллюстрирует обширный политико-географический трактат «Об управлении империей», отразивший этнополитическую ситуацию в Северном Причерноморье на средину X в. Автором его считается Константин Багрянородный, византийский император, составивший эту своеобразную инструкцию своему сыну-наследнику. Особый интерес для нашей темы имеет упоминание о Климатах и отношении к ним хазар. Существует обширная литература, посвященная интерпретации этого сюжета и, в особенности, выяснению содержания термина. Представляется наиболее приемлемым его толкование как ряд местностей в юго-западной и южной частях полуострова.

Важно отметить, что в указанное время хазары уже совершают походы на Херсон и Климаты. Исходя из содержания так называемого «Киевского письма», хранящегося в Кембриджской университетской библиотеке, являющегося фрагментом переписки, которая велась еврейской общиной Киева в первой половине X в., есть основания считать, что начались они еще раньше, по крайней мере, в начале правления Романа Лакапина, то есть в 20-е гг. X в. Во времена Константина Багрянородного силой, препятствующей этим действиям хазар, являлись

аланы, контролировавшие западные районы Северного Кавказа и Предкавказья. В упомянутом трактате говорится, что правитель Алании может сильно вредить хазарам, "...подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. ...хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир". В то же время, эта территория оказалась под угрозой нападения с севера, со стороны печенегов, против которых Византии приходилось применять в основном дипломатические меры противодействия. О размещении Климатов на Крымском полуострове, в его приморской части, содержатся выразительные свидетельства в различных местах трактата Константина. Например, размещение Климатов по отношению к Боспору и Херсону указано в главе 42, где есть четкий географический ориентир — расположение этих местностей за древним рвом (перекопским), через который к ним могут проходить печенеги. Ослабление хазарского присутствия в Таврике отмечается уже столетием раньше. Свидетельством этому может служить пассаж Константина Багрянородного, посвященный созданию крепости Саркел и учреждению фемы Климатов*. Автор вкладывает в уста приближенного императора, спафарокандидата Петроны, адресованную императору Феофилу (829 – 842 гг.) следующую многозначную фразу с мотивацией необходимости административно-политических реформ в области Херсона: "Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам". Таким образом, если следовать логике и сути сооб-

* Фема — военно-административный округ, управлявшийся стратигом, облеченным как гражданской, так и военной властью. В военное время он возглавлял ополчение, набранное из местных жителей. Фемная система заменила старое деление страны на провинции и просуществовала с VII по XI вв.

щений византийских письменных источников, получается, что хазарское присутствие в окрестностях Херсона, не обязательно физическое, но выражающееся в традиционной форме выплаты им дани с подчиненных территорий, должно быть ограничено временем подавления восстания под предводительством Иоанна Готского (приблизительно вторая половина 80-х гг. VIII в.) и учреждением фемы Климатов — Херсона, то есть до 841 г. Двадцать лет спустя Константин Философ, больше известный под своим монашеским именем Кирилл, один из создателей славянской азбуки, оказавшийся в Херсоне на пути следования с миссией к хазарам, отметил, что "этот город пограничен с Хазарскою землею". Соседство это ощущалось как враждебное, не позволявшее горожанам быть в безопасности за его стенами. Все это позволяет предполагать, что восстановление в полной мере византийской власти над климатами Готии произошло ближе к концу IX в.

Одним из интереснейших сюжетов религиозной жизни Таврики хазарского периода является обращение хазар в иудаизм. Следует отметить, что ранние хазары (до VIII в.) в основной массе были язычниками. Они поклонялись многочисленным богам, тенгри, среди которых постепенно усиливался авторитет наиболее почитаемого Тенгри-хана, бога света и неба. В этом была заинтересована, прежде всего, верхушка хазарского общества, видевшая необходимость усиления центральной власти в лице верховного вождя-кагана. Южные и западные соседи Хазарии, арабы и византийцы, стремились вовлечь ее в сферу своих религиозных систем с целью идеологического и политического воздействия. Поражение в войне с арабами в начале VIII в. вынудило хазарского кагана принять ислам. Правда, вскоре ситуация изменилась и произошел возврат к прежнему язычеству. Столкновение с интересами Византии в Крыму не способствовало популярности среди хазар христианства. Однако все более очевидной становилась необходимость принятия в государстве монотеистической религии, которая способство-

вала бы укреплению центральной власти. В то же время, этот шаг не должен был повлечь установления вассальных отношений с теми, от кого принималась вера.

В начале IX в., между 799 и 809 гг., хазарский каган провел религиозную реформу, сводившуюся к принятию верхушкой государства иудаизма, в одинаковой мере противостоящего как исламу, так и христианству. Однако, действительно заметным распространение этой религии в хазарском обществе, по мнению ряда современных авторов, становится после 861 г., то есть после провала миссии Константина Философа, пытавшегося обратить хазар в христианство. Это окончательно поссорило Хазарию и Византию.

X в., как отмечалось выше, был временем все более заметного упадка хазарского государства, сокращавшегося территориально и все более страдавшего от натиска соседей. Смертельный удар каганату был нанесен в 60-е гг. киевским князем Святославом, захватившим и разорившим основные хазарские города на Дону и в Нижнем Поволжье.

Очевидно, после этих событий часть хазар еще оставалась в зависимой от Византии Юго-Восточной Таврике. Византийские хронисты упоминают о восстании 1015 г. под предводительством Георгия Цуло и ответной экспедиции византийского флота, вероятно, в Крым в 1016 г. Это историческое лицо известно нам также по находкам печатей. Большинство исследователей поддерживают его местное тюркское, возможно, праболгарское, происхождение. Относительно сущности восстания ряд авторов считает, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму. Однако, каганата к этому времени фактически уже не существовало. Скорее всего, речь может идти о представившейся возможности ликвидировать крепнувший и набирающий все большую самостоятельность реликт хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников.

Для подавления мятежа, помимо византийского отряда, были привлечены русские воины во главе со Сфенгом, названным в источнике братом киевского князя Владимира. О подробностях военных действий источник умалчивает; известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II (976 – 1025 гг.). Византийская власть на полуострове была восстановлена. Вполне возможно, что именно с этими событиями связано исчезновение археологических комплексов, отождествляемых с культурой населения Хазарского каганата. Видимо, часть местного населения вынуждена была, так же как в свое время и праболгары, в спешке бежать, часть осталась на полуострове, послужив одной из составляющих при формировании этнически сложного населения средневековой Таврики. Во всяком случае, со второй половины XIII в., когда на побережье появились генуэзские колонии, вплоть до захвата этих поселений в 1475 г. турками-османами, в генуэзских документах и описаниях путешественников Крымский полуостров фигурирует под названием Газария.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.
- Новосельцев А. П. Хазарский каганат и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. — М., 1983.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — М., 1967.
- Плетнева С. А. Хазары. — М., 1986.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — М., 1997.

ПЕЧЕНЕГИ И ПОЛОВЦЫ

А. Г. Герцен, Э. И. Сейдалиев

Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда имеют удобный случай для войны или когда надсмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются; число их бесчисленно". Эти строки, принадлежащие византийскому писателю XI в., можно было отнести к любой из волн кочевников, которые, начиная с гуннов (около 375 г.), прокатывались через Северное Причерноморье. Однако конкретно это было сказано именно о печенегах. Название племени происходит, по-видимому, от тюркского имени Бече (возможно, первый вождь печенежского племенного союза). В степях известны и другие случаи происхождения этнонима от имени первого, нередко легендарного, главы рода, правящего в союзе, например, две ветви турок — сельджуки и османы.

Пока восточноевропейские степи находились под властью Хазарии, заволжские кочевые орды не могли прорваться на их просторы. Положение меняется с уходом хазар с политической арены Европы. Именно печенеги стали возмутителями спокойствия степей, сохранявшего со второй половины VII до конца IX в.

В начале своего существования отдельные печенежские орды кочевали за Волгой. Под давлением более сильных соседей — узов, кипчаков, мадьяр, — и почувствовав ослабление Хазарского каганата, печенеги двинулись на запад. Пытаясь остановить их, хазарский каган заключил союз с узами. Замысел удался — печенеги были изгнаны узами, и, по словам Константина Багрянородного, "бродили, выискивая место для своего поселения". Однако местом этим оказались ранее подвластные хазарам восточноевропейские степи.

В конце IX в. печенеги разделяются на две ветви — "тюркскую" и "хазарскую". Первые, вероятно, заняли междуречье Днепра и Дона, вторые кочевали в степях Предкавказья, в междуречье Дона и Кубани. Пришельцы заключили договоры о мире и дружбе с Византией и Русью, однако, высокие договаривающиеся стороны не очень утруждали себя соблюдением этих соглашений. В начале X в. печенеги начинают проникать на Крымский полуостров. В степной части их присутствие отмечается по археологическим данным вплоть до конца XI в. Привычная воинственность, склонность к грабительским набегам использовались византийской дипломатией, стремившейся отвлечь печенегов от походов на владения Империи в Таврике, прежде всего, на Херсон (так назывался в средневековье Херсонес), натравливая их на соседей. Стоит процитировать отрывок из замечательного политического и этнографического трактата середины X в. "Об управлении государством", автором которого был упоминавшийся выше император Константин VII Багрянородный, единолично правивший с 945 по 959 гг.: "Я полагаю всегда весьма полезным ...желать мира с народом пачинакитов [так названы печенеги], заключать с ними дружественные соглашения и договоры. ... Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружественно расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него на-

беги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты [византийские владения в окрестностях Херсона]. ... пока василевс [император] ромеев [самоназвание византийцев] находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки [имеются ввиду мадьяры-венгры] не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать за мир великих и чрезмерных денег и вещей. ... Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом ... могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю". Не будучи уверенным в полной лояльности Константинополю крымских поданных, писатель-император указывает, какими мерами можно добиться покорности Херсона, важнейшего форпоста Византии на северном берегу Черного моря. Для этого необходимо было арестовать корабли херсонитов во всех портах, заблокировав тем самым внешнюю торговлю, дававшую основные средства для существования города. В ней важную роль играли операции с печенегами. Еще раз процитируем трактат императора: "...если херсониты не приезжают в Романию [Византию] и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакитов, то не могут существовать". В свою очередь, на городском рынке степняков интересовали изысканные ткани, шелк и бархат, тонко выделанные красные кожи, и, конечно, такой сверхдальний импорт, как специи, доставлявшиеся из Юго-Восточной Азии. Печенеги хорошо освоили маршруты, ведущие через равнины полуострова к главным торговым городам — Боспору и Херсону, тем более, что дорог этих было всего две и проходили они через естественный перешеек, известный как Перекоп. В те времена ров и вал, созданные еще в древности для защиты полуострова от вторжения беспокойных обитателей южноукраинских степей, были заброшены и поросли лесом. Так что печенеги беспрепятственно попадали на равнины Таврики и растекались в нужных им направлениях.

Что же осталось от печенегов кроме упоминаний в сочинениях средневековых авторов? Так же как и прочие номады, их непоседливые предшественники и последователи, печенеги отметили свое пребывание, главным образом, захоронениями в курганах. Причем большинство этих курганов было насыпано за многие сотни лет до средневековой эпохи. Еще племена медно-каменного и бронзового веков (IV — II тыс. до н.э.) стали менять складывавшийся тысячелетиями облик степных ландшафтов, дополняя его рукотворными насыпями над могилами своих покойников. Это были и знаки глубокой печали по сородичам, и, одновременно, вехи, позволявшие таборам их потомков, большую часть годового цикла перемещавшихся по безбрежному морю степей, безошибочно ориентироваться в поисках источников воды и пастбищ для своего главного богатства — скота. Далекие последователи создателей этих курганов, средневековые кочевники, делали в них впускные захоронения. Так что под одной насыпью, только на разных уровнях, могли соседствовать и носители катакомбной культуры бронзового века, и первые кочевники, появившиеся в степях в начале раннего железного века (IX — VII вв. до н.э.), — киммерийцы и вытеснившие их скифы, и притеснители скифов, их сородичи сарматы, и гунны, и далее этот список можно продолжать вплоть до нашего времени. Ведь нередко расплывшиеся курганы избирались местом для сельских кладбищ оседлого земледельческого населения.

Чем же себя в этой погребальной "коммуналке" обозначали печенеги? Раскопки курганов с захоронениями поздних кочевников начались еще в конце XIX в. Особенно много было исследовано их на трассе строившегося в 50 — 60-х гг. XX в. Северо-Крымского канала. Это было благодатное время для археологической науки. Тогда узаконили выделение немалых средств от каждой ново-стройки на изучение и охрану находившихся в ее зоне

объектов, имевших культурно-историческое значение. Благодаря этому мы знаем, что в курганах, в основном, удостаивались чести быть погребенными мужчины-воины, как правило, в сопровождении частей лошадиной туши или же чучела коня. Что еще нужно воину в мире ином? Сабля, кольчуга, шлем, а иногда еще и железная маска, служившая забралом, предававшим черты лица идеальной модели супермена-кочевника, внушавшего ужас врагам и уважение сородичам.

Есть несколько печенежских захоронений и на территории приморских городов, Херсона и Судака. Это могли быть купцы или заложники, которыми обычно обменивались для обеспечения безопасности дипломатических миссий, отправлявшихся в ставки вождей племен кочевников. При помощи печенежского фактора Византии удавалось поддерживать баланс сил в степном Причерноморье до начала XI в. Достаточно вспомнить, как она расправилась со своим опасным соперником князем Святославом, сумевшим вырваться из блокады в Доростоле (современный город Силистрия), но перехваченного и убитого печенегами на днепровских порогах. Не без основания историки подозревают в этом акцию ромейских "спецслужб".

Однако вскоре Империя спровоцировала изменение политической ситуации в этом регионе не в свою пользу. Борясь со своим наиболее опасным врагом на севере — болгарами, Византия достигла, казалось бы, решающего успеха. При императоре Василии, прозванном Болгаробойцей, было уничтожено государство опасных соседей — Первое Болгарское царство, возникшее еще в 80-х гг. VII в. Однако тем самым был ликвидирован барьер, удерживающий печенегов от соблазна продвинуться на запад от Дуная. К тому же с востока их подпирала орда давних врагов, узов и торков. Часть печенегов перешла Дунай, часть осталась в Северном Причерноморье. Несмотря на все усилия замирить и ублажить но-

вых отнюдь не желанных поданных, Византия не смогла остановить разгул грабежей в северных провинциях. К тому же печенежские ханы вступили в контакты с опасными врагами Византии, своими сородичами турками-сельджуками, неудержимым потоком хлынувшими из Центральной в Малую Азию. В конечном итоге, расправиться с непокорной частью печенегов удалось при помощи их врагов, половцев, которые с середины XI в. стали господствовать в степях Украины. В 1091 г. объединенное греко-половецкое войско нанесло поражение печенегам. Пленным пощады не было, тем не менее, часть спасшихся бегством впоследствии оказалась на военной службе Византии.

Что касается отношений печенегов с северным соседом, то после гибели Святослава участились их набеги на южные земли Киевской Руси. В 1036 г. они последний раз оказались под стенами Киева и здесь потерпели сокрушительное поражение от варяжско-славянского войска, возглавляемого князем Ярославом Мудрым. Несторовская "Повесть временных лет", главный письменный источник по ранней истории Руси, так повествует об этом событии: "И произошла сеча злая, и едва к вечеру одолел Ярослав, и побежали печенеги в разные стороны, и не знали они, куда бежать, и те, убегая, тонули в Сетомле, другие в других реках. И так сгинули они, а остальные бегут где-то и до сего дня". Где "бегали" другие, нам уже известно: кто буйствовал за Дунаем на византийских землях, а кто оказался в подданстве у новых хозяев причерноморских степей, торков и половцев. Были и такие, которые пошли на службу к киевскому князю вместе с другими родственными им осколками кочевых тюркоязычных этносов; они известны из русских летописей как "черные клобуки". В XIII в. эти "свои поганые", как ласково называли их летописцы, перешли в зависимость от золотоордынских ханов. В Киеве же отметили избавление от печенежской опасности закладкой собора, который

и поныне является жемчужиной нашей истории и культуры. Это знаменитая София Киевская. Любуясь ее золотыми куполами, вспомните, что за ними из дали времен проступают островерхие шлемы былых владык степей — печенегов.

В начале XI в. восточноевропейские степи увидели новые кочевые орды, которые русские летописи называют торками, византийские хроники — узами, а восточные сочинения — гузами. Они погнали печенегов дальше на запад. В новых местах торки хозяйничали недолго и каких-либо заметных следов после себя не оставили. В середине XI в. они оказались перед лицом опасности, подобной той, которую они сами не так давно представляли. С востока надвигалась новая орда кочевников, которая превосходила две предыдущие необычайной мощью. Эти кочевники сохранились в мировой истории под тремя названиями — половцы, кипчаки и команы.

Многие авторы древности упоминают о кочевых народах восточноевропейских и азиатских степей, называя их кимаками и кипчаками. Эти два племени были частью союза, состоявшего из семи племен и получившего впоследствии название Кимакский каганат. Часть населения каганата, жившая ближе к центру союза, в Прииртышье, приблизительно в IX — X вв. переходит к оседлому образу жизни. Однако значительная часть входивших в каганат орд продолжает вести кочевой образ жизни. Особенно выделяются тут кипчацкие орды, о чем свидетельствуют и письменные, и археологические источники.

Расцвет хозяйственной жизни в каганате приводит к ослаблению влияния центра на отдельные владения, между ними возникают противоречия. Центральная власть была уже не в состоянии навести порядок в стране, и на рубеже X — XI вв. кипчаки фактически становятся самостоятельными. В начале XI в. они двинулись на запад. Один из восточных писателей — таджик Насири Хус-

рау — в середине XI в. писал о приаральских степях не как о гузских, а как о кипчацких.

Половецкий воин XIII в. (реконструкция М. Горелика)

Армянский историк Матвей Эдесский говорил, что народ змей ("каи" — змея — одна из транскрипций этнонима "кимаки") потеснил неких "шары" (желтых) и последние двинулись на гузов, потеснив, в свою очередь, их. Шары, по мнению большинства ученых, занимавшихся кочевниками средневековья, — это кипчаки или половцы. Откуда пошло это последнее название? Многие исследователи, исходя из значения русского слова "полова" — солома, мякина, и "палевый", то есть белеватато-соломенный, видели намек на светло-желтый цвет и считали, что половцы были белокуры и голубоглазы. Их происхождение пытались связывать с "динлинами", обитавшими в степях Южной Сибири в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э., и бывших, по сведениям китайских хронистов, блондинами. Вполне возможно, что среди половцев и были блондины, но основная масса состояла из тюркоязычных монголоидов кимако-кипчаков и была черноволосой и кареглазой. Не исключено, что цветное название было символическим и определяло какую-то часть кипчаков (возможно, самую привилегированную). Так выделяли, например, "черных" болгар, а позже цветовым признаком обозначались монгольские государства — Синяя Орда, Белая Орда и другие. Высказывалось мнение о первоначальной форме этнонима как "онополовцы", то есть жившие по ту сторону реки, в данном случае, Днепра.

Известный американский востоковед украинского происхождения Омелян Прицак предположил, что основой названия послужило русское слово "поль" в значении "открытый, свободный, полый", и, таким образом, оно является прямым русским переводом тюркского названия половцев "кипчак". Автор также предположил, что этноним мог пониматься и как "степные люди". Более правдоподобной выглядит версия Санкт-Петербургского тюрколога Константина Жукова о том, что на Руси было известно значение тюркского слова "кипчак" — дупло,

дуплистое дерево. Связано оно с легендой, известной в изложении персидского летописца Рашид-ад-Дина о происхождении кипчаков от мальчика, родившегося в древесном дупле. Таким образом, половцы — это происходящие из пола, дупла. В западных странах они были известны больше как "команы". Знали о соответствии этих наименований и древнерусские летописи.

На запад отправились не только кипчаки, но и другие союзные племена. Вся эта лавина двигалась по дорогам широко открытым и давно проложенным до них предыдущими кочевыми волнами. В начале XI в. половцы появляются уже в Поволжье и Донских степях. По сообщению русского летописца, в 1055 г. они подходят к южной границе Руси (орда хана Блуша). Русь заключает с ними мир и половцы возвращаются, скорее всего, в придонские степи.

Здесь они продолжают кочевать и совершать набеги на соседей. В XII в. у шары-кипчаков происходит демографический подъем. Донецкая орда начинает поиск новых земель и расселяется дальше на запад, что продолжается и во второй половине XII в. Она занимает правобережье Днепра (до Ингульца) и крымские степи, о чем можно судить по распространению каменных изваяний, отмечающих курганы с захоронениями половцев.

Отсюда они продолжают набеги на Русь и Византию, в чем достигают больших успехов. Византия предпочитает быть с ними в союзе, осуществляя связи через Херсон (Херсонес) и, особенно, через Сугдею (Судак). Русь, несмотря на свои победы над кочевниками, так и не смогла сколько-нибудь значительно углубиться внутрь половецких владений. Достаточно вспомнить печальный финал похода, предпринятого в 1185 г. новгород-северским князем Игорем Святославовичем на половцев хана Кончака.

Конкретные сведения о пребывании половцев в Крыму содержат несколько письменных источников. В 1154 г.

арабский географ ал-Идриси, живший в Сицилии при дворе норманнского короля Рожера II, завершил свой труд под пышным названием "Развлечение истомленного в странствии по областям". Это был так называемый "Дорожник", содержащий описание берегов Средиземного и Черного морей, с указанием приморских городов, портов, якорных стоянок и прочей информации, полезной для практического мореплавания и торговли. Побережье Крыма описано здесь с весьма высокой степенью точности, указаны расстояния между береговыми пунктами, дана краткая характеристика некоторых из них. Упоминаются Карсуна (Херсон), Джалита (Ялта), Гурзуби (Гурзуф), Бартанити (Партенит), Лабада (Ламбат, ныне Малый Маяк), Шалуста (Алушта), Суллатийа (Судак), Бутар (Феодосия ?) и далее, на азиатском берегу, Матарха (Тмутаракань). В этом перечне особый интерес представляет первое в источниках упоминание Джалиты-Ялты, причем только для нее сделано указание, что "это город [принадлежащий] стране ал-Куманийа". Почему именно для этого пункта? До сих пор нет каких-либо определенных сведений о пребывании половцев на Южном берегу Крыма. Крайняя южная граница распространения их надкуранных изваяний проходит по правобережью нижнего течения реки Качи. И это понятно: данный район органически сливается с равнинной частью полуострова. Кочевники вообще не очень стремились втягиваться в лабиринты горных проходов. Они предпочитали договариваться с горцами о плате за их спокойную жизнь. Устанавливался размер и время передачи дани. Проезжавший через крымскую степь из Судака по направлению к Перекопу монах-францисканец Виллем Рубрук отметил, что до прихода татар, то есть за 20 лет до этого, здесь жили команы, которые заставляли приморские города и замки платить им дань. Важно отметить, что с середины XI в. до 20-х гг. XIII в. для обитателей предгорий и побережья

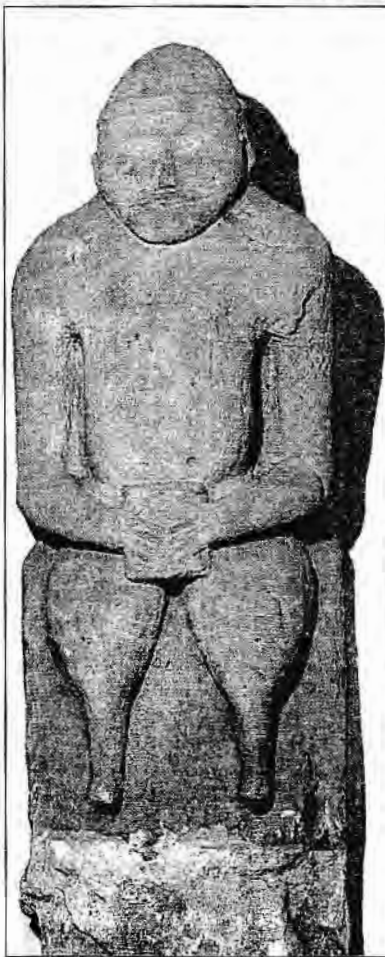
Таврики наступило благоприятное время. Нам не известно ни об одном военном вторжении в эту область. Археологические материалы рисуют картину мирной жизни христианского населения. Наряду с многочисленными селами появляются монастыри, некоторые поселения начинают приобретать характер "малых городов", например, Бакла, Эски-Кермен, продолжается жизнь Херсона. Правда, этот древний город теряет свою былую привлекательность для широкой международной торговли. Более удобным для нее теперь признается Судак-Сурож, как более приближенный к основным степным маршрутам. Этот город становится главным контрагентом древнерусских городов и, прежде всего, Новгорода. В эту торговлю активно включились и половцы, часть которых, вероятно, даже осела в Судаке. Как в свое время хазары сделали степь на время своего владычества безопасной для торговых караванов, так и кипчаки пытались играть эту роль, правда, не столь успешно, так как, в отличие от Хазарии, Кумания так и не стала государственным образованием. Половцы сохранили деление на орды и родовые кланы, нередко враждовавшие друг с другом. Не удалось им подчинить и своих северных соседей, с которыми нередко вспыхивали военные конфликты, обмены ударами, не способствовавшие установлению действительно длительного и прочного мира в степях. В этой связи можно понимать определение Ялты команским городом как указание на его особые отношения с хозяевами степей; возможно, была установлена определенная зависимость этого района полуострова от половцев, тем более, что арабский текст дает и возможность такого понимания, что речь идет о странстве от Херсона до Ялты. На главный торговый город Юго-Западной Таврики команы не могли не обратить внимание, учитывая и то, что к нему вели хорошо известные удобные дороги. Южный берег в то время действительно начинает оживать, но хороших дорог здесь

не было и в начале XIX в., когда А. С. Пушкин с Н. Н. Раевским пробирались горными тропами к Георгиевскому монастырю, держась за хвосты своих лошадей.

Если памятников пребывания на полуострове предшественников половцев, печенегов, относительно немного, то кипчаки оставили куда больше следов. Земли в окрестностях Евпатории были облюбованы ими для зимовок. Здесь располагались таборные стойбища, обретающиеся постепенно кладбищами. Как и большинство ко-

чевников, половцы обычно использовали для захоронений древние курганы. Однако возле зимников умерших хоронили в обычных грунтовых могилах. Такой некрополь был раскопан на берегу соленого озера Сасык, недалеко от евпаторийского порта. Обнаруженный здесь погребальный инвентарь хорошо иллюстрирует быт половцев, обитавших здесь в XII – XIII вв. Умерших сопровождало оружие: ромбовидные наконечники стрел и копий, ножи в деревянных ножнах, восьмигранный шестопер, наваршия шлемов, фрагменты кольчуг, пластины панцирей. Красноречивы детали одежды — пряжки с язычками, нашивные бляшки,

Половецкое
каменное изваяние

остатки ткани и кожи. Укладывали и бытовые предметы, например, ножницы, кресала, бронзовые зеркала. И, конечно, конская сбруя: стремяна, удила, пряжки. В каждом погребении находились медный котелок или чашка. О важном ритуальном значении этих предметов говорит то, что они часто изображались на половецких изваяниях, венчавших курганы. Еще в начале прошлого века эти каменные стражи степей встречались столь часто, что до сих пор чуть ли не в каждом музее можно встретить их, и отнюдь не единичные экземпляры. Сельскохозяйственное освоение степей Таврии привело к массовой расправке курганов и свержению этих, казалось бы, вечных исполинов.

Запечатлелась память о половцах и в географических названиях с элементом “кипчак”, сосредоточенных, в основном, в степной части полуострова. Да и все степное пространство Северного Причерноморья и далее на восток называлось Дешт-и-Кипчак, то есть “Половецкая степь”.

Замечательным памятником половецкого языка является словарь XIV в. Кодекс Куманикус (Codex Cumanicus), обнаруженный в архиве знаменитого итальянского поэта и гуманиста Петрарки. Этот словарь предназначался для торговцев, дипломатов и миссионеров, то есть тех европейцев, кто, отправляясь в далекое Северное Причерноморье, радели об успехе своих миссий. Залогом этого было знание местных языков или, еще лучше того, языка, которым пользовалось большинство местного населения. Таким языком межэтнического общения, своеобразным койнэ степей, был язык кипчаков. Его хорошо понимали и в кочевых таборах, и в приморских торговых городах. Кодекс является ценным источником для изучения истории формирования других тюркских языков, которые зазвучали на просторах Дешт-и-Кипчак после ухода половцев с исторической арены. Это языки крымских татар, ногайцев, караимов, крымчаков.

Счастливые времена для команов закончились в 20-х – 30-х гг. XIII в. с вторжением в Восточную Европу монголо-татар. Часть их выселилась в Закавказье, часть ушла в русские земли, часть — на Балканский полуостров и в Малую Азию. Орду половцев под предводительством хана Котяна, тестя князя Даниила Романовича Галицкого, принял венгерский король Бела IV. На дочери хана женился наследник венгерского престола Стефан V, что обеспечило половцам в Венгрии достаточно прочное положение. Часть половцев добралась до мамлюкского Египта, влившись в ряды военного сословия, из которого некоторым беглецам и их потомкам удалось забраться на султанский трон.

Какова же была судьба половцев, оставшихся на местах своего традиционного обитания? Значительная часть их погибла при первом вторжении монголов в степи Северного Кавказа и Северного Причерноморья. О массовой гибели команов в Таврике сообщает на основании сведений спутников из местных жителей упоминавшийся выше Виллем Рубрук. Однако очевидно, что далеко не везде картина была таковой. В северо-западной части Причерноморья кипчакское население было адаптировано завоевателями. На основе его сформировался тюркоязычный этнос, известный с XIV в. как *ногайцы*. Пожалуй, наиболее определенные сведения о слиянии монголов и половцев сообщает арабский автор XIV в. Эль-Омари: “В древности это государство (Золотая Орда) было страной кипчаков, но когда им завладели татары (монголы), то кипчаки сделали их подданными. Потом они (монголы) смешались и породнились с ними (кипчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монголов), и все они стали точно кипчаками, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)”.

О значительной роли половецкого компонента свидетельствует сохранение вплоть до XVI в. названия степной полосы между Дунаем и Доном — *Дешт-и-Кипчак*, то есть *Половецкая Степь*. О многочисленности здесь половцев упоминает ряд арабских авторов, например, ал-Калкашанди (1355 – 1418 гг.). По его словам, кипчаки, “тюркский народ, кочующий как бедуины”, — основное население *Дешта*.

ЛИТЕРАТУРА

Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989.

Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1958. — №62.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья. — М., 1982. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV – XIII вв.). — М., 2003.

ГЕНУЭЗЦЫ И ВЕНЕЦИАНЦЫ

Л. С. Моисеевкова

Расположенная на островах адриатической морской лагуны Венеция и стиснутая между Лигурийскими Альпами и тирренским побережьем Генуя самой природой были предназначены стать морскими купеческими государствами. Подъем их торгового, а затем и политического могущества приходится на XI – XII вв. В период крестовых походов республико-соперницы становятся крупнейшими торговыми державами Средиземноморья. Особая роль в этом принадлежит Четвертому Крестовому походу (1202 – 1204 гг.), в результате которого руками рыцарей-крестоносцев венецианцы избавились от своего главного конкурента по торговле с Востоком — Византии, заняли купеческие кварталы Константинополя, захватили важнейшие острова и опорные пункты средиземноморской торговли. Получив монопольное право колонизации в Причерноморье, Венеция основывает в это время и ряд факторий в Крыму. Крупнейшей из них стал Судак, который итальянцы называли Солдайей, а русские купцы — Сурожем. С 1287 г. городом управлял присланный из Венеции консул. Впрочем, резиденцией венецианского консула Солдаия пробыла недолго.

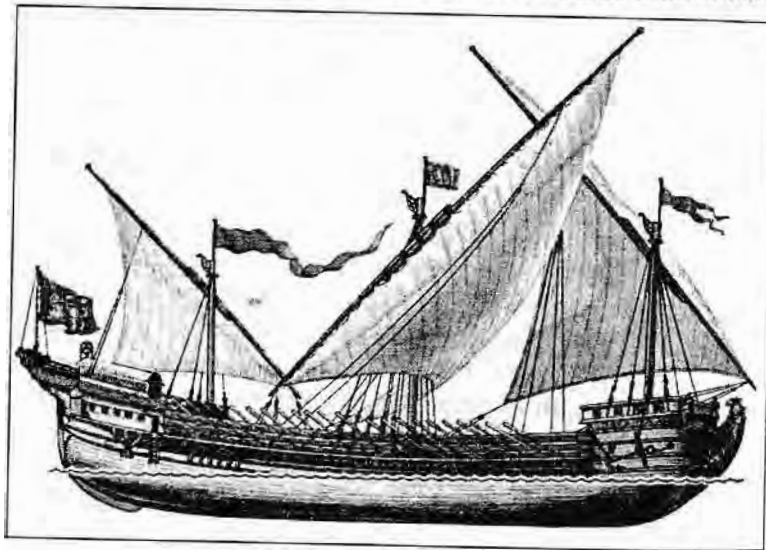
Успехи и доходы колониальной империи, в которую, по сути, в это время превратилась республика Святого Марка, не давали покоя генуэзцам. И если венецианцы обрели свои владения, способствуя падению Византийской империи, то генуэзцы добивались тех же целей на пути ее восстановления. Прагматичных генуэзцев не остановили ни проклятия папы, ни гнев большинства като-

лических монархов Европы. В 1261 г. Генуя подписала с императором Михаилом Палеологом (1259 – 1282 гг.) договор, согласно которому за обещанную военную помощь против Латинской империи крестоносцев генуэзцы получали монопольное право прохода в Черное море и право основывать “фактории, конторы и церкви” во многих византийских городах. Помощь не пригодилась, но договор стал прологом небывалого могущества Генуи на протяжении более чем двухсот лет. Генуэзцы вытесняют венецианцев, экономически подавляют византийцев и основывают свои поселения, крепости и города по всему Средиземноморью. “Задумали они немалое, — писал в своих мемуарах византийский император Иоанн VI Кантакузин (1347 – 1354 гг.), — они желали властвовать на море и не позволяли византийцам плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им”.

В Северном Причерноморье генуэзцы утвердились в середине 60-х гг. XIII в. Здесь очень быстро, одна за другой, появляются торговые фактории, которые превращались в настоящие, порой довольно крупные и влиятельные, города, такие, как Каффа (Феодосия) и Тана (Азов). В своей бурной деятельности по освоению региона итальянцы далеко не всегда могли рассчитывать на радушный прием местного населения, но гораздо более серьезную опасность для них представляли монголо-татары, которые к этому времени превратили Крым в улус Золотой Орды. Однако, искусная дипломатия генуэзцев, щедрые дары татарским наместникам и обещания таковых в будущем позволили им урегулировать отношения. Генуэзцы добились разрешения основать целую сеть разнотипных колоний на крымском побережье. Они возводят крепостные стены Воспоро (Керчи), захватывают у венецианцев ослабленную постоянными татарскими набегами Солдаю, на берегу уникальнейшей черноморской бухты основывают крепость Чембало (Балаклаву). В 1381 г., по договору с татарами, выходцы из Генуи закрепили за

собой 18 деревень солдайской округи и приобрели капитанство Готию. В эпоху средневековья так именовался Южный берег Крыма. В число поселений Готии входили пункты, на территории которых ныне расположены хорошо всем известные города и поселки: Форос, Алушка, Мисхор, Ореанда, Ялта, Никита, Гурзуф, Партенит, Алушта. Во многом эти названия созвучны тем, под которыми их знали генуэзцы. Итальянские поселения в Крыму получили общее название Генуэзская Газария.

Главным торговым и политическим центром Газарии стала Каффа. Уже к концу XIII в., динамично развиваясь, она превращается в густонаселенный полиэтнический город, а в XV в. по численности своих жителей обгоняет

Венецианская галей

даже Константинополь. Возвышению Каффы способствовала все возрастающая в XIII – XV вв. роль Северного Причерноморья в международной торговле стран Запада с Востоком. В итальянские города Восточного Крыма и Приазовья по морю и по суше прибывают купеческие караваны из Византии, Золотой Орды, Руси и Западной

Европы. Каффа становится крупным перевалочным пунктом по торговле транзитными товарами: русскими мехами, кожами, холстом, воском и оружием; пряностями, красителями, шелковыми тканями и драгоценными камнями из далеких восточных стран. Пользовались большим спросом у заезжих купцов и местные товары: соль, соленая рыба, икра, хлеб, невыделанные шкуры. Огромные доходы генуэзцам приносила работорговля. В то время как в метрополии итальянские гуманисты воспевали достоинства и доблести человека, в колониях их соотечественники беззастенчиво торговали людьми, превратив Каффу в крупнейший невольничий рынок региона. Рабов приобретали у татар, которые в погоне за живым товаром все чаще совершали набеги на южнорусские земли и западный Кавказ. Высокие цены на рабов нередко подвигали и самих итальянцев на рискованные операции по захвату пленников. Людей похищали корсары и пираты в приморских городах, в рабов превращали случайных пассажиров судовладельцы. Видимо, в таких случаях в периоды мирных отношений с Золотой Ордой в рабство попадали татары. В Европе в это время бытовало предубеждение считать татар вне их страны преимущественно рабами. Для итальянских заморских факторий, расположенных на территории Орды, эти настроения были чрезвычайно опасными. «Охота за людьми» решительно пресекалась генуэзскими властями Каффы, хотя наказания за эти преступления не отличались суровостью. Среди рабов, которых генуэзцы вывозили из Каффы, преобладали русские, грузины, черкесы, абхазцы. Небольшая часть рабов оставалась в черноморских колониях Генуи, остальных продавали в Византию, Италию и Египет.

Приезжие купцы порой надолго оседали в Каффе, приобретали конторы и дома. Потребности торговли и растущего местного населения стимулировали развитие ремесленного производства. Источники называют десятки профессий каффинских ремесленников, которые за-

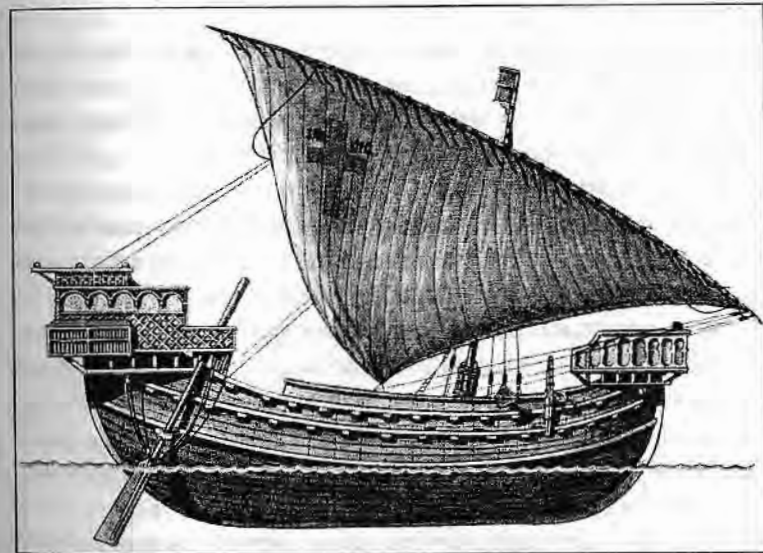
нимали в городе отдельные кварталы. Здесь работали кузнецы, конопатчики, плотники, прядильщики и ткачи парусов, обслуживающие потребности развивающегося судостроения, оружейники различных специальностей, скорняки, гончары, портные, мыловары, мясники, булочники, сапожники. Обособленно селились и столь необходимые купцам грузчики-хамалы. Развитие внутренней торговли вызвало необходимость чеканки собственной монеты. Ею стал серебряный аспр. Генуэзцы контролировали сбыт изделий колониального ремесла, облагали налогами ремесленные мастерские, получая значительные доходы, при этом зорко отслеживали ситуацию на рынке и решительно подавляли конкурирующие отрасли местного ремесла соседних стран, в частности, Византии.

Итальянцам проигрывали в конкурентной борьбе не только византийские ремесленники, но и купцы. В торговле целым рядом товаров (квасцы, кораллы) генуэзские купцы стали монополистами общеевропейского масштаба. Успехи итальянцев объяснялись той выдающейся ролью, которую играло купечество в городах Италии, где грань между дворянством и патрициатом уже в XIII в. была если не уничтожена, то размыта. Крупное купечество задавало тон всей экономической, социальной и политической жизни. Нигде в торговую деятельность не вовлекался столь широкий слой населения. Путешественник, посетивший Венецию в середине XIV в., пришел к заключению: "Весь народ — купцы". О генуэзцах говорили: "Генуэзец — значит купец". В экономике итальянских городов неизменно превалировали торговая и ростовщическая деятельность, достигшая невиданного размаха.

Итальянцы первыми открывают банки, создают гибкие формы торговых товариществ и кредитных ассоциаций. Это им позволило отказаться от услуг заморских менял и устанавливать более правильные курсы много-

численных видов находившихся в обращении монет Востока и Запада. Символами и практической реализацией сочетания успехов экономики и политики стали с XIII в. золотой дженовин (монета Генуи) и венецианский золотой дукат, которые, наряду с флорентийским флорином, приобрели авторитет и роль международных эквивалентов.

Торговая деятельность требовала серьезной подготовки. Отважные мореплаватели, предприимчивые купцы, расчетливые банкиры и судовладельцы, часто совмещающие в одном лице все эти ипостаси, должны были обладать разносторонними знаниями и широким кругозором, смелостью и осторожностью, сочетать деловую хватку с холодным расчетом. Не только неумная жажда наживы,

Генуэзский торговый корабль XII-XIII вв.

но и любознательность, и авантюризм влекли их в дальние страны.

Генуэзцы и венецианцы были прекрасными судостроителями и мореходами, создателями целой культуры мореплавания. Они первыми ввели в повседневную практи-

ку компас, освоили зимнюю навигацию. На верфях Венеции и Генуи строились суда в основном двух типов: галеи и высокобортные нефы. Галеи — весельные суда с простейшей парусной оснасткой, не рассчитанные на длительное плавание, легкие и маневренные — использовались для перевозки специй и дорогих, экзотических, восточных товаров для удовлетворения элитарного спроса. Железо, сталь, зерно и лес перевозили на менее скоростных и не отличавшихся изяществом форм, но гораздо более грузоподъемных и вместительных, так называемых “круглых” парусных нефах. Высокие борта этих судов, предназначенных для длительных походов, защищали экипаж, вооруженный луками, арбалетами, холодным оружием. С конца XIV — начала XV вв. на верхних палубах устанавливали пушки.

Воинственность купцов не была излишней. Венецианцы и генуэзцы не упускали возможности нанести друг другу урон. Одних войн за преобладание в Восточном Средиземноморье было четыре (1257 — 1273 гг.; 1294 — 1299 гг.; 1350 — 1355 гг.; 1378 — 1381 гг.) В период обострения отношений дело доходило до прямых захватов и грабежей кораблей. Генуэзцы обладали более мощными позициями в бассейне Черного моря. Они опирались на многочисленные прибрежные фактории, крепости и имели все основания считать Черное море своим внутренним бассейном. Силу и боеспособность генуэзцев, впрочем, постоянно проверяли на прочность не только венецианцы. Мореплаватели находились под постоянной угрозой со стороны пиратов и корсаров.

Численность экипажа итальянских судов варьировалась, в зависимости от типа, размера и класса судна, от 25 до 110 человек. В состав экипажа должен был входить врач, священник-нотарий, писцы, которые регистрировали принятые на борт и отгруженные товары. Для подачи команд и сигналов на корабли брали музыкантов: флейтистов, барабанщиков, волынщиков.

Грузоподъемность купеческих кораблей достигала 700 и более тонн. Генуэзцы в начале XV в. строили суда, напоминающие настоящие плавучие крепости, которые могли взять на борт до 1000 тонн груза. Для каботажного плавания и небольших торговых перевозок использовалась барки — небольшие одномачтовые суда с высокой кормой, существовали специальные суда для перевозки рабов и скота.

В XIV — XV вв. венецианцы выработали унифицированную систему плавания караванов судов — так называемые “линии”. Венецианское государство сдавало суда предпринимателям-патронам, которые набирали команды и вели суда в соответствии с детальными инструкциями правительства республики. Государство взимало налоги со стоимости перевозимых товаров. Галеем линии поручались политические и дипломатические функции по перевозке официалов Венеции и высоких персон из других стран. Выбор этих транспортных средств был признанием высокой степени их надежности и безопасности.

Венецианские линии заходили и в Каффу. Но, чтобы избежать высоких налогов, взимаемых в порту за стоянку с иностранных судов, чаще останавливались у мыса св. Иоанна, недалеко от черноморской столицы.

Трудно сказать, где проводил итальянский купец больше времени — на море или на суше. Навигация на Черном море стараниями и большим опытом итальянских мореходов была почти круглогодичной. Генуэзские статуты запрещали плавание по соображениям безопасности с 1 декабря по 15 марта, когда море особенно штормило. Но фактически черноморская навигация замирала всего на несколько недель в январе — феврале.

Особенностью итальянской колонизации вообще, и в Крыму в частности, было то, что она осуществлялась не государством, а различными объединениями граждан-предпринимателей, торговыми компаниями, патрицианскими семействами. Прослойка колонистов, оседавших на

более или менее длительный срок в факториях, была не только подвижной, но и очень малочисленной. Колонисты не теряли связи с Генуей, в большинстве случаев сохраняли гражданство метрополии, редко привозили с собой семьи. В далекие заморские земли в поисках богатства и удачи отправлялись, в основном, молодые неженатые мужчины.

В 1475 г. в Каффе на 70 тыс. жителей насчитывалось только около тысячи генуэзцев. Местное крымское население (греки, армяне, татары, русские, евреи, представители других народностей) многократно превосходило их по численности. Итальянцы не могли рассчитывать только на силу. Они охотно шли на сотрудничество с местной знатью, сохраняя за ней ряд прав и привилегий, широко вовлекали в свои торговые операции местное купечество, приобщая его к новым формам предпринимательства. Далеко не всегда эти отношения были безоблачными, но линия противостояния определялась не по этническому или конфессиональному признаку, а, прежде всего, по имущественному и сословному.

Сообразуя свою деятельность с интересами местной верхушки, генуэзцы не гнушались никакими средствами в эксплуатации городских низов. Население факторий страдало от тяжких налогов и штрафов. Прямые налоги — поземельный, подушный, подоходный, налог со строений — дополнялись косвенными налогами на съестные припасы, лес, траву, уголь и т.п. Взимание налогов колониальные власти нередко поручали местным откупщикам, и тогда злоупотребления не знали предела. Городские низы, “маленькие люди без имени”, как их называли генуэзцы, часто поднимали восстания. Только в истории Каффы XV в. их было пять.

Генуэзцы не ограничивались властью над приморскими городами, но и подчиняли себе земли в сельской округе. Причем некоторые из них превращались в таких феодальных владетелей, о которых Европа к тому времени

уже начала забывать. Собственно феодализация генуэзского господствующего класса развернулась именно в колониях. Документы колониальной администрации донесли до нас сведения о влиятельных феодалах из семейства Гуаско, которые в XV в. захватили селения в окрестностях Солдайи с их развитым земледелием, преимущественно виноградарством. Опираясь на собственные вооруженные отряды, тюрьмы и суд, они ввели новые налоги, барщинные работы, обложили пошлинами все привозимые товары, а для устрашения крестьян поставили на дорогах виселицы и позорные столбы. Самоуправство братьев Гуаско вызвало недовольство даже у консула Солдайи, но его обращения в Каффу не имели последствий.

Управление Газарией было построено по подобию самой Генуи с ее развитой бюрократией. Во главе черноморских колоний стоял консул Каффы. Ему подчинялись главы администраций других городов и факторий. Консул столицы избирался из представителей патрициата метрополии. Ему полагалась охрана, свита и прислуга. Консул возглавлял судебные разбирательства, для устрашения и проведения дознания в зале судебного заседания была установлена “пыточная машина”. Появление консула перед народом сопровождалось особым торжественным ритуалом. Но избирался консул всего на один год. Он приносил присягу перед синдиками (судьями) Каффы в соблюдении Устава Каффы и законов Генуи. По истечении полномочий консул подлежал суду, даже если его правление было безупречным. За малейшие нарушения законов и установлений консул подвергался штрафам.

В своей власти консул опирался на совет попечителей и совет старейшин, которые он сам назначал. Совет попечителей ведал городским благоустройством, ремонтом и постройкой крепости, осуществлял общий надзор за торговлей. Совету старейшин принадлежали общие контрольные функции. Высшие должности в городах занима-

ли только генуэзцы. Менее важные посты разрешалось занимать представителям местной знати. За получение чиновничьего места взимался налог, а некоторые особо выгодные должности продавались с аукциона.

Важной заботой консулов была постройка, ремонт и содержание крепостей. Архитектура черноморских кре-

Оборонительные сооружения Судакской крепости

постей следовала канонам европейского фортификационного зодчества. Оборонительные сооружения Каффы и Солдайи состояли из внешнего ряда стен с башнями, перед которыми со стороны суши шел ров с перекинутыми через него каменными мостами, и внутренней цитадели, где находился донжон и административные здания. Портючая часть также защищалась башнями. Башни строились в основном прямоугольные, иногда круглые. Большинство башен было трехэтажными, открытого типа. Башни и стены украшали зубцы, но они не были элементами декора. Зубцы, мерлоны и кремальеры, служили для защиты обороняющихся от стрел. Утилитарность назначения сооружений и недостаток средств (основные колониальные доходы отправлялись в метрополию) не располагали к декоративным изыскам. Но, тем не менее, некоторые башни украшались каменными рельефами, памятными плитами с генуэзскими гербами и причудли-

выми орнаментами, в которых отразился местный колорит (Солдайя), поясными аркадами (башня Константина в Каффе).

Внутри крепостных стен Каффы находились городские кварталы, многочисленные храмы, принадлежавшие различным конфессиям, рыночные площади и постоянные дворы. По мере роста города возникали и поселения, располагавшиеся за крепостной стеной.

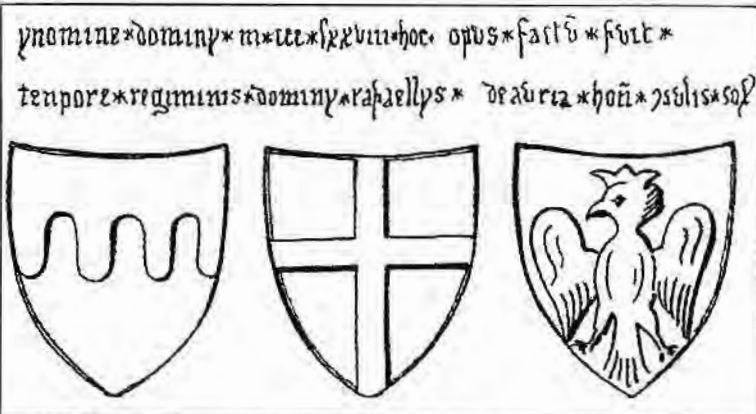
Вначале итальянцы, присвоив себе особые привилегии, селились отдельно, но с течением времени границы между богатой генуэзской застройкой и домами местной знати преодолеваются. Все горожане независимо от звания, верований и имущественного положения под постоянной угрозой нападений вынуждены были соблюдать законы жизни в крепости. Крепость не только оформляла окружающее пространство, абсолютно доминировала над всеми остальными постройками, но и диктовала распорядок жизни и шумной торговой Каффы, и Солдайи, которая при генуэзцах выполняла в основном дозорно-стратегические функции и обеспечивала всевластие итальянских феодалов в сельской округе.

Городские ворота открывались в строго определенные часы утром и закрывались вечером по специальному сигналу крепостной стражи. После вечернего звона колокола горожанам под угрозой штрафа запрещалось выходить на улицы. Уставом оговаривалось время, когда жители должны были гасить свет в своих домах. В ночное время за пределы городских стен не разрешалось выходить даже консулу.

Цитадель была административным центром города. Здесь находился консульский дворец, резиденция латинского епископа, проходили торжества, связанные с различными празднествами. Перечень праздничных дней, когда официально было запрещено работать, диктовался из Генуи. В 1440 г. был прислан список, который включал 51 обязательный католический праздник. Навязыва-

ние празднеств католической церкви шло в русле ее активной миссионерской деятельности в черноморских колониях, которую, впрочем, нельзя признать успешной. Большинство населения крымских городов сохранило верность своим конфессиям. Мусульманские и иудейские праздники, помимо официальных, отмечать не возбранялось, а почти половина православных праздников совпала с католическими.

Наиболее торжественно праздновали Рождество, Богоявление, Пасху, Рождество Иоанна Предтечи, празд-

Надпись консула Рафаэля Дориа из Солдайи. 1378 г.

ник патрона Генуи — Святого Георгия. Городские казначейства выделяли в канун праздников специальные средства для приобретения церковных свечей, раздачи милостыни и организации приемов знати в консульском дворце. У дворца и на набережной устраивался фейерверк.

1453 г. стал роковым в истории итальянских колоний. Турки захватили столицу Византии Константинополь и черноморские проливы. Путь из факторий в Геную был отрезан. Колонии, экономика которых переживала не лучшие времена, перешли под управление генуэзского Банка Сан-Джорджо, а в 1475 г., не сумев оказать даже достойного сопротивления, были захвачены турками.

Итальянские поселения просуществовали на территории Крыма немногим более 200 лет. Для истории срок небольшой. Но величественные руины крепостей, сохранившиеся грозные башни и неприступные куртины, удивительно органично вписавшиеся в горный крымский пейзаж, стали неотъемлемой составляющей наших представлений о полуострове. Редко какие из населявших Крым народов и племен, навсегда ушедших и ныне здравствующих (венецианцы и лигурийцы до сих пор составляют отдельные субэтноты итальянского народа), запечатлели себя в столь зримых образах, без которых немислим крымский ландшафт.

ЛИТЕРАТУРА

- История Византии. В 3-х томах. — Т.3. — М., 1967.
Карпов С. П. Пути средневековых мореходов. — М., 1994.
Карпов С. П. Латинская Романия. — СПб., 2000.
Секиринский С. А. Очерки истории Сурожя. — Симферополь, 1955.
Яacobсон А. Л. Крым в средние века. — М., 1973.

КРЫМСКИЕ ГРЕКИ

М. А. Араджиони

рактически вся “письменная” история Крыма теснейшим образом связана с греками. Однако необходимо различать четыре разные группы, именуемые греками, которые проживали на полуострове в различные периоды его истории. Эти группы отличаются друг от друга особенностями их формирования, а также своеобразием языка и культуры. Речь идет об античных греках (VI в. до н.э. – III в. н.э.), о средневековых крымских греках (III – XVIII вв., их потомков теперь называют “мариупольскими греками”), о греках “российского периода” истории Крыма (XVIII – XX вв.) и о современной греческой общине, которая складывается на полуострове в наши дни (XX – XXI вв.). Следует отметить, что это деление достаточно условно. Ведь часть “варваризированных” греков позднеантичного периода участвовала в этногенезе средневековых крымских христиан. Часть греков-старожилов, ушедших в 1778 г. на северные берега Азовского моря, вскоре вернулась на родину и обеспечила преемственность элементов культуры, сложившейся на полуострове в средние века, и их развитие в культуре “новых” греков-мигрантов из разных областей Османской империи. В свою очередь, потомки этих “новых” греков — носители греческой культуры, сложившейся в Крыму, на греческих островах, во Фракии, Малой Азии и в Анатолии, возвратившись из депортации, участвуют в формировании современной греческой общины.

Описывая историю греков античного периода, можно достаточно точно обозначить дату их появления на полу-

острове, но на вопрос, когда заканчивается история этой общности, однозначно ответить нельзя. Со средневековыми греками все обстоит как раз наоборот: мы точно знаем дату, когда основная их масса покинула полуостров — 1778 г. И весьма условно определяем начало формирования этой группы в Крыму III веком н.э., поскольку ученые на основании многолетних, главным образом, археологических, исследований отрицают прямую связь между античными греками, жившими на полуострове, и греками средневековья, точнее, их прямую культурную преемственность. Особую трудность представляет и исследование самого процесса формирования этой группы, так как речь идет не о переселении сюда какой-то части греческого этноса извне — надежных источников на сей счет пока не обнаружено — а о возникновении на крымской земле новой этнической общности, которую археологи предпочитают называть “горнокрымская народность” или “крымские христиане”.

“Закат” античной цивилизации в Таврике связывают с вторжением сюда германских племен — боранов и готов, а также их союзников — северокавказских ираноязычных алан (III в. н.э.). В результате погибла большая часть населения Боспорского царства и сельскохозяйственной округи Херсонеса, а также было уничтожено государство поздних скифов. В течение последующих двух веков античный Херсонес постепенно превратился в византийский Херсон и стал основным проводником политики Восточно-Римской империи в Таврике, а история Боспорского царства практически закончилась в V в., когда на его месте возникло гуннское княжество. Вторжение гуннов заставило алан и готов мигрировать в Юго-Западный Крым, где они стали перенимать от немногих уцелевших старожилов традиции пастушеско-земледельческого типа хозяйствования. Среди них начало распространяться христианство, ставшее важнейшим консолидирующим фактором, греческий язык и элементы провин-

циальной византийской культуры. В целом же широкая христианизация населения Боспора началась лишь в V в.,

Церковь Иоанна Предтечи в Керчи

а Херсонеса — в VI – VII вв. Однако, еще очень долго (почти до XIII в.) язычество проявлялось в повседневной жизни и погребальных обрядах жителей Крыма. Ярким свидетельством освоения христианизированным населением территории горного и южного бережного Крыма является топонимика этой части полуострова. И сегодня на карте можно увидеть названия мысов, горных вершин и перевалов: Ай-Никола, Ай-Фока, Ай-Тодор, Ай-Петри, Ай-Даниль, Ай-Василь, Ай-Ян, Ай-Йорги, Ай-Панда (Агион Пандон — всех святых), Сотера (“Сотирас” — по-греч. “Спаситель”), которые свидетельствуют о том, что когда-то здесь существовали одноименные церкви или часовни.

Усиление культурно-политического влияния Византии на население горного Крыма способствовало его привлечению на федератскую службу. В VI в. император Юстиниан I вновь присоединил к своей империи Боспор, а затем и область Дори (между Алуштой и р. Черной), где в основном проживали потомки крымских старожилов — в значительной степени “варваризированные” греки, сельское население позднескифского царства, в среде которых “растворились” тавры, а также готы и аланы. Для их защиты с помощью византийских архитекторов были возведены крепости и область Дори была поделена на особые районы, которыми управляли, по-видимому, вожди местных племен под надзором дуки Херсона. Продолжая античную традицию, византийцы по-прежнему называли жителей Таврики “скифами”, “варварами”, “боспорянами”, “херсаками”, но никак не “эллинами”. Ситуация не изменилась ни с принятием населением Таврики христианства, ни с вхождением южной части полуострова в состав Византийской империи.

Будучи подданными императора и христианами, потомки населения полуострова античного периода, крымские готы и аланы, декларируя свою политическую и религиозную идентичность, стали называть себя “ромеями”,

не вкладывая в этот термин этнического содержания. Ведь даже несколько веков спустя путешественник Гильом Рубрук (1253 г.) и византийский историк Пахимер (1310 г.) отмечали, например, что крымские готы еще сохраняли этническое самосознание и выделяли себя среди крымских христиан. В 1334 г. другой путешественник — Марино Сануто Старший — различал среди крымских ромеев “готов, алан и некоторые другие народы, идущие по стопам греков [в смысле религии]”. Вероятно, этот автор под “другими народами” имел ввиду тюрок, принявших христианство, поскольку тюркский этнический компонент постоянно присутствовал на полуострове: начиная с V в. гунны, хазары, булгары, печенеги, торки, половцы, татары приходили в Таврику, сменяя и поглощая друг друга. В письменных источниках приводятся факты приобщения некоторых тюрок-язычников к христианской религии. И в этом нет ничего удивительного, ведь ислам в Крыму стал распространяться достаточно поздно: первые мечети датируются XIII в., и лишь в следующем столетии монголо-татары приняли ислам как государственную религию — фактически через 100 лет после первого их появления в Таврике. В то же время уже упомянутый Пахимер (1310 г.) писал, что процесс взаимопроникновения культур был обоюдным: многие христиане смешиваются с татарами, “научаются их обычаям, вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делают их союзниками (в войне)”. И уже лишь в XV в. два автора — Иосафат Барбаро и Бертран де ла Брокьер — отметили появление нового этнонима в многоплеменной среде крымских “ромеев” — “готаланы”, который свидетельствовал о смешении этих двух общностей. Несмотря на это, еще в конце XVI в., по свидетельству барона Бузбека, в Крыму проживали этнические готы и был жив еще готский язык. Правда, встретившийся барону этнический гот совсем не знал своего языка, поскольку вырос в греческой семье и говорил лишь по-гречески и по-татарски, а вот крымчанин, признавший себя этническим

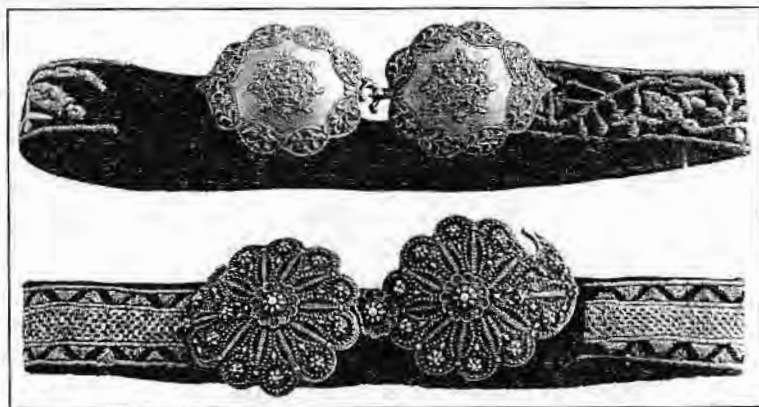
греком, говорил на готском, потому что жил в тесном соседстве с этим народом.

Важным фактором, способствовавшим объединению и сплочению крымских христиан, стало княжество Феодоро. Оно возникло в первой половине XIV в. в горном Крыму, некогда подчиненном Византии, а позже — Трапезундской империи, и просуществовало вплоть до турецкого завоевания 1475 г. В его истории можно выделить два периода. Первый — от возникновения княжества до нашествия Тимура (1390-е гг.), во время которого пострадала столица Феодоро и многие сельские поселения. Члены правящей династии, которую некоторые исследователи связывали с крымской ветвью знатного византийско-армянского рода Гаврасов, бежали на север к русским князьям, где стали основателями известного боярского рода Головиных. Второй период начался в 1420-х гг. и продолжался до 1475 г. Возрождение Феодоро связывают с именем князя Алексея. Будучи мудрым правителем, он сумел не только восстановить разрушенное хозяйство, но и поднял престиж мангупской династии, удачно женив своего сына Иоанна на аристократке, принадлежавшей к знатным родам Палеологов и Асанов. Таким образом на гербе Феодоро появился византийский двуглавый орел.

В период расцвета Феодоро на востоке его форпостом была крепость Фуна (у г. Демерджи). На западе его территории простирались от Георгиевского монастыря, включая Херсон, и до устья р. Бельбек, по которой проходила северная граница княжества с владениями Золотой Орды, а позже — Крымского ханства. На юге владения Феодоро ограничивались склонами Главной гряды, поскольку прибрежная полоса контролировалась генуэзцами и была включена в состав “капитанства Готии”. Несмотря на это, южный берег изобиловал поселениями греков, о чем свидетельствуют сохранившиеся до сих пор данные топонимики: немногие названия с итальянскими корнями (Алупка, Гурзуф) здесь перемежаются с многочисленными гре-

ческими (Форос, Симеиз, Мисхор, Гаспра, Никита, Ялта, Парфентит, Алустон). Этнополитическая ситуация, сложившаяся в этом регионе в XIII – XV вв., чрезвычайно интересно отразилась в крымских легендах. Достаточно вспомнить греческую легенду о происхождении названия горы Демерджи, где образно показано противостояние местного земледельческого христианского населения и “чернобородых” кочевников; крымскотатарские легенды об Аю-Даге и о Золотой колыбели, повествующие об “аллаховых джиннах” и “иблисовых джиннах” — двух общностях, исповедовавших разные религии и живших по “ту и эту сторону” крымских гор...

Османское завоевание вновь изменило политическую карту Крыма: исчезло княжество Феодоро, потеряли свои владения генуэзцы, Крымское ханство попало в вассальную зависимость. Бывшие феодоритские и генуэзские

Пояса к верхней женской одежде средневековых крымских греков

земли — территории, на которых в основном и проживало христианское население, стали частью Османской империи — Кефинским санджаком, а позже — эялетом, который просуществовал до 1774 г. Всем немусульманским общинам на полуострове была предоставлена религиозная автономия. Православное население было объеди-

нено в единый “миллет” — замкнутую конфессиональную общность с собственным самоуправлением, судами, единым налоговым сбором. Это позволило еще более сплотиться крымским христианами, которые спустя два века после османского завоевания практически утратили память о своих этнических предках и превратились в этнос крымских греков — “румеев”.

Таким образом, в период раннего средневековья мы наблюдаем процесс межэтнической интеграции, который привел к образованию у потомков позднеантичного населения, мигрантов из разных провинций Византийской империи, крещенных тюрок, готов и алан некоторых сходных черт культуры, а также элементов общего самосознания, что отразилось в названии “ромей”, декларировавшего, в первую очередь, их политическую и религиозную идентичность. В течение последующих столетий на территории полуострова происходил достаточно редкий процесс (специалисты его называют “этногенетическая миксация”), в ходе которого новый этнос образуется путем слияния народов, не связанных родством. Основными консолидирующими факторами, способствовавшими этому слиянию, произошедшему, вероятно, в период XII – XVII вв., были: общность религии (“греческого православия”), греческого языка и культуры; общность территории и политического подданства, обусловленного возникновением на территории Крыма собственного государства — “гото-греческого” княжества Феодоро; а также необходимость сплочения перед внешней угрозой: кочевниками степей и генуэзцами. В этот период произошла и трансформация содержания, смысловой нагрузки самоназвания “ромей”. После разделения христианства на православную и католическую церкви усилилось его конфессиональное значение: “ромей” стал синонимом “православный”. Со временем это самоназвание стало наполняться помимо религиозного еще и этническим содержанием. “Ромей” воспринимался уже и как синоним “гре-

ка", но не грека-язычника, поклоняющегося олимпийским богам, а грека, исповедующего православие.

Динамику численности христианского населения Крыма после османского завоевания можно пронаблюдать по двум переписям населения, проведенным в 1512 – 1520 и 1542/43 гг. Согласно этим документам, население города Кефе было достаточно пестрым: в начале века мусуль-

манская община составляла 34%, армяне – 44%, греки – 15%, однако в селах санджака греческое население было преобладающим. Через 20 лет, число греческих семей уменьшилось на 5%, а число мусульманских семей увеличилось на 15%. В другой части полуострова, в с. Кадыкой (Нихора) численность дворов христиан уменьшилась с 40 до 27. В то же время, мусульманская община за этот же 20-летний период выросла с 16 семей и 4-х холостых до 80 семей и 16 холостых. В соседней

Традиционный женский костюм средневековых крымских греков (фото 1870-х гг., Мариупольский уезд. Из фондов Крымского республиканского краеведческого музея)

Карани из 7 переписанных мусульман — жителей села — два были новообращенцами (их называли “сыновья Абдаллаха”). Все это свидетельствует как о миграциях, происходивших в пределах Османской империи, так и о явлениях культурной ассимиляции, выражавшейся в смене религии и языка. Причем не всегда этот процесс был насильственным и сопровождался кровью. Чаще всего основными причинами смены языка и исламизации была осознанная необходимость, стремление адаптироваться в новых политических условиях, сужение сферы употребления родного языка, значительные материальные выгоды: налогообложение мусульман было гораздо меньше. Стоит отметить, что утрата родного языка (языковая ассимиляция) не влекла за собой потерю этнической идентичности, в то же время, смена религии означала переход в другую конфессиональную общность, что в средневековье было равнознач-

Традиционный мужской костюм средневековых крымских греков (фото 1870-х гг., Мариупольский уезд. Из фондов Крымского республиканского краеведческого музея)

но смене также и этнической идентификации (этнической ассимиляции). Так, например, утратившие родной язык греки не переставали называть себя греками, хотя по-татарски самоназвание “румей” уже звучало как “урум”. В то же время, грек, владеющий языком своей национальности, но принявший ислам, становился прихожанином мечети и, соответственно, полноправным членом турецкой или крымскотатарской общины.

Вообще процессы языковой ассимиляции активно происходили на полуострове еще с “дофеодоритского” периода истории крымских христиан. С возникновением в Юго-Западном Крыму Бахчисарая, ставшего политическим и культурным центром Крымского ханства, влияние тюркского языка в этом регионе значительно возросло, и он постепенно вытеснил греческий язык как средство межнационального общения на полуострове. После вхождения Южного Крыма в состав Османской империи постепенно начал увеличиваться приток турок, а с севера — крымских татар, которые селились вместе с греками, составляя этнически смешанные сёла. Вследствие сужения сферы употребления греческого языка христианское население Юго-Западного Крыма, а также греки-горожане от двуязычия (кроме греческого или готского языка крымские христиане также говорили и на тюркских диалектах) перешло полностью на крымскотатарский язык. Показателем этого явления можно считать исчезновение на рубеже XVI – XVII вв. надписей на греческом языке. Так, в д. Шуры последние надписи, сделанные на стенах церкви и надгробной плите (кстати, крайне безграмотные и небрежные), относятся к 1594 г. и 1622 г.; в Бия-Сале — к 1588 г. Представляет интерес и появление на карте Крыма смешанных топонимов (Биюк-Ламбат, Кучук Ламбат), а также перевод греческих названий на татарский язык (Мега-Потам — Улу-Узень, Милар — Дегермен) или их замена (Нихора — Кады-кой, Фуна — Демерджи). Еще одним свидетельством является распространение у гре-

ков тюркских (но не теофорных мусульманских!) имен и прозвищ, например в XVII в. в книге судебных решений Мангупского кадылыка фиксировались имена: Тимурка, сын Гавриила; Алагёз, сын Константина; Арслан, сын Христула (с. Богатырь); Никола, сын Арслана; Мамут, сын Константина (с. Ени-Сала), Тимур, сын Дмитрия; Александр, сын Шери; Аман сын Мануила (с. Шуры). Таким образом, в период Крымского ханства произошла языковая ассимиляция греков Юго-Западного Крыма, выразившаяся в утрате родного языка и переходе на тюркские диалекты. По-тюркски они стали произносить христианские молитвы, а их священники — вести службы и проповеди. В церковно-приходских школах детей начали учить писать греческими буквами слова разговорного тюркского языка, который для них уже стал родным. Например, текст известной молитвы “Отче наш” в устах тюркоязычного грека звучал так: “Бизим бабамыз кыклерде отуран, исмин азизленсин, падышахлыгын кельсин, кык йузунде эмрин не турлу исе, ве йер йузунде де бийледже олсун. Кунделик цкегемиззи бггун бизе вер. Бизим борчларымызы аф эйле, насыл биз де борчлу оланарымызы аф этериз. Ве бизлери эзийет ичинде брахма, лякин бизлери йаман шейтан дан сахлайып хутар”.

Греки, утратившие свой язык и перешедшие на крымскотатарский (они составляли больше половины от общего количества), были “не одиноки” как в Крыму, так и в масштабе всей Османской империи. Почти одновременно с ними языковой ассимиляции подверглись часть крымских армян, крымские цыгане, крымчаки и другие. Не случайно фольклор всех этих народов, разных по этническому происхождению и конфессиональной принадлежности, обнаруживает столько общих черт и имеет прямые аналогии в крымскотатарском и турецком фольклоре. Поразительно, что до сих пор тюркский язык (урумский или “греко-татарский” — как его в общении с русскими соседями называют сами греки или некоторые исследова-

тели) живет в селах Северного Приазовья, сохранившись в том виде, в каком “вынесли” его из Крыма средневековые греки, на нем и сегодня поют песни, пишут великолепные стихи.

Следует отметить, что тесным этническим контактам в Крыму способствовала также веротерпимость. Она приводила к многочисленным смешанным бракам, которые, несомненно, развивали интеграционные процессы на полуострове. Например, в уже упомянутых судебных книгах XVII в. приводятся такие факты: мусульманка Фатма из с. Богатырь, дочь Гавриила, просила, чтобы из ее дома христиане вынесли крест, оставшийся после отца, и этот крест был перенесен в дом христианки Вении, дочери Мухаммеда, жены христианина Балабана. В другом случае, христианка Иниша усыновила татарского ребенка и оставила ему все свое имущество. Принадлежность членов одной семьи к разным конфессиям также не была исключением: в с. Ай-Георги христианин Бийгельди, сын Бийберди, судился с женой своего брата, мусульманкой Хангельди, дочерью Трандафила; из родных братьев Сеита, Магомета, Топа и Бебия первые два были мусульманами, а два вторые — христианами; Джантемир, сын Дмитрия, был христианин, а сестра его Сайме — мусульманка, у мусульманина Мустафы жена Десфина и дочь их Феодора были христианками.

Процессы этногенеза и межэтническая интеграция, происходившая в Крыму в XVI – XVIII вв., нашли свое отражение в комплексе традиционной одежды греков. Нательная плечевая одежда греков — рубаша туникообразного покроя «кампус» — ведет свое происхождение от традиционной одежды греков византийской эпохи. Наличие в мужской рубаше широкого подола исследователи считают отголоском распространенной на Балканах фустанеллы. Покрой поясной нательной одежды — мужских штанов и женских шаровар — свидетельствует о влиянии малоазийских традиций. В целом, комплекс традицион-

ной женской одежды с шароварами и халатом, способы ношения головных уборов (платка “баш явлух” и полотенцеобразной “марама” или “перифтара”), аксессуары и украшения говорят о проникновении в греческую культуру традиций народов Крыма: крымских татар, армян, караимов и других.

Накануне своего переселения из Крыма греки проживали в более чем 80-ти населенных пунктах в горах и на южном берегу, четверть из них была горожанами. Большинство городского населения промышляло ремеслом, и лишь шестая часть греков занималась торговлей. Основными занятиями сельских жителей были отгонно-пастбищное скотоводство, земледелие (выращивали рожь, просо, пшеницу, ячмень, лен); на южном берегу греки специализировались на садоводстве, виноградарстве, овощеводстве, рыболовстве. Ханская перепись недвижимого имущества, оставленного на полуострове при переселении в Приазовье, подтверждает относительное материальное благополучие основной массы крымских греков, а также свидетельствует о совместной хозяйственной деятельности представителей различных конфессий и даже священнослужителей.

Переселение греков и армян из Крымского ханства в пределы Азовской губернии можно назвать “вынужденной эмиграцией” (но не “депортацией”!), инициированной П. Румянцевым-Задунайским, который считал, что в силу политических и экономических реалий того времени она будет очень выгодна для Российской империи. Среди причин переселения, вдохновивших организаторов этой акции, выделяются следующие: 1) необходимость освоения южных земель, присоединенных к Российской империи по условиям Кючук-Кайнарджийского мира, 2) желание ослабить экономику Крыма и постепенно подготовить присоединение полуострова к России 3) “спасение христиан от притеснений мусульман и возможной мести за помощь русским в прошедшей войне”. Последнее об-

стоятельство должно было получить всемирный резонанс, в конечном итоге продемонстрировать верность постулату «Москва — Третий Рим» и способствовать осуществлению «Греческого проекта» Екатерины Великой.

Мариупольская гречанка
в традиционном головном уборе
(1920-е гг.,
фото из фондов Мариупольского
краеведческого музея)

свое имущество, под надзором войск, которыми руководил А. В. Суворов, греки разными путями со скотом и самыми необходимыми вещами (на 2 семьи выделялась только одна арба), выходили из Крыма. В сентябре генералиссимус рапортовал, что 18395 греков, а с ними 12598 армян, валахи и грузины покинули полуостров. К исходу 1779 г. переселенцы основали в устье р. Кальмиус г. Мариуполь (на месте г. Павловска) и 19 сёл в его округе, которым дали крымские названия — Ялта, Карань, Ласпи, Мангуш, Сартана, Старый Крым и другие.

И сейчас в Донецкой области потомки переселенцев (более 75 000 человек) бережно хранят свои языки, тра-

диции и культуру, сформировавшиеся на Крымском полуострове. И сейчас в архитектуре и интерьере их жилищ, в их рукоделии, в их кухне, в их обычаях и обрядах, в их музыке, танцах и песнях прослеживаются традиции многовековой материальной и духовной культуры, сформировавшейся в Крыму. Так, мариупольские греки своим национальным кушаньем считают чебуреки, кубэтэ, национальными танцами — Хайтарму и Ярым-Аву, национальными инструментами — даул, зурну, кемендже. Потомками крымских греков являлись художник А. И. Куинджи, историк Ф. А. Хартахай, ученый К. Ф. Челпанов, искусствовед Д. Айналов, поэт Г. А. Костоправ, известная трактористка П. Н. Ангелина, испытатель авиатехники Г. Я. Бахчиванджи, полярник И. Д. Папанин, бывший мэр Москвы Г. Х. Попов и многие другие известные деятели.

16 июня 1778 г. представители крымских христиан подписали постановление о добровольном переселении в Россию. На принятие этого решения повлияли обещания выделить в пределах Российской империи на каждую ревизскую душу (то есть на каждого члена семьи мужского пола) по 30 десятин земли, что значительно превышало размеры земельных владений самых богатых семей греков в Крыму. Распродав

Таким образом, в формировании средневекового греческого этноса на первом этапе принимали участие потомки античных греков и эллинизированного "варварского" населения, аланы, готы, представители некоторых тюркоязычных племен, среди которых определено выделяют только праболгар, половцев и малоазийских тюрок. Позже в их этногенезе участвовали также немногочисленные этнические татары, греки из Османской империи (переселенцы XV — XVIII вв. из Синопа, Трапезунда, Константинополя, островов Эгейского моря), славянское население. Почти полторы тысячи лет понадобилось крымским христианам, чтобы осознать свое единство и наполнить самоназвание "румей" не только конфессиональным, но и этническим содержанием. Интенсивные межэтнические контакты и сужение сферы употребления греческого языка в Юго-Западном Крыму и в городах Крыма привели часть крымских ромеев к утрате родного языка. Таким образом, "урумы" — это греки, подвергшиеся языковой ассимиляции, а не "крещенные татары", как пишут некоторые исследователи.

И сейчас в Донецкой области потомки переселенцев (более 75 000 человек) бережно хранят свои языки, тра-

Некоторые ученые считают потомков крымских христиан особой этнической общностью, родиной которой является Крым. Здесь у греков сформировался своеобразный язык, уникальный комплекс материальной и духовной культуры, который имеет прямые аналогии в культурах других народов Крыма, и заметно отличается от других этнографических групп греческого этноса.

После переселения в Приазовье часть греков смогла вернуться на родину — это были купцы, ремесленники, моряки, рыбаки, которые стали ядром формирования новой общины крымских греков и обеспечили преемственность традиций средневековой греческой культуры полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

Араджиони М. А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII — 90-е гг. XX вв.). — Симферополь, 1999.

Араджиони М. А. Возвращение в Крым старожильческого христианского населения после 1778 г. // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. 8. — Симферополь, 2001.

Гаркавец О. Уруми Надазов'я // Східний Світ. — 1993. — №2.

Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. — Симферополь, 2000.

Культурно-бытовые процессы на юге Украины. — М., 1979.

Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. — Киев, 1975.

АРМЯНЕ

М. А. Араджиони

Крымский полуостров неоднократно становился временным пристанищем или домом для многих племен и народов. Но не многие смогли оставить заметный след в его истории. И уж не всякий народ может похвастаться, что его именем назван город. Вы наверное догадались, что речь идет об армянах, основавших когда-то в Северном Крыму Армянский базар — нынешний г. Армянск. Эта община сегодня по численности занимает шестое место. Когда же армяне впервые появились в Крыму и как сложилась их судьба?

Первый период истории армян в Крыму: начало формирования общины (XI — XIII вв.). Первые свидетельства о пребывании армян в Крыму относятся ко времени византийского присутствия на полуострове. Отдельные представители этого народа, в основном купцы и ремесленники, проживали в городах Таврики, а один из патрициев — Вардан, находившийся в VIII в. в Херсонесе, впоследствии даже стал императором Восточно-Римской империи. Однако организованная армянская община начала складываться на полуострове лишь в XI — XIII вв. В этот период, по всей видимости, усилился приток армян из Византийской империи, куда они переселялись в VII — XI вв., спасаясь от нашествия на Армению арабов и тюрок-сельджуков. Свидетельством присутствия армян в Крыму в начале прошлого тысячелетия являются надписи на надмогильных памятниках, мраморных мемориальных досках, которые вмуровывались в стены храмов, а также данные письменных источников. Так, например, на полях Синаксаря — одной из книг гречес-

кого монастыря в Сугдее — встречаются пометки о споре, произошедшем в 1292 г. между армянами и греками города о дате празднования Пасхи, а также упоминаются жители Давид, сын Смбата, Самат, сын Ефрема и другие. На основании имеющихся данных можно говорить, что небольшая группа армян в этот период проживала в Солхате (Старом Крыму), но наиболее многочисленная и сильная община находилась в Каффе. Ученые считают, что армяне жили в этом городе еще до прихода генуэзцев, поскольку в цитадели Каффы была церковь св. Саркиса, а в городском Уставе 1316 г. упоминается “водопровод епископа армян”. Здесь же, в городе, в 1305 г. по заказу архимандрита Аветика были созданы две рукописи для построенных на средства прихожан храма св. Троицы и церкви Богородицы в монастыре Гамджак. Считается, что в XIII в. постоянное армянское население проживало и в Херсонесе.

Армянские купцы издавна занимались торговлей на берегах Черного моря и неудивительно, что их колонии существовали в приморских городах Крыма. То, что именно в Каффе начала формироваться сильная купеческая община, не было простой случайностью. Поясним ситуацию, которая сложилась в этот период на полуострове. В 1261 г. император Михаил Палеолог даровал генуэзцам (в благодарность за их помощь в восстановлении Византии) право торговать в Причерноморском регионе. Так началась генуэзская колонизация Крыма. Юго-восточная часть полуострова в этот период формально подчинялась Золотой Орде, но была передана на условиях налогообложения Генуэзской республике. После падения в 1291 г. последнего оплота крестоносцев г. Акры, Каффа — “столица” генуэзских владений в Крыму — стала “ключом” к Востоку — шелку, пряностям, фарфору; через нее стал проходить Великий шелковый путь. Являясь, наряду с генуэзскими купцами, торговыми посредниками между Востоком и Западом, армянские коммерсанты охотно стали

селиться в Каффе. Здесь, находясь на перекрестке Великого шелкового пути, они развили не только местную, но и транзитную торговлю вплоть до берегов Балтийского и Северного морей.

Считается, что именно армяне — выходцы из Крыма — были в числе первых жителей города, основанного князем Галицко-Волынского княжества Львом. Хотя первыми в г. Львов пришли не купцы, а армяне-воины. Вот как описывают это событие древние историки: “Татары во время своего набега выгнали армян с их давних поселений и они сперва обитали между простым народом, на низкой службе, а потом были включены в войско, получив некоторые права у татар... Даже несколько свыкшись с татарами, они пренебрегали ими... Будучи христианами... они охотно перешли на военную службу ко Льву”. Так в 1270 г. во Львове появилась колония “армянских азиатских воинов, пользовавшихся оружием, одеждой и языком татар”. Связи крымских купцов-армян с соотечественниками из Львова крепились год от года. Начиная с XIV в. городские книги изобилуют записями о совершенных торговых сделках и свидетельствуют об интенсивных контактах, миграциях и родственных связях представителей этих двух общин. Грамотой 1356 г. армянам города были даны привилегии собственного судопроизводства “по их законам”. Книги этого суда были написаны армянскими буквами, но на тюркском языке. Этим же языком армяне пользовались и в повседневной жизни, на родном языке велись лишь богослужения. На так называемом “армяно-кыпчакском языке” (тюркский в основе, он включал в себя также грецизмы, славянизмы, арменизмы, германизмы и так далее) создавались документы и литературные произведения во многих торгово-ремесленных колониях на Западной Украине и в Крыму.

Что же случилось с армянами — почему они заговорили на тюркском языке? Этот вопрос уже много лет занимает ученых, тем более, что в их распоряжении на-

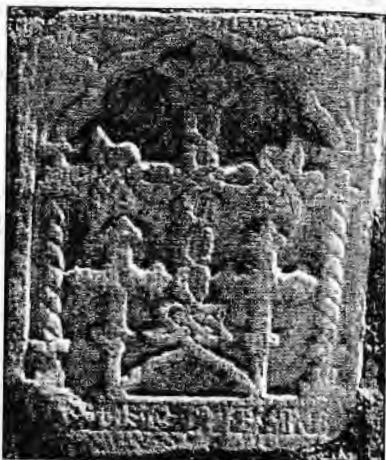
ходится уникальный документ, получивший у специалистов название “Кодекс Куманикус” — пособие для переводчиков, разговорник, облегчавший латинянам общение с тюрко- и ираноязычным населением в генуэзских колониях, созданный, по-видимому, в Венеции в самом конце XIII в. или в 1303 – 1330 гг. в Каффе — Солхате. В нем зафиксирован живой разговорный язык причерноморских городов XIV в., который некоторые исследователи отождествляют с “армяно-кыпчакским языком”. Изучая его, ученые-лингвисты даже предположили, что речь идет не об этнических армянах, а о тюрках-половцах, которые, придя на полуостров язычниками, христианизировались и стали прихожанами армянских церквей — “григорианами” или “монофизитами”. Поясним эти термины. Христианство в Армении было объявлено официальной религией в 301 г. По имени первого армянского католикоса и распространителя христианства Григора Просветителя церковь названа “григорианской”. В догматическом и культовом отношениях она близка к православию, но является последовательницей учения “монофизитов”: григорианская церковь считает Христа только богом, а не богом и человеком. После Халкидонского Вселенского собора 451 г., где было осуждено монофизитство и признано “ересь”, Армянская церковь стала самостоятельной.

Приведенная выше точка зрения о половцах-григорианах или “арменизированных половцах” вскоре была опровергнута целым рядом серьезных источниковедческих и лингвистических исследований. Не исключая возможности существования межэтнических браков и появления отдельных неофитов-григориан из среды тюрков, они доказали, что с немногочисленными армянами, проживавшими в городах Восточного Крыма в XI – XIII вв. происходили те же процессы языковой ассимиляции, что и с греками-земледельцами Юго-Западного Крыма тремя веками позже. То есть, численно преобладавшее тюркоя-

зычное население (потомки протобулгар, хазар, печенегов, а также вновь пришлые половцы, тюрки-сельджуки и монголо-татары) предопределило развитие двуязычия в этом регионе. Тюркский язык постепенно вытеснил греческий и стал средством межэтнической коммуникации. Для успешной торговли и при частых бытовых или профессиональных контактах знание языка численно преобладающего или политически господствующего народа жизненно необходимо. Постепенно, в результате сужения сферы употребления родного языка, — по сути на нем разговаривали только в семье, — часть армян полностью перешла на тюркский язык (его “кыпчакский” вариант, как определяют исследователи, хотя сами носители именovali его “татар тили”), часть осталась двуязычна. Этот процесс происходил в течение почти двух столетий, когда сменилось несколько поколений крымских армян. Стоит ли удивляться, что часть населения за это время утратила родной язык — ведь все мы являемся свидетелями, как русский язык в течение прошлого столетия стал родным для миллионов людей. Некоторые из нас уже в третьем-четвертом поколении не знают родного языка своих бабушек и дедушек, хотя при этом не перестают чувствовать себя армянами, греками, болгарями, казахами, татарами, немцами, украинцами. Интересен и тот факт, что “армяно-кыпчакский язык”, сформировавшийся в Причерноморье, употреблялся в основном в городской среде, где наблюдалась высокая интенсивность межэтнических контактов. Но с течением времени армяне, переселившиеся из Крыма на Западную Украину, стали “забывать” кыпчакский язык, так как вокруг в основном проживало славянское население. Остается непреложным факт, что уже после 1681 г. “армяно-кыпчакский язык” не фиксируется в письменных источниках.

Таким образом, армяне, приезжавшие в Крым из Константинополя, Синопа, Трапезунда и других городов по торгово-ремесленным делам и осевшие в Солхате, Судак

и Каффе, подверглись тюркизации и некоторые из них полностью утратили родной язык. Нельзя отрицать, что на этом этапе в общины армян-григориан могли влиться этнические тюрки, принявшие христианство, однако нет достоверных сведений о массовой христианизации половцев или татар в Крыму, скорее всего, это были единичные случаи. Армянские общины в этот период уже имели ряд церквей и монастыри. До XIV в. нам не встречались упоминания об общинах армян-земледельцев в Крыму. Горожане же занимались ремеслом (кузнечным, строительным, ювелирным и так далее), торговлей, в том числе транзитной; ростовщичеством; военным делом; известны армяне-переводчики при генуэзских властях. По-видимому, в этот период были налажены торговые пути на север через западно-украинские земли. Акты нотариальных контор Перы (Константинополь) и Каффы пестрели записями о торговой деятельности крымских армян в XIII в. В Каменец-Подольске, Холме, Львове и других городах оседали армяне — выходцы из Крыма, которые не порывали своей связи с родиной. Они становились торговыми агентами и обеспечивали постоянный обмен товарами между южным берегом Черного моря и Прибалтикой. Учитывая интенсивность контактов между представителями этих общин, а также наличие близких родственных связей и постоянные миграции армян-купцов и ремесленников, для воссоздания картины жизни армян Крыма в XI – XVIII вв. мы постоянно будем обращаться к документам, хранящимся за пределами полуострова.

Хачкар с армянской надписью в стене церкви св. Сергия (Саркиса), XIV в., г. Феодосия

Второй период: массовое переселение армян в Крым и период экономического подъема (XIV – XV вв.). Основной приток армянского населения в Крым все же связывают с XIV в. В 1330 г., по договору с генуэзскими властями, из Ак-Сарая в Каффу переселились нескольких тысяч армян, потомков беженцев из г. Ани. Свою родину, Армению, эти переселенцы покинули еще в 1262 г. Со временем армяне расселились в селах Восточного Крыма — Топти, Салы, Султан-салы, Камышлык (Хамшли), Бурундук-Отар, Орталан, Нахичеван, Бахчи-Эли и других. Часть армян-ремесленников и купцов осела в Балаклаве, Карасубазаре, Гезлеве. Они также составили большинство населения генуэзской Каффы: по переписи середины XV в., приводимой армянскими учеными, из 70 000 жителей 46 000 были армянами, при этом число итальянцев, постоянно живших на полуострове, не превышало 2000 человек. Поэтому накануне турецкого вторжения Восточный Крым в итальянских хрониках называли Морской Арменией (*“Armenian maritima”*). Хотя, надо отметить, что новейшие компьютерные методики, которые используются в настоящее время для обработки данных нотариальных записей генуэзской Каффы, дают другие цифры — на порядок меньше.

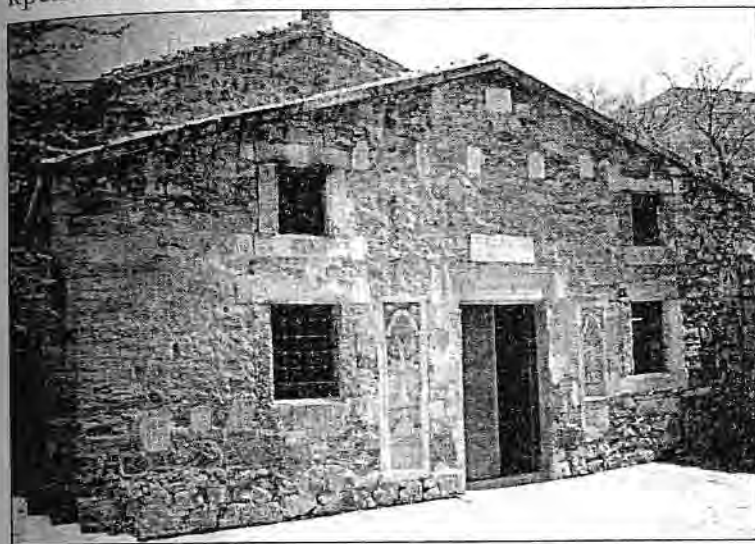
Итак, на рубеже XIV – XV вв. в городах и селениях полуострова уже функционировало около полусотни церквей и четыре монастыря. Крупнейшим культурно-религиозным центром становится Каффа. Строительство культовых сооружений здесь шло особенно интенсивно, но до наших дней дошли лишь некоторые из этих построек: церковь св. Сергия (XV в.), церковь арх. Михаила и Гавриила (1408 г.), церковь Иоанна Предтечи (1348 г.), церковь Иоанна Богослова (вероятно, XIV в) и другие. Центром религиозной жизни и летописания стал монастырь Сурб-Хач, основанный в 1358 г. в окрестностях Старого Крыма, в трех километрах от более раннего, разру-

шенного оползнем, монастыря св. Степаноса. Однако не все крымские армяне были григорианами.

Уже в конце XIII столетия среди армянских купцов Крыма начало распространяться католичество: в условиях генуэзского господства это сулило значительные материальные выгоды и привилегии. Активной миссионерской деятельностью в Каффе занимались монахи-доминиканцы. Изначально крымские католики относились к Пекинской епархии, а католическая миссия с 1311 г. находилась в Балаклаве. В 1318 г. поступило обращение папы Иоанна XXII к архиепископу Каффы по поводу учреждения для большой общины армян-католиков города специального епископства. Первым епископом был назначен францисканец Джироламо (по другим сведениям — Еронимий). В 1333 г. армяне-католики (доминиканцы) открыли в Каффе свой монастырь. В этот период епископ Тадеос перевел с латыни на армянский язык "Книгу толкования литургии". В середине XV в. в городе уже действовали три орденские обители, одна из которых была францисканской. Для того, чтобы сплотиться в борьбе против захватчиков, на церковном соборе в Сисе 1345 г. Армянская церковь признала унию с Римской католической, однако уже в 1361 г. этот союз был расторгнут. Вторично уния была принята на Флорентийском соборе в 1438 — 1439 гг. В нем приняли участие и крымские армяне: под унией подписались каффские архимандриты Саркис и Товмас. Принятие унии, а также тесные связи армян Крыма с западно-украинскими землями, находившимися под властью католической Польши, способствовали увеличению числа католиков. Каффа стала одним из центров подготовки католических миссионеров, отправлявшихся на Восток.

Армяне развернули активную строительную деятельность: в конце XIV в., а затем в середине XV в., на средства общины строилась вторая оборонительная стена, окружавшая цитадель Каффы. Она имела девять ворот и

готические башни, длина стены Айоц-берд ("Армянская крепость") была больше километра. В Крыму работало

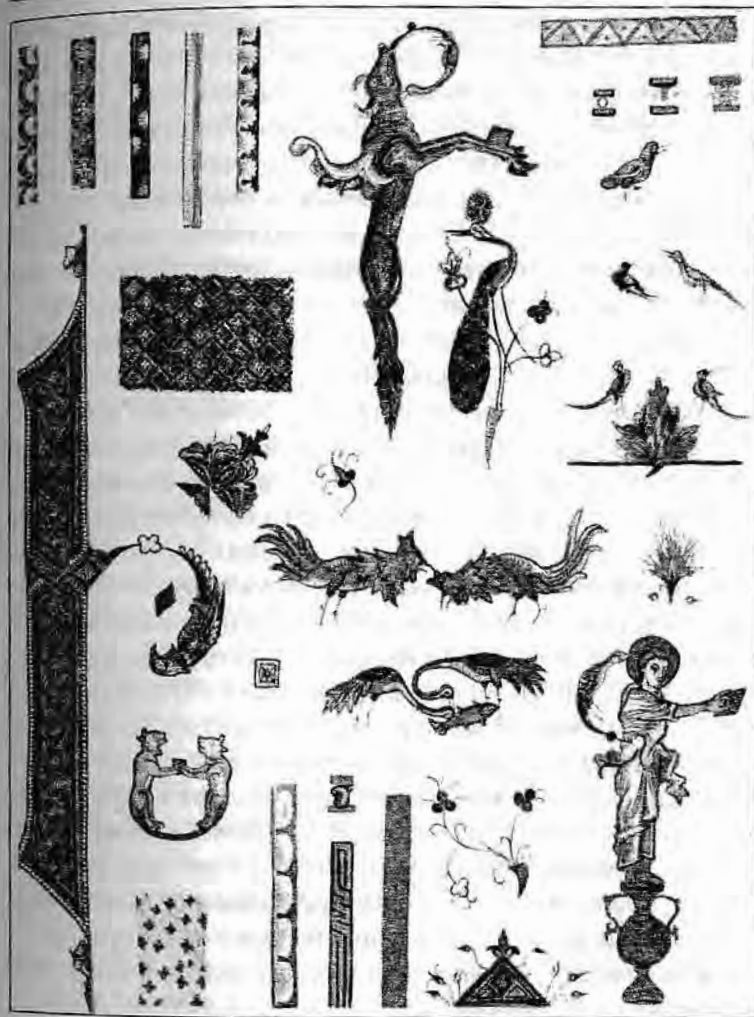
Общий вид фасада церкви св. Сергия (Саркиса), XIV в., г. Феодосия

много армян-ремесленников. Особенно прославились мастера, занимавшиеся выделкой кож, седельники, сапожники, ковроделы, кузнецы, котельщики, ножовщики, ювелиры, и, конечно же, каменщики: очень многие памятники христианского и мусульманского зодчества в Крыму возводились руками армян — строителей и резчиков по камню. Некоторые исследователи считают, что знаменитая "сельджукская плетенка", которая украшает фонтаны, церкви, мечети, надгробные памятники и мавзолеи является элементом декора, привнесенным в Крым армянами. Купцы занимались местной и транзитной торговлей: на Запад в основном шел шелк-сырец и изделия из него, восточные ткани и ковры, сафьян, пряности. Как торговая фактория в середине XV в. возник Армянский Базар, позже сформировалась армянская колония в Бахчисарае. Ремесло и торговля приносили значительный доход, что позволило общинам быстро окрепнуть. В ру-

кописи середины XV в. сообщается и о нескольких армянских банкирах Каффы. Следствием языковой ассимиляции армянских купцов, о которой речь шла выше, явились тюркские имена, которые встречаются в документах этого периода, например, Иолбей, Кутлубей, Хасбей и другие.

Несмотря на то, что армяне жили в тесном соседстве с татарами и генуэзцами, внутренняя жизнь в колониях регулировалась национальными обычаями и законами "Судебника" Мхитара Гоша. При общинных церквях существовали школы. В XV в. особенно известной была школа при монастыре св. Антона (возле Каффы): здесь в 1427 – 1428 гг. архимандрит Саркис преподавал философию Аристотеля и богословие. Учащиеся также изучали грамматику, арифметику, риторику, учились искусству миниатюры и переписывания рукописей. И им было на кого равняться: в этот период в Крыму работали переписчики и миниатюристы, чье мастерство не уступало лучшим мировым образцам: Григор Сукиасянц, Симеон, Антон, Христосатур, Тадеос Авраменц, Огсент и другие. Однако самой именитой династией переписчиков и миниатюристов была семья Натера. В рукописи 1718 г. Крым называется не иначе, как "домом Натеранцев, мудрых писцов". Вообще вклад переводчиков и переписчиков, работавших в Армении и за ее пределами, в национальную культуру настолько велик, что Армянская церковь причислила их к лику святых и каждый год в октябре торжественно празднует их память. 240 рукописей (70 из них были созданы в XIV – XV вв.) из Сурб-Хача, Каффы, Карасубазара сохранились до наших дней и находятся сейчас в специальном хранилище "Матенадаран" в Армении.

31 мая 1475 г. к Каффе подошла турецкая эскадра. Во время шестидневной осады и взятия города большое число его защитников погибло, несколько тысяч каффинских купцов и ремесленников (в основном армян) турки переселили в Константинополь, многие переехали к род-

Миниатюры из Евангелия 1329 г. (Крым). Каллиграфы Иерей Григор и дьякон Аваг, художник и переплетчик дьякон Аваг

ственникам в Каменец-Подольск, Львов, Киев и другие города.

Третий период: от османского завоевания (1475 г.) до выхода из Крыма (1778 г.). После 1475 г. местная община постепенно стала пополняться выходца-

ми из Малой Азии, армянскими купцами из Западной Украины — григорианами и униатами. В этот период униаты были единственными прихожанами католических храмов Крыма, поскольку генуэзская община прекратила свое существование. В 1704 г. в Бахчисарае при хане Газы-Гирее начал свою деятельность иезуитский орден. Здесь была основана иезуитская коллегия и получено разрешение на строительство небольшого храма. В это время существовали католические приходы в Карасубазаре, Эски-Крыме, Гезлеве: здесь иезуиты обращали в католичество преимущественно армян-христиан.

В начале XVI в. армяне все еще составляли большинство населения Каффы (44%), но восстановить былое могущество и численность уже не удалось, несмотря на то, что столетие спустя Крым опять стал убежищем для армян, спасавшихся от набегов джеяли. Вновь прибывшие армяне вливались в уже существующие сельские поселения и городские общины Крыма, хотя нельзя исключать каких-то локальных миграций на территории полуострова. Например, есть свидетельства XVII в. о том, что в с. Улаклы Бахчисарайского кадылыка существовала “эрмени-магале”, в этот же период возросла и окрепла бахчисарайская армянская община. Каффа стала столицей одноименного санжака (эялета) Османской империи и постепенно превращалась в “Кучук-Стамбул”. С притоком на Южный берег Крыма мусульман из Османской империи усилилась исламизация и тюркизация христианского населения региона, что особенно сильно ощущалось в городах.

Армяне — сельские жители (они составляли не более 10 — 15 % от общей численности армян Крыма) — занимались земледелием, отгонно-пастбищным скотоводством, шелководством, огородничеством, садоводством и виноградарством. В селах и городах проживали армяне-ремесленники: кожевники, ткачи, портные, вышивальщики, каменщики, кузнецы, столяры, гончары, пекари, оружей-

ники, войлочники, шапочники, лудильщики, седельщики, золотых и серебряных дел мастера, цирюльники, лекари. Многие из них одновременно и торговали своим товаром, причем не только на полуострове, но и за его пределами.

В армянских колониях Крыма культивировался интерес к естественным наукам, риторике, философии. Особый интерес представляют дошедшие до нас произведения (“тахы”) поэтов-певцов, творчество которых стимулировало развитие национальной культуры и языка. Оно стало широко известно за пределами полуострова, особенно “тахы” поэта Мартироса Кримери (ум. в 1683 г.). Стоит также упомянуть Симеона Кафаеци, сапожника, который писал около 1683 — 1686 г., Хаспек Ереца (Хачатура Кафаеци, 1610 — 1686), Хева Кафаеци, Григора Рабунапета, Степаноса и Нерсеса Кафаеци, а также крымских епископов, создававших “тахы” — Вардана Кафаеци (1615 — 1712) и Вртанеса Кафаеци (жил в Каффе в 1560 — 1570 гг.). Прославил свое имя также художник-миниатюрист, переплетчик, ювелир и каллиграф XVII в. Николаос Цахкарар, работавший в скриптории при армянской церкви св. Саркиса в Каффе, а позже (1691 г.) в Бахчисарае, где преподавал искусство каллиграфии и книжной миниатюры в школе при вновь открывшейся армянской церкви. Только в “Матенадаране” хранится 29 рукописей с его подписью.

Вероятно, в этот период на полуострове сформировался комплекс традиционного костюма армян Крыма. Его элементы описал известный исследователь Ерванд Шах-Азис, посетив в позапрошлом веке потомков средневековых крымских армян в Приазовье: “В городе уже совсем нет старинной женской накидки из атласа, которую надевали поверх платья, нет у девиц вышитых золотом “фесок”, нет украшенных жемчугом “хула” — поясов с серебряными застежками, нет “перчам-бахан”, “этеклу” — двух крестообразно сложенных золотых пластинок, что

прикреплялись к накидке, нет унизанного жемчугом ожерелья с крестом “герданлыка”, одевавшегося на шею, сохранился только “поши” — кусок шелковой материи, которым старухи искусно драпируют свои головы, прикрепляя его булавками и подбирая под него волосы... В деревнях обычную одежду составляет “капа” в виде подрясника, зимой на вате, меховая (барашковая) шапка, пояс шалью, нарядные наски и “армянские лапти” (видимо “чарыки”). Женщины обычно надевают простого покроя пеструю юбку “вари-ков”, верхнее платье “вериков” и передник; голову подвязывают платком или так называемой “поши”, опоясываются “хулой”. Девуцы на голову одевают не “поши”, но “феску” с золотыми украшениями, из-под фески спускаются и развеваются заплетенные по-армянски в мелкие косички волосы”. Таким образом, можно увидеть насколько много общих элементов имеет костюм крымских армян с одеждой крымских татар, греков, караимов, крымчаков. Многие детали схожи и по функциональному назначению, и по способу ношения, и по терминологии. Его “восточный” облик также является следствием интенсивных межэтнических контактов на полуострове, а также моды, существовавшей в Османской империи в XVIII в., следовать которой было престижно.

Накануне выселения из Крыма, в 70-х гг. XVIII в. армян насчитывалось более 12 тысяч человек. Продолжавшиеся после русско-турецкой войны 1768 – 1771 гг. военные столкновения, приобретающие зачастую религиозную окраску, и общая нестабильность на полуострове стали поводом для переселения крымских христиан в пределы Российской империи. Со стороны крымчан с этой инициативой выступил последний митрополит Готфийский и Кафайский Игнатий, хотя на самом деле автором проекта “выхода из Крыма” являлся П. А. Румянцев-Задунайский. Идея была активно поддержана Потемкиным и русским двором в Санкт-Петербурге. В результате

реализации этого проекта, кроме укрепления авторитета на международной арене как защитницы православия во всем мире, Российская империя получала более 30 000 новых подданных-христиан, причем половина из них были купцы и ремесленники, торговавшие по всему Черному морю, а другая часть — опытные земледельцы и скотоводы. Таким образом решался вопрос о заселении присоединенных к Российской империи южных земель, которые опустели в связи с уходом кочевых татар и упразднением Запорожской Сечи. К тому же, крымский хан Шагин-Гирей терял значительный источник дохода и оказывался в еще более зависимом положении от своих северных покровителей.

Выход христиан из Крыма произошел в июле – сентябре 1778 г. под руководством знаменитого русского полководца А. В. Суворова. Необходимо отметить, что это переселение было добровольным, хотя есть свидетельства о нежелании части христиан покидать полуостров и о большом давлении на них, оказанном представителями местного духовенства, которое получило большие “подарки” от российского двора, а также со стороны войск, расквартированных в Крыму. Вместе с греками (18 395 человек), грузинами (219 человек) и валахами (161 человек) полуостров покинули 12 598 армян. Из них 11 418 были горожанами и лишь 1180 — сельскими жителями. Армяне-католики (более 1000 человек) выселялись под предводительством патера Якова вместе с армянами-григорианами, но места для поселения им были назначены разные. Первые должны были поселиться у г. Екатеринослава. Григориане — купцы и ремесленники из Каффы, Старого Крыма, Карасубазара, Бахчисарая, Гезлёва — в 1779 г. у устья р. Дон образовали город г. Нор (Новый) Нахичеван и 5 сел, получивших крымские названия: Сала, Султан-Сала, Топти (от Топлы?), Чалтырь, Несвитай, и несколько позже часть горожан основала шестое село — Екатериновку.

Долго переселенцы не могли привыкнуть к новым ландшафтно-климатическим условиям и различными путями пытались вернуться на родину — в Крым. Эти настроения очень образно передают строки одной старинной песни донских армян:

*В балке Судака, по дороге в Чадри
Взрастил я бахчу — загляденье, смотри!
Как сахар плоды в избытке росли:
И сушка с хурмой, и россыпи слив,
И зрел виноград, алыча и кизил...
В Стамбул я вино кораблями возил.
Меня оторвали от Крымской земли,
В Нахичевань, как на грех, увезли.
Что делать! Я балку Салхын отыскал
И снова бахчу, как в Крыму, раскопал
Я потом и кровью ее оросил.
Семь лет урожая у бога просил.
Деревья росли, зашумели, как лес,
Плоды налились, урожай — до небес:
Тут вишня, черешня и слива черна,
И яблоки с грушей, и чаша полна.
Есть терн, абрикосы, растил алычу
И с виду красивые: ешь — не хочу!
Нет крымского вкуса у этих плодов —
Кислы и горьки, как чужбина — нет слов!
И крымской хурмы нет, сладкой, как мёд,
Айвы, мушмулы не отправишь ты в рот.
Не тот виноград на земле сей растет
И сердце по родине горько поёт
Я землю родную забыть не могу Разлука...
Её пожелать лишь врагу.
Живу я надеждой, что в Крым ворочусь:
Хотя бы даже только умереть.*

Перевод Г. Меликова.

Четвертый период: возвращение на родину и формирование новой общины армян Крыма (1778 – 1944 гг.). После ухода из Крыма в Приазовье (1778 г.) основной массы старожильского армянского населения полуострова, в Феодосии, Керчи и Ени-Кале осталось около 300 человек. Когда нормализовалась обстановка, в Крым начали возвращаться армяне, мигрировавшие в Османскую империю еще во время первой русско-турецкой войны, а также купцы и ремесленники из Нового Нахичевана. Возвращение последних (1779 – 1818 гг.) являлось незаконным и преследовалось. Лишь в 1811 г. более 2000 человек, переселившихся из Приазовья и де-факто проживавших в Крыму уже 20 – 30 лет, были признаны полноправными жителями полуострова.

В 1787 г. получили официальное разрешение вернуться из Екатеринослава в Крым армяне-католики. Общину дополнили также армяне-католики из Стамбула и Трапезунда. С 1790 г. для общины был основан и действовал (до 1870 г.) специальный орган местного самоуправления — Карасубазарский римско-католический суд. В середине XIX в. в Крыму находились следующие армяно-католические приходы: св. Григория (Карасубазар) — 1250 человек, Богородицы (Феодосия) — 100 человек, Богородицы (Евпатория) — 100 человек, часовни в Симферополе, Керчи, Перекопе — 140 человек. В 1862 г. армяне-католики из Польши и Галиции соорудили храм в Симферополе.

В 1789 г. ожил монастырь Сурб-Хач. На основании царской грамоты 1799 г. армянская община Старого Крыма, которую в основном составили армяне-старожилы (григориане), вернувшиеся из Нового Нахичевана, получила разрешение возобновить старые церкви, строить новые, свободно исповедовать свою религию. С 1808 по 1870 г. для них была создана и функционировала Старокрымская армянская городская ратуша — орган местного духовного и гражданского самоуправления. В первые десятилетия

организацией армянских поселений в Крыму и Приазовье и приходской жизнью занималось Нахичеванское духовное правление. В 1803 г. было учреждено местное Карасубазарское духовное правление как часть Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии с резиденцией в Кишиневе. Главой епархии являлся архимандрит Иосиф Аргутинский, который в немалой степени способствовал возрождению армянской общины полуострова.

Подводя итог сказанному можно сказать, что армянская община Крыма возникла в XI – XIV вв. Ее составили на первом этапе переселенцы из Византийской империи, купцы и ремесленники из Константинополя, Синопа, Трапезунда и других городов, а позже — беженцы из г. Ани. Не исключено, что в общину (до утверждения и распространения ислама в Крыму) влились и христианизированные тюрки, хотя это явление не было массовым. Община крымских армян была неоднородна по своему конфессиональному составу и языковой принадлежности: часть являлась приверженцами армянской церкви — “григорианства”, а другая — католиками. Часть общины подверглась языковой ассимиляции со стороны половцев, татар и турок, и утратила родной язык, остальные стали двуязычными. В основном армяне Крыма занимались ремеслом и торговлей. Несмотря на переселение в Приазовье, произошедшее в 1778 г., около 20 – 30% от общей численности прежней армянской общины вернулись обратно в Крым. Они стали ядром формирования новой общины армян полуострова, обеспечив преемственность традиций духовной и материальной культур, сложившихся здесь в период Крымского ханства.

Литература

Барашьян Е. В. Стариный песенный фольклор крымских армян. — Симферополь, 2003.

Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. — Симферополь, 1979.

Исторические связи и дружба украинского и армянского народов: Сборник материалов Второй украино-армянской научной сессии. — Киев, 1965.

Стоянов Г. Codex Cumanicus. История изучения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. X. — Симферополь, 2003.

“Сурб-Хач”. Журнал Крымского армянского общества. — 1996. — №1 – 3.

Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. — Ереван, 1990.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

А. Г. Герцен

Своим происхождением этноним “крымские татары” обязан определенным историческим обстоятельствам. Он восходит к политониму “татары”, распространявшемуся на все монгольско-тюркское население Золотой Орды. Первоначальным носителем данного этнонима было большое монгольское племя, расселявшееся в основном на территории Маньчжурии вдоль западной границы цзиньского Китая. В процессе борьбы за объединение монгольских племен под началом Темучина в начале XIII в. татары были практически полностью истреблены. Однако, этот этноним прочно укоренился в китайской традиции, в которой татарами именовались северные кочевники, принадлежавшие, на самом деле, к различным этносам. Поэтому нет оснований для упрощенного толкования данного этнонима и на его основе связывать этногенез татар Восточной Европы с древним монгольским населением нельзя. Тем не менее, в Западной Азии и в Европе укрепились традиции отождествлять как первую завоевательную волну 20-х гг., так и последующие походы второй половины 30-х — начала 40-х гг. XIII в. именно с татарами. Русские летописи обычно именовали монголов-завоевателей татарами. Древнее же их самоназвание — “могал”, сохранившееся в иранских языках как “могол”. Именно в этой форме запечатлел данный этноним путешественник Плано Крапини, в 1245 г. направленный папой Иннокентием IV в Монголию с целью проповеди там христианства.

В империи, созданной Чингисханом, были насильственно консолидированы племена и народы, находившиеся на

разных ступенях хозяйственной и социально-политической эволюции. В языковом отношении они в основном были представлены тремя крупными подразделениями: монгольской (монголы, кидани), тюркской (тюрки, уйгуры) и тунгусо-маньчжурской (тангуты, чжурчжэни) группами алтайской семьи и иранской (персы, таджики) группой индоевропейской семьи. Дошедшие до нас источники не сохранили сведений о существовании в этой среде какого-либо доминирующего языка коммуникации, однако, учитывая распространение тюркских языков в эпоху Тюркского и Уйгурского каганатов, постоянные контакты с мусульманскими купцами, можно полагать, что тюркские наречия были почти равноправны с монгольским языком, которым в то же время владели и все тюрки. Сам основатель империи говорил только по-монгольски.

Уже в понимании арабского летописца Ибн-аль-Асира татары отождествлялись с тюрками: “В этом году [617 г. хиджры = 1220/21 г. н. э.] в страны ислама явились татары, большое тюркское племя, места обитания которого горы Тамгаджские, около Китая; между ними и странами мусульманскими более 6 месяцев (пути)”.

В российской историографии с конца XVIII в. утвердилось представление о том, что после основания Батыем Золотой Орды (1236 г.) большая часть ее кочевого населения составляли пришедшие из Азии татары, находившиеся под предводительством монголов. Это породило искусственно сконструированный этноним “монголо-татары”, который широко используется и в современной научной и учебной литературе.

О широком бытовании тюркского языка в среде военачальников и рядовых воинов, участвовавших в первом походе на юг Восточной Европы, свидетельствует рассказ персидского летописца Рашид-ад-Дина о прорыве монголов через сильно укрепленный Дербентский проход между Каспийским морем и Кавказскими горами. Здесь, в конце 1222 г., опираясь на мощную крепость, приготовилось к

обороне объединенное войско алан и кипчаков (половцев). Не выиграв первого сражения, монголы решили расколоть союзников. Для этого были проведены секретные переговоры с кипчаками, которым внушалась мысль о родстве монголов и тюрков: "Мы и вы — один народ и из одного

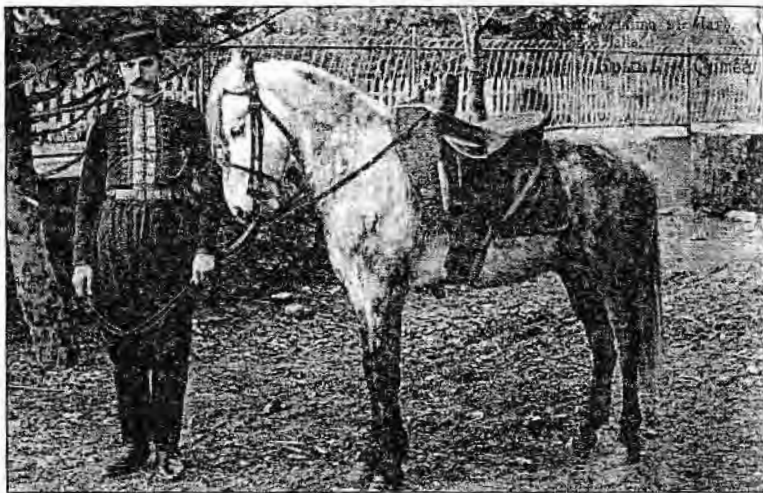

Бахчисарай. Продавец овечьего молока. 1930-е гг.

племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа пожелает, (только) предоставьте их [алан] нам". Этот примитивный психологический прием был эффективен во все времена, — и кипчаки ушли, оставив алан один на один с грозным противником, не замедлившим эффективно использовать свой дипломатический успех на поле сражения. Естественно, за этим последовало беспощадное избиение кипчаков-сепаратистов. Вырвавшись на оперативный простор северокавказских и причерноморских степей, монголы были неудержимы. Преследуя одну из крупнейших половецких орд, они ворвались в Таврику. Упомянувшийся выше современник этих событий Ибн-аль-Асир сообщает об этом так: "Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, то есть низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судаку; это город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Келиджарслана [Кылыч-Арслана]".

Это известие дополняется первым упоминанием о появлении татар в Таврике, содержащимся в сурожском синаксаре, в котором на протяжении XII — XIII вв. делались заметки хронографического содержания. Под 27 января 1223 г. сообщается: "в этот день впервые пришли татары, 6731 году". Синаксарь содержит еще несколько

упоминаний о татарских нападениях на Судак под 1238, 1299, 1322 1327 и 1338 гг., но они относятся уже ко времени существования Золотой Орды и отражают другую эпоху в этнической истории татар.

Южнобережный крымский татарин (фото начала XX в., фонды Крымского республиканского краеведческого музея)

Важные сведения, касающиеся этнокультурных процессов, протекавших в Таврике в этот период, сообщает византийский историк Пахимер (умер в 1310 г.). Он повествует об одном из самых опустошительных набегов на полуостров, осуществленном в конце XIII в. (1299 г.) эмиром Ногаем, под управлением которого находилась западная часть владений Золотой Орды. Причиной был конфликт с правившим законным ханом Тохтой. Ногай, рвавшийся к высшей власти в Орде, желал сам получать подати с населения Крыма. Далее Пахимер пишет о судьбе населения стран, завоеванных татарами: "С течением времени, смешавшись с ними [с татарами], народы, обитавшие внутри тех стран, я разумею: аланы, зикхи и готы, русские и различные с ними народы, научаются их обычаям, вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делаются их союзниками [в войне]". В этом перечне важно

указание готов и аланов, которые обитали в горных районах полуострова. Постепенно они начали перенимать татарские обычаи и культуру, что соответствует данным археологических и палеоэтнографических исследований.

Крымскотатарские дети (фото начала XX в., фонды Крымского республиканского краеведческого музея)

В формировании крымскотатарского этноса, несомненно, могли участвовать группы кочевников, в качестве побежденных ставших подданными золотоордынских ханов. Именно таким образом формировалась татарская общность, близкая к крымской, в Северо-Западном Причерноморье. Там происходила хорошо прослеженная на археологических материалах трансформация торческого, печенежского и половецкого населения, сопровождавшаяся потерей специфических этнических черт и размытием прежних этнических ареалов. Этот процесс начался еще в XIII в. и в основном завершился в XV в. Фактор, определявший его ход — улусная система Золотой Орды, представлявшая собой особый вид феодализма, выразительной чертой которой было сосуществование городов и степных кочевников.

Одним из существенных компонентов в формировании

подразделений золотоордынского этнического суперэтнуса явились кипчаки-половцы. Значительная часть их погибла при первом вторжении монголов в степи Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Во всяком случае, о массовой гибели команов в Таврике сообщает на основании сведений спутников из местных жителей монах-минорит Виллем Рубрук, проезжавший в 1253 г. из Судака к Перекопу. Однако, очевидно, что далеко не везде картина была таковой. В северо-западной части Причерноморья кипчакское население было адаптировано завоевателями. На основе его сформировался тюркоязычный этнос, известный с XIV в. как ногайцы. Этот этноним восходит к имени хана Ногая, седьмого сына Джучи. От отца он унаследовал земли между Днепром и Днестром. Укрепив здесь свое влияние, он начал распространять его и на другие улусы. В течение 30 лет Ногай вел борьбу за власть в Золотой Орде. Особенно ожесточенной она была с ханом Токтой, боровшимся за единство государства, созданного Батыем. В этой борьбе Ногай проиграл и был убит в 1300 г. Однако его авторитет был столь велик, что сформировавшееся к концу XIV в. на его землях Мангытское этнополитическое объединение, возглавленное Едигеем, стало называться Ногайской Ордой. Еще при жизни Ногая его подданные именовались "Ногайскими татарами". Этноним "ногайцы" появился в конце XIV в. при Едигее, который включил в объединение бывших улусных людей Ногая.

При преемниках Едигея термин "ногайцы" приобретает определенное значение, распространяясь на ряд родов, а именно: кипчак, канглы, кенегес, конграт, кирейт, кият, конклык, аргын, сун (уйсун), найман, тогучан, чублак и другие, входившие в состав Ногайской Орды.

В конце XV — начале XVI в. часть ногайцев переселяется на запад и в первой половине XVII в. в низовьях Южного Буга образуется Едисанская орда, а в низовьях Днестра и Дуная — Буджакская. В 50-х гг. XVI в. Ногайская Орда распадается на Большую и Малую. Часть Ма-

лых Ногаев, кочевавших в Присивашье и на Северном Кавказе, переходят в подданство крымского хана. Большая Ногайская орда в приволжских степях просуществовала до 30-х гг. XVII в., когда была вытеснена отсюда калмыками. Часть Больших ногаев ушла на Северный Кавказ, где влилась в состав Малых ногаев и также стала подданными крымского хана. В 1636 г. они были принуждены переселиться в Крым, но в 1642 г. большая часть орды ушла оттуда в подданство русскому царю. В 1517 г. этноним "ногайцы" впервые упоминается в европейской литературе, а в восточной — с конца XVI в. Самоназванием же их было "мангыт". Первоначально Мангыт — это отторченное монгольское племя, которое совместно с другим монгольским племенем кунгратов стало одним из компонентов позднейших ногайских племен. По свидетельствам путешественников, ногайские племена значительно отличались в этнокультурном отношении от крымских татар. Занимались они преимущественно коневодством и скотоводством. Летом кочевали в степи, а зимой обитали в полукочевых селениях, где были запасены фураж и топливо. Между ногайскими ордами и Крымским ханством нередко случались острые военные конфликты.

Значительный приток татарского золотоордынского населения на полуостров происходит в начале XVI в. Окончательно разгромив в 1502 г. Ших-Ахмата, последнего претендента на золотоордынский престол, Менгли-Гирей привел в Крым побежденные улусы, влившиеся в население Крымского ханства. Причем количество приведенных татар было столь значительным, что нашло отражение в местной этнонимии. Мартин Броневский писал: "Таврические или Херсонесские татары, которые теперь называются Перекопскими, или Крымскими, назывались в древности Яволгскими (то есть Заволжскими) и вышли, как видно из Скифских писателей, от берегов р. Ра или Волги. Те же писатели говорят, что этот народ, продвигаясь в степи между северными реками Доном и

Днепром, за 160 лет или более, вошел, наконец, в полуостров Таврический”.

В труде Броневского содержится также важное наблюдение, касающееся укоренения во второй половине XVI в. этнонима “крымские татары”. Повествуя о былом расцвете города Солхата-Крыма, автор отмечает, что “теперь татары от этого города называются Крымскими”.

Этнополитическое обособление крымских татар в условиях существования особого государства не осталось незамеченным для внешних наблюдателей. Джовио Паоло (Павел Иовий Новокомский), итальянский историк-гуманист, в сочинении о посольстве в 1523 г. великого московского князя Василия Ивановича к римскому папе Клименту VII (напечатано в 1537 г.) приводит краткое описание России. На основании сведений, полученных от своего переводчика, он писал о ее южных соседях: “В Европе, у Ахиллова Бега* в Херсонесе Таврическом живут Прекопиты, дочь государя которых взял себе в жены турецкий император Селим.** Они особенно враждуют с поляками и подвергают разграблению всю местность между Борисфеном и Танаидом.*** Как по религии, так и в прочем, они удивительно согласуются с Турками, которые в той же Тавриде владеют Лигурийской колонией**** Каффой, в древности называвшейся Феодосией. Те татары, которые заселяют обширные равнины в Азии между Танаидом и рекою Волгой, повинуются Московскому королю Василию и иногда по его усмотрению избирают себе императора.***** Между ними Крымские татары (Сремij) страдают от внутренних усобиц: раньше они были весьма сильны своим могуществом и воинскою славою, а

* Современное название — “Тендровская коса”.

** Султан Селим I (1512 – 1520).

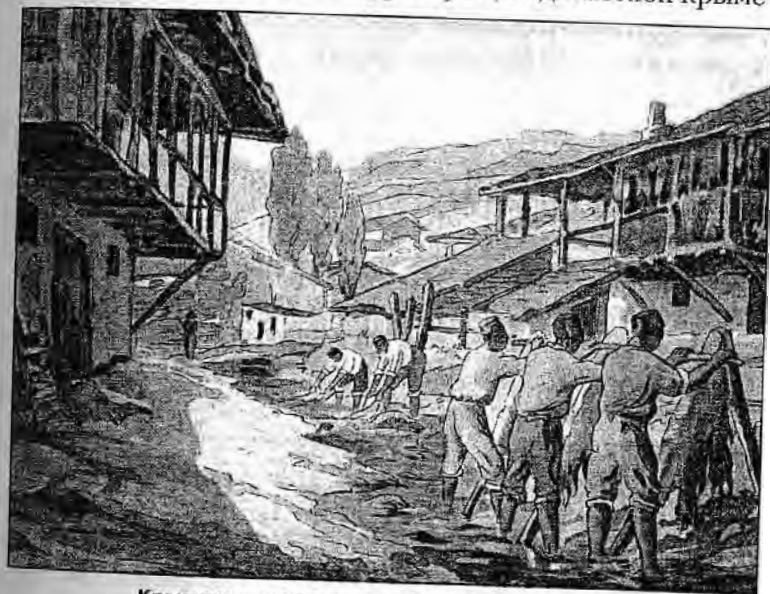
*** Автор использует названия рек Днепра и Дона, заимствованные у античных географов.

**** Лигурия — область в Северной Италии, административным центром которой являлась Генуя.

***** Вероятно, подразумеваются татары так называемого “Касимовского царства”, образованного во второй половине XV в. на Оке. Правители его были вассалами великого князя московского.

немного лет тому назад потеряли силу, равно как и всякое достоинство. За Волгою казанские татары...”.

Существенным моментом в процессе становления крымско-татарского этноса была адаптация местного христианского населения, весьма смешанного по своему составу и представленного различными конфессиональными группировками. Процесс этот особенно усилился в XVII в. Быстрее он протекал на территории, подвластной крымс-

Крымские татары, обрабатывающие кожи.
Бахчисарай, 1930-е гг.

ким ханам, и относительно медленнее на Южном берегу, названном Эвлией Челеби “страной татов”. Об этом свидетельствует отсутствие здесь ранних мусульманских памятников. Так, обследования, проводившиеся здесь в начале 30-х гг. XX в., выявили лишь несколько мечетей XVII – XVIII вв., не ранее. Татарские кладбища (Ай-Василь, Алушта, Гурзуф, Дегерменкой, Кореиз, Мисхор и другие) также не содержали надгробий с надписями до XVII – XVIII вв. Эти данные хорошо согласуются со сведениями Мартина Броневского от 1578 г., который, пере-

числеля податные этнические группы населения ханства, отмечал, что большинство греков-христиан проживает во владениях турецкого султана, то есть на территории бывших генуэзских колоний и княжества Феодоро. В результате, к 70-м гг. XVIII в. при выводе христиан из Крыма их насчитывалось едва более 30 тысяч. Многие из потомков перешедших в ислам крымских жителей еще в середине XIX в. помнили о своем происхождении. Приведем цитату из сочинения современника: "Еще в 1851 г. преосвященный Иннокентий писал в отчете Св. Синоду, что Крым наполнен магометанами, которые хотя и не враждебны к христианам, но мало обращаются к православной церкви как потому, что к обращению их не принимается никаких мер, так и потому, что им в житейском быту выгоднее быть магометанами, потому что по обращению в христианство они должны подвергаться рекрутскому набору, платежу больших податей и прочему."

Через год после включения Крыма в состав России была создана Таврическая область, куда вошли Крым, Тамань и земли к северу от Перекопа, ранее принадлежавшие Крымскому хану. Остальные кубанские земли были включены в Кавказскую губернию. В 1802 г. область была преобразована в губернию.

Следует отметить, что в первые годы после присоединения Крыма к России его население было значительно меньшим, нежели в первой половине XVIII в. К сожалению, точных статистических данных на этот счет пока не выявлено. По приблизительным подсчетам составителей "Камерального описания Крыма", в 1784 г. на полуострове насчитывалось немногим более 55 тысяч мужчин магометанского и иудейского вероисповедания, причем женщин среди татар было примерно в два раза больше, чем мужчин. В начале 90-х гг. XVIII в. начинается первая волна эмиграции крымских татар в Турцию, в основном представленная населением южного бережья, имевшим турецкое подданство. С этого времени царское правитель-

ство начинает осуществлять программу заселения приобретенных в Причерноморье территорий. Одним из первоначальных способов этого было заселение во вновь созданной Таврической области увольняемых солдат. Они снабжались провиантом, деньгами и амуницией и под командованием специально выделенных офицеров направлялись на место поселения. Так в 1784 г. сюда было направлено 511 нижних чинов, а в 1787 г. — 411. Для закрепления поселенцев на новом месте в Крым направляются партии женщин, в основном жен солдат, проходивших здесь службу. Так в 1786 г. было направлено 1497 женщин, крестьянок из центральных русских губерний.

Переселенцы образовали ряд новых деревень, существующих и поныне, например, в Симферопольском уезде: Петровское, Мазанка, Курцы, Мангуш, Зуя, Владимировка, Верхние Саблы и другие.

По договоренности с турецким правительством, в Таврическую область направлялись русские, проживавшие по различным причинам на территории Молдавии, тогда входившей в состав Османской империи. Отсюда прибыло 2353 человека. Были и выходцы из Польши, причем по этнической принадлежности это были в основном русские и украинцы. С 1787 г. было дано разрешение на переселение государственных крестьян, среди которых большинство прибывших в Таврическую область составляли старообрядцы. Все переселенцы освобождались на полтора года от уплаты податей и на три года от постоя войск.

Кроме этих источников пополнения людских ресурсов Таврии, сюда переводились помещичьи крестьяне, хозяева которых получали здесь обширные наделы за счет земель эмигрировавших татар. Однако этот процесс шел довольно медленно. Так, в 1793 г. в Крыму было всего 266 душ крепостных. Пожалуй, больше их прибывало сюда в качестве беглых в поисках вольной жизни, хотя эти надежды далеко не всегда оправдывались.

К концу XVIII в. переселенцы из российских губер-

ний составляли более 13% от всего населения Таврической области, причем большинство их проживало не в Крыму, а в Днепровском и Мелитопольском уездах. На полуострове же к этому времени проживало только 1583 переселенца мужского пола. Всего же с 1783 по 1854 г. в Таврическую губернию было переселено 45 702 душ, более 50% из них составляли государственные крестьяне — русские и украинцы.

С конца XVIII — начала XIX вв. в Таврическую губернию начинают прибывать иностранные колонисты: греки, принимавшие участие в войне России против Турции и вынужденные оставить свою родину, болгары, немцы, итальянцы и представители других народностей. До начала Крымской войны здесь было 8934 колониста, что составило 10,5% от числа всех переселенцев. Особенно большие масштабы приток переселенцев приобретает во второй половине XIX в. после массовой эмиграции крымских татар и ногайцев, последовавшей за окончанием Крымской войны.

ЛИТЕРАТУРА

Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. — Симферополь, 1993.

Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. — Симферополь, 1930.

Меметов А. М. Крымские татары: историко-лингвистический очерк. — Симферополь, 1993.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.

Смирнов В. Д. Крымское ханство. — СПб., 1887.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. — СПб, 1884; Т. 2 — М.; Л., 1941.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. — Симферополь, 1999.

КРЫМСКИЕ ЦЫГАНЕ

М. А. Араджиони

Наверное трудно найти человека, который никогда не слышал об этом народе. Не одну сотню лет цыгане живут рассеянными по всему миру, приспособляясь к окружающей их культурной среде, поэтому существует множество субэтнических и территориальных групп этого этноса. Одна из таких групп сложилась на полуострове в период Крымского ханства. 220 лет назад насчитывалось 723 семьи крымских цыган. В 1944 г. они подверглись депортации и сегодня старожильческое цыганское население почти невозможно встретить в Крыму: часть их ассимилировалась в среде крымских татар, часть расселилась на просторах бывшего СССР.

Большинство исследователей считает родиной цыган Индию. Их предки принадлежали к различным племенам — дом, лохары, канджары. Покинув свою родину, они начали мигрировать на запад. Постепенно большая группа переселенцев достигла пределов Византийской империи и осела на территории Малой Азии, Балкан, Юго-Восточной Европы. Предполагается, что именно здесь потомки выходцев из Индии смогли консолидироваться в некую общность, самоназванием которой стало “рома”. Этимологию этого этнонима некоторые исследователи связывают с “ромеос” — то есть жители (подданные) Римской империи. Окружающее население называло “рома” по-разному: “чингине”, “гюфт”, “хитанос”, “джипси” и так далее. В Российской империи прижилось название “цыгане”, а в Крымском ханстве их знали как “чингине”.

Не одно столетие ученые пытаются выяснить, когда цыгане переселились в Крым. Однозначного ответа на этот вопрос не дал никто. Вероятнее всего, они прибыли на полуостров из разных мест, в разное время, несколькими миграционными потоками. Об этом свидетельствует разница во внешнем облике крымских цыган, их деление на особые профессиональные группы и наличие локальных самоназваний. Считается, что наиболее ранняя волна переселенцев прибыла на полуостров из Средней Азии вместе с монголо-татарами. В. Кондараки записал у крымских цыган предание, в соответствии с которым раньше они жили в Закавказье и пришли в Крым через Тамань на огромных мажарах, запряженных верблюдами, под начальством особых предводителей “деведжилеров”. Поскольку в среде крымских цыган одна из групп называла себя “гурбетами”, “курбетам” или “туркменами”, высказывалось предположение о том, что, возможно, они переселились из южной Сирии, где существовала группа, также называющая себя “курбаттами”, или из Малой Азии. Большая часть мигрантов-“рома” прибыли на полуостров не ранее XV в. из Юго-Восточной Европы, в частности, с территории современных Румынии и Молдавии.

Современники отмечали, что крымские цыгане по внешнему облику, языку и образу жизни довольно резко отличались друг от друга и подразделялись на две большие группы: “гурбетов” или, как они сами себя называли, “туркмен” и собственно цыган, самоназвание которых было “рома”. В свою очередь, “рома”, исходя из профессиональной специализации, подразделялись на более мелкие группы: а) “аюджи” (“медвежатники” — вожаки медведей); б) “элекчи” (ситочники); в) “демерджи” (кузнецы); г) “халайджи” (лудильщики); д) “кумышчи” (золотых и серебряных дел мастера); е) “даулджи” (музыканты). Иногда ремесленников — элекчи, демерджи, халайджи и кумышчи — татары называли “усталар” — “мастера” и особо выделяли среди других цыган. Показательно, что

занятия крымских “рома” совпадали с основными занятиями цыган, живущих в Бессарабии и Молдавии: аюджи, демерджи, халайджи соответствовали “урсалам”, а элекчи, даулджи — “лингерам” и “ватрасам”.

Внешний облик “аюджи” исследователи описывали как довольно непривлекательный, с грубыми чертами лица, сильно развитым третичным волосным покровом тела; “элекчи”, на взгляд европейца, выглядели более благообразно; “гурбетты” были “длиннолицы, коротколобы, с продолговатым черепом, очень крикливы”. Нетерпимость этих групп цыган друг к другу выражалась в том, что они не вступали в брачные союзы с членами другой профессиональной группы. Особенно сторонились друг друга элекчи и аюджи, демерджи и гурбетты.

“Гурбетты”. Происхождение этой группы и самоназвания довольно туманны. В. Филоненко отмечал, что называя себя “туркменами” (как объясняли сами гурбетты, “турк мен” — “турок я”), они хотели подчеркнуть свое турецкое происхождение, связь с какими-то турецкими племенами. Отсюда их стремление слиться с татарами. Хотя сами татары довольно пренебрежительно относились к гурбетам и к цыганам вообще. Они называли их “чингене”, а при брани — “фрауни”, и, несмотря на общую религию — ислам, не позволяли цыганам хоронить своих покойников на общих мусульманских кладбищах.

Гурбетты в основном были или извозчиками, или торговцами лошадьми. Некоторые называли себя также “караманам” то есть наездниками-богатырями. До присоединения Крыма к России они в основном проживали в районе Карасубазара и Перекопа. Позже часть из них поселилась в Симферополе и Армянском базаре. Считалось, что перекопские гурбетты одни из самых известных и богатых торговцев лошадьми в Крыму. Состояние некоторых из них в XIX в. оценивалось в 20 000 рублей серебром. Они закупали значительные партии лошадей на Дону и на ярмарках в Днепровском, Бердянском и Мелитс-

польском уездах, сбывая потом этот товар в Балте и Бердичеве. Симферопольские гурбеты также торговали лошадьми, но с меньшим размахом, работали менялами. С течением времени, специализация гурбетов несколько изменилась. В начале XX в. они, по преимуществу, были ломовыми извозчиками, носильщиками, старьевщиками. Проживали гурбеты в Симферополе, в так называемой цыганской слободке, но главным образом в Карасубазаре, Перекопе, Армянске, отчасти в Севастополе и Евпатории.

Современник так описывал жилища гурбетов: "Кварталы эти [в цыганской слободке] не похожи на наши улицы. Прimitивностью и беспорядочностью своих построек они скорее напоминают цыганские таборы. И действительно, маленькие, беленькие домики цыган раскинуты как попало. Иногда несколько домиков выстроены в одну сплошную линию, а пространство между ними и другими домами служит открытым двором, где и проходит жизнь шумной, беспечной и экспансивной цыганской семьи. Домики цыганские небольшие, всего в одну комнату, размером 3 x 3 м, без кухни, сеней и каких-либо других пристроек. Внутри пусто, нет никакой обстановки. Часто нет даже очага. Очаг выносится наружу и устраивается перед дверью дома на особой площадке, называемой "топчан". Для защиты от ветра с одной стороны площадки устраивается небольшая глиняная стена. Одно окно освещает комнату. Ниша в стене — шкаф для постелей и вещей. Потолок не всегда бывает. Чаше двускатная крыша лежит прямо на стропилах, которые упираются своими концами в поперечные брусья, положенные на переднюю и заднюю стены дома. На этих брусьях иногда стоит кухонная посуда. Пол земляной, устлан он циновками".

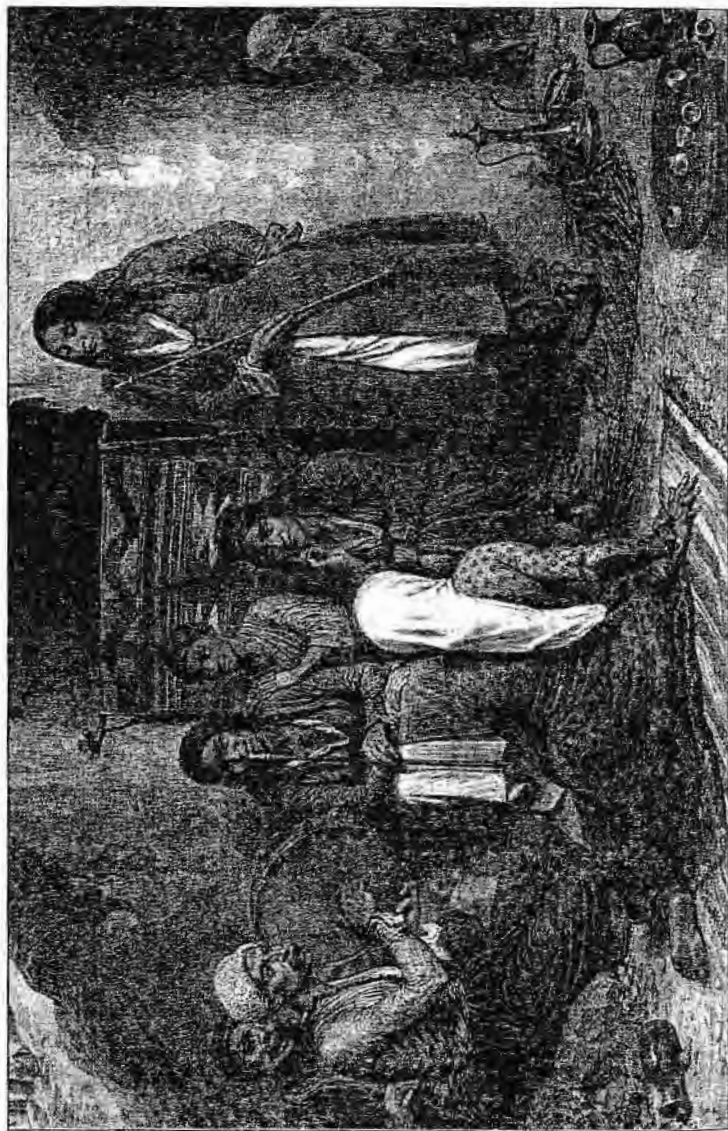
По свидетельству очевидцев, одевались гурбеты почти так же, как и "рома". В период Крымского ханства в моде был восточный костюм. После присоединения Крыма к Российской империи и экспансии массовой культу-

ры мужчины стали носить европейского кроя пиджак и брюки, обязательно на выпуск, или куртку, или рубашку, но на голову непременно одевали татарскую баранью шапку. Женский костюм даже в XIX в. выглядел более консервативным. Он сохранил гораздо больше черт старинной женской одежды: кафтан из розовой материи с цветами, розовые широкие длинные штаны, завязывающиеся у щиколотки, туфли без задника, серьги с длинными подвесками. Замужние женщины, как правило, курили трубки с длинным чубуком. Волосы они заплетали в мелкие, выкрашенные хной косички.

Говорили гурбеты по-татарски. Однако, возможно, что они использовали и еще какой-то язык или особое аргот. Наиболее употребительными именами этой группы цыган являлись: Шаббан-ай, Дербиш, Фетта, Мемет, Аджимет, Кучамет, Бурамет, Джелял, Ариф, Барий, Самедин, Селим (у мужчин) и Катидже, Софие, Ваде, Асене, Тотай, Хахай, Чамлы, Кокче, Амакай, Ахбике, Борзаде, Куньзаде, Шамакай, Найме (у женщин).

Некоторые ученые считали, что ислам, который исповедовали гурбеты, не чисто суннитского толка, а с примесью некоторой доли шиизма. По свидетельству исследователей, гурбеты говорили: "Ля илаха илля ллах ве Али вели уллах", то есть нет бога, кроме бога и Али приближенный божий. Наблюдались и некоторые другие иранские традиции. Так, в течение 12 дней месяца Мохаррема они ходили с особым знаменем и медной чашей по деревням и читали "мерсийе" — стихи о страданиях Хусейна и Хасана.

"Рома" — "элекчи". Об истории появления этой группы цыган в Крыму рассказывает одно из их преданий: "...Первые прибыли в Крым ситочники — элекчи. Они разместились на Салачике в Бахчисарае. В то время там никого не было. Жили они очень бедно, сначала в шалашах, а затем в скалах и пещерах, выделывая сита, посуду. Каждую весну с заготовленной посудой отправлялись

Огюст Раффе. Жилище горных крымских цыган

они в сторону ногайских степей и там работали, меняя посуду на продукты. Осенью же с собранными припасами возвращались в Салачик и готовились к зиме. Так жили они. Однажды к ним прибыл хан и сказал: я принимаю вас в мусульманскую общину, но вы должны будете ходить в мечеть. Элекчи сказали: хорошо. В конце концов забыли свой язык и совершенно отатарились...”.

И в самом деле, современники отмечали, что из “рома” эта группа цыган более всего подверглась языковой и культурной ассимиляции со стороны крымских татар. К моменту присоединения Крыма в основном они проживали в Бахчисарае, Гезлеве-Евпатории и Карасубазаре. Элекчи преимущественно занимались изготовлением решет, сит из телячьей кожи, плели корзины. С наступлением весны они отправлялись по селам за заказами и привозили готовые изделия к моменту начала уборки урожая или во время “арманов” (молотьбы хлеба). Вознаграждением для них в основном были не деньги, а продукты — просо, пшено, мука и т.д.

Кроме своего основного занятия многие “элекчи”, обладая прекрасным слухом, играли на музыкальных инструментах — в основном скрипках и бубнах. Некоторые из музыкантов-самоучек создавали собственные произведения, беря за основу сюжета героические события истории крымских татар и различные стороны их культуры и быта. Поскольку у татар отсутствовали собственные музыканты — в их среде это считалось недостойным делом — все праздники, свадьбы и увеселения обслуживал цыганский оркестр. После ухода в 1778 – 1784 гг. большой части старожильческого земледельческого населения Крыма, элекчи постепенно стали менять свою ремесленную специализацию. Например, заметно вырос спрос на цыганский оркестр и многие “элекчи” стали музыкантами (“даулджи”), позабыв свои прежние занятия. Ситочники — жители вновь образованного Симферополя (спустя 50 лет после основания города в нем проживало

44 семьи этой профессиональной группы — 218 человек) — начали заниматься более прибыльным барышничеством, а также покупкой и продажей старых вещей.

“Рома” — “Даулджи”. Так называли в Крыму цыган-музыкантов, в основном живших в окрестностях Бахчисарая. Этимология названия связана со словом “даул” — большой турецкий барабан. В эту профессиональную группу, кроме изначально прибывших, рекрутировались также сменившие свою специализацию “элекчи” и отчасти “аюджи”. Даул (барабан), зурна, скрипка и даре (бубен) являлись основными инструментами народного татарского оркестра, который сопровождал пиршества “зияфеты” и свадебные церемонии. В отличие от цыган-“усталар”, у которых работа носила сезонный характер, “даулджи” были обеспечены ей круглый год, но в особенности в периоды поста и осенних свадеб. Обычно оркестр играл народную крымскотатарскую музыку, иногда цыгане-музыканты пытались синтезировать мелодии своей прежней родины и крымской земли. Даулы, даре и отчасти скрипки цыгане изготавливали сами; зурны привозили из Константинополя.

“Рома” — “демерджи” и “халайджи”, то есть кузнецы и лудильщики. Халайджи, как правило, кочевали из одного населенного пункта в другой, лудя и исправляя различную медную посуду, которая истари была популярна в Крыму. Цыгане-демерджи были позажиточнее, имели свои кузницы в городах (Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Евпатории), а также в некоторых деревнях. Другие владели походными наковальнями и инструментами. Переезжая из села в село, они подковывали волов, лошадей, изготавливали домашнюю и хозяйственную утварь — ножи, лопаты, лемехи, треножники, щипцы и прочее. Особой популярностью среди крымских татар пользовались ножи, изготовленные бахчисарайскими демерджи. Некоторые особо искусные кузнецы-рома становились также мастерами-ювелирами. В ос-

Огиус Раффе. Цыгане-кузнецы

новном они работали с серебром. Их изделия — серебряные украшения для мужских и женских “черкесских” поясов, кольца и браслеты на взгляд европейца не отличались изяществом и тонкостью отделки, но пользовались большой популярностью среди старожилов Крыма.

После присоединения Крыма к России ремеслом халайджи и демерджи стали также заниматься вновь прибывшие “рома” — “аюджи” (“урсары”), которые в цыганской слободке Симферополя составили целый “кузнечный переулочек”, хотя раньше специализация их была совсем иной.

“Аюджи” — “медвежатники” или “вожаки медведей” — пришли в Крым в конце XVIII — начале XIX вв., вероятнее всего, из Бессарабии. Они довольно быстро приспособились к крымским реалиям, чему безусловно способствовало знание ими еще на прежней родине тюркского языка, хотя при этом они не забывали свой, “цыганский” или, как записали исследователи, “синьганский” язык, который в основе своей близок к диалекту бессарабских цыган. Изначально они вели кочевой образ жизни, путешествуя по селам с медведем мелкой “кавказской” породы и собирая деньги за небольшие “цирковые представления”. Жены этих цыган занимались гаданием на картах, по линиям на руке и магией. С момента запрещения (1809 г.) таких кочевых цирков “аюджи” вынуждены были осесть в городах Крыма — в основном в Армянске и Джанкое, незанятых еще крымскими цыганами-старожилами, которые настороженно относились к пришлым соплеменникам. Аюджи вынуждены были сменить свою специализацию и стать кузнецами, лудильщиками, золотых и серебряных дел мастерами, музыкантами и мелкими торговцами-“коробейниками”. Некоторые пытались заниматься барышничеством, беднейшие же перепродавали кур и яйца, которые закупали в деревнях или же выменивали на старую одежду. Кроме этого, чтобы прокормиться, аюджи собирали по дворам золу для свечных и мыльных заводов, кости, тряпки и тому подобные предметы; занимались

переносом тяжестей с рынков, очисткой дворов и другим.

Аюджи считали себя мусульманами, хотя многие современники отмечали весьма прохладное их отношение к религии и исполнение лишь некоторых религиозных обрядов при погребении и свадьбах. Интересно, что у них, спустя несколько десятков лет после появления в Крыму, сохранилась традиция давать человеку два имени. Например, в ревизской сказке г. Симферополя 1835 г. значились: Мегмет, он же Кылый; Осман, он же Арнаут; Магмут, он же Нине; Гасан, он же Муртаза; Джав Бозар, он же Пирали; Асан, он же Боран и так далее. Среди наиболее распространенных мужских имен исследователи выделяли: Монти, Салаван, Пехлеван, Курт-бору, Каплан, Базар-Бай, Алабаш, Ширин, Барий и др. Среди женских — Эрту, Мерзие, Алтынка, Дуду, Арзы, Ава, Зехат, Итегиль, Кокмен, Джумазие, Томалак, Бике, Чокай.

Характеризуя быт крымских “рома”, которые за несколько столетий проживания на полуострове стали называть себя “кырымтика рома” или “татаритика рома”, исследователи отмечали, что несмотря на явные их отличия от других и видимую оседлость, все же у них сохранились привычки кочевых времен. Это связано, в первую очередь, с необходимостью расширять рынок сбыта своей продукции. Современник писал: “По истечении зимы почти все цыгане изготовляют свои двухколесные кибитки к походу. На эти экипажи складывается все домашнее имущество, состоящее из постелей, одеял, подушек и одного казана. Туда же садятся жена и дети и одна лошадка влечет их до первой деревеньки, где переночевав, они на утро или приступают к работам кузнечным, лудильным или обходят все дома в качестве нищих. Другие являются в это же селение в качестве закупщиков всякого рода домашней птицы, а третьи — лошадей. Что же касается элекчи — они обыкновенно устраивают свои летние шалаши на берегу рек, прилегающих к лесным дачам, изобилующим необходимыми для их ремесла растениями....”.

Крымские цыгане, как и их соплеменники за Перекопом, были весьма невзыскательны в еде, с раннего детства приучались переносить холод, тяготы кочевой жизни. Уровень грамотности среди них был чрезвычайно низок, мало кто заботился об образовании своих детей хотя бы в мектебе: достаточно было научить ребенка основам своего ремесла, передававшегося по наследству, и счету денег. Повсеместно цыгане проявляли очень высокую внутригрупповую сплоченность, которая во многих случаях позволяла им выжить. Вопреки негативно-настороженному отношению к цыганам в Крымском хан-

Семья крымских цыган

стве и Российской империи, современники отмечали, что "все они, за исключением аюджи, пользуются репутацией людей, неспособных к серьезным преступлениям и вообще к раздорам даже между собой. Жена и дети для цыган составляют самое лучшее общество, с которыми он никогда не желает расставаться, даже и в те минуты, когда занят своим ремеслом в шалаше или на базарной площади".

Касательно религиозности крымских цыган также существует много противоречивых сведений: от неофитской преданности и строгого следования религиозным догматам, до "тайного фетишизма". Недоверчивое отношение к религиозным воззрениям цыган наблюдалось еще в Османской империи, где несмотря на то, что цыгане исповедовали ислам, в эпоху Сулеймана I (1520 – 1566 гг.) они были обложены данью как неправовверные. В Крымском ханстве, подобно караимам и христианам, цыгане также были обложены налогом — 60 копеек серебром с головы за непосещение мечети.

Число цыган Крыма постоянно колебалось. В 1790 г. их насчитывалось 3200 человек обоего пола. Высокая смертность, особенно среди женщин и детей, привела к тому, что их численность росла слабо, и, несмотря на локальные миграции из Южной России, 70 лет спустя в Крыму цыган было 8000 чел. Значительные потери, которые понесли крымские цыгане во время голода 1921 – 1922 гг. (особенно пострадали "салачикские" цыгане — элекчи, даулджи и аюджи) и фашистской оккупации, практически обескровили общину. Ее остатки депортировали из Крыма в 1944 г.

Литература

Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган: Новый взгляд. — Воронеж, 2000.

Зейналиева Э. С. Цыгане Крыма: кочевье длиной в сотни лет // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы. — Симферополь, 2002.

Святский Н. А. О цыганах в России и в Крыму // Попов А. Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности. — Симферополь, 1888.

Филоненко В. И. Крымские цыгане // Записки Коллегии востоковедов. — 1930 — Т. 5

Цыгане. — М., 1999.

КАРАИМЫ

М. Б. Кизилов

Иудейская община, существовавшая на протяжении многих веков на территории Крымского полуострова, включала в себя самые разнообразные течения и народности. К ним относились тюркоязычные раввинисты-крымчаки, кочевники Хазарского каганата, караимы, отрицавшие учение Талмуда, говорящие на идиш евреи-ашкеназы, грекоязычные евреи-романиоты и даже субботники — перешедшие в иудейскую веру православные славянского происхождения. Пожалуй, одной из самых примечательных и значительных этноконфессиональных иудейских групп, проживавших на территории Крыма, были крымские караимы.

Об истории караимов и времени их появления в Крыму ученые, литераторы и представители общественности дискутируют, начиная, как минимум, с XIX в. Заметим, что порой данные дискуссии перерастали, к сожалению, в откровенные и затяжные конфликты, выходящие за рамки научного дискурса. Следует отметить, что в Крыму в последнее время появилось поразительное количество поверхностных и тенденциозных работ, неправильно отражающих этногенез и историю караимов. Данная статья — это попытка в краткой форме изложить достаточно запутанную историю караимского населения Крыма беспристрастным языком фактов, а не эмоций и псевдоисторических искажений реальных событий.

По мнению известнейшего исследователя Цви Анкори, ранний период истории караимов следует понимать и изучать как “продукт еврейского опыта под воздей-

ствием средневекового ислама”. Караимское движение берет свое начало в городе Багдаде на территории современного Ирака (тогдашнего Аббасидского халифата) приблизительно в середине VIII в. н.э. Его основателем традиционно считается Анан бен Давид, о жизнедеятельности и трудах которого мы знаем очень немного, за исключением поздних и не слишком достоверных легенд. Анан бен Давид явился основателем альтернативного диссидентского движения в иудаизме, основным содержанием которого было отрицание авторитета Талмуда. Помимо отрицания Талмуда, сторонники Анана следовали провозглашенному их учителем принципу буквального истолкования священного Писания, а также отличались от прочих евреев (называемых ими с того момента “талмудистами” или “раввинистами”) по целому ряду религиозных практик и традиций: в праздновании Шаббата, в проведении обряда обрезания, в законах ритуальной чистоты и степенях родства при заключении брака, во времени проведения традиционных еврейских праздников, в устройстве синагог и литургической обрядности. Так началось, собственно говоря, протокараимское движение — дело в том, что ученики Анана еще не называли себя караимами, используя термин “ананиты”, то есть “последователи Анана”.

Термин “караимы” появляется несколько позднее, в IX в., в работах уже собственно “караимского” теолога Вениамина бен Моше Нагавенди, назвавшего этим именем различные антиталмудические движения (в том числе и ананитов), объединившиеся в IX — X вв. под общим названием “караимы”. Даже само название “караим” (“чтецы” или “читающие”; “караим” — это множественная форма от древнееврейского “карай”) отражает основную характеристику данного движения — почитание (или, если угодно, “чтение”) священного Писания (то есть Ветхого Завета или ТаНаХа) как единственного и прямого источника религиозной истины.

Огюст Раффе. Караимская женщина с детьми.
Чуфут-Кале, 1837 г.

Период X – XI веков, называемый часто “золотым веком” в истории развития караимского движения, ознаменован активной миссионерской деятельностью и распространением иудаизма в его караимской интерпретации далеко за пределы Багдада и Персии. В этот период отдельные, достаточно многочисленные общины караи-

мов возникают в таких географических регионах, как Палестина (с центром в Иерусалиме), Египет, Испания, Кавказ и Византия. Особенно любопытен интерес караимов к земле Израиля — именно ранние караимы, объединившиеся в группу “Авелей Цион” (“скорбящие по Сиону”), были одними из первых еврейских мыслителей, призывавших всех евреев в изгнании начать переселиться в святую землю Палестины. Успех миссионерской деятельности караимского движения в X – XI вв. был несомненен: по разным оценкам, до 30 – 40 процентов еврейского населения того времени придерживалось неталмудического, то есть караимского, варианта иудаизма. Более того, именно в полемике с соперниками-караимами, в дискуссиях и спорах с ними, собственно говоря, во многом сформировалась средневековая еврейская цивилизация в той форме, в какой она нам известна на сегодняшний день.

Особенно горячие споры и дискуссии вызывает проблема появления караимов на территории Восточной Европы, то есть в Крыму, Литве и Польше. К сожалению, именно на эту тему появилось особенно много псевдоисторических работ, связывающих караимов с самыми различными народами, к примеру, с хазарами, гуннами, кыпчаками или древними израильтянами. Авторы, придерживающиеся этих теорий, ссылаются, как правило, на недостоверные или сфабрикованные источники (см. ниже). Тем не менее, сухой язык документов нам говорит о том, что караимы появляются в Восточной Европе уже в постхазарское время и остатки иудаизированных хазар, проживавших, возможно, и на территории Крыма, едва ли могли оказать на них сколько-нибудь серьезное влияние.

Позволю себе процитировать, что же, к примеру, говорили сами караимы в прошении к царю Александру I о времени своего появления в Крыму: “Мы все караимы, потомки одного древнейшего Еврейского поколения, ко-

торое, более четырех веков поселясь в Крыму, впоследствии вместе с прочими Крымскими народами поступило под благословенную державу Вашего Императорского Величества". Некоторые другие караимские источники XIX в. сообщали о переселении караимов в Крым из Бухарии и Черкесии вместе с татарскими ханами. Действительно, в данных караимских преданиях, несомненно, сохранились отголоски реальных исторических событий, а именно, о переселении караимов в Крым в XIII в., по всей видимости, вскоре после очередного набега и поселения в Крыму татар в 1239 году. Исходя из того, что караимы того времени известны нам как искусные торговцы и ремесленники, можно предположить, что они попали в Крым вместе с другими торговцами и ремесленниками, необходимыми татарам для поддержания экономического состояния Золотой Орды.

Возвращаясь к данным письменных источников, тем не менее, заметим, что первое свидетельство о пребывании караимов в Крыму датируется 1278 годом. В этом году, как сообщает нам византийский караимский автор Аарон бен Иосиф а-Рофе, между общиной караимов и раббанитов, проживавших тогда в городе Сулхате (современный Старый Крым) состоялась дискуссия относительно того, когда же начинается месяц "Тишри". Кроме Старого Крыма, в том же XIII в., по-видимому, возникает община в городе Каффа (Феодосия) — опосредованные источники позволяют нам датировать время основания каффинской караимской синагоги 1292 годом. Несколько позднее, в середине XIV в. (а точнее, между 1342 — 1357 годами), в связи с экспансией Золотой Орды в Юго-Западный Крым и захватом города Кырк-Ера (позднее — Кале или Чуфут-Кале — "Иудейская крепость"), там также возникает караимская община, каковой будет суждено стать позднее самой крупной и значительной караимской общиной полуострова. На Феодоро-Мангупе караимская община появляется только во второй половине

XV в., по-видимому, сразу после 1453 года. Мангупская община, вероятно, изначально состояла из грекоговорящих караимов-романиотов, эмигрантов из Адрианополя, бежавших из захваченной турками-османами Византийской империи и спасавшихся от политики *сюргона* — проводившимся Мехмедом II Завоевателем насильственным переселением в опустевший Константинополь-Стамбул. Еще позднее (по данным Фирковича, в конце XVI, а по данным другим источников — в конце XVII — начале XVIII вв.) возникает община в городе Гезлев (Евпатория). В XIX в., скажу, несколько забегаю вперед, небольшие караимские общины проживали практически в каждом крупном населенном пункте Крыма, а также во многих городах Российской империи.

В Крыму особой образованностью отличалась община Чуфут-Кале. Проживавший там с 1666 по 1670 год известный караимский поэт из Деражно Иосиф бен Иешуа а-Машбир охарактеризовал Чуфут-Кале как «град и мать в Израиле... главный среди караимских общин, город великий мудрецами и книжниками, наполненный книгами и совершенными праведниками». Именно поэтому Машбир остался в караимской академии Чуфут-Кале на три года, занимаясь изучением Торы и религиозной учености. Читателю, вероятно, будет интересно также узнать, что первые печатные книги и первый печатный станок в Крыму также находились в Чуфут-Кале. Караимская типография в Чуфут-Кале была основана около 1731 года на средства Исаака бен Моше Синан-Челеби. В период с 1734 по 1741 годы там были опубликованы несколько литургических книг на древнееврейском. Таким образом, как бы это парадоксально ни звучало, но первые печатные книги крымской земли говорили на том же языке, что и ветхозаветные пророки.

Во главе каждой караимской общины стоял *газзан*, духовный глава общины, его помощниками был *шаммаш* (служка) и *митпалель* (проповедник). Еще позднее, в

XIX в., всеми караимскими общинами Российской империи стал руководить *гахам* (с древнееврейского — “мудрец”). Должность гахама была выборной и первым гахамом в 1839 году был избран известнейший купец Симха бен Шеломо (Соломон) Бабович из Евпатории. Погребальные обязанности выполняла “*хевра кадиша*” (“свя-

Огюст Раффе. Резчик надгробий Йехуда Казас в Иосафатовой долине возле Чуфут-Кале. 1837 г.

щенное братство”). Финансовыми делами заведовал казначей-*габбай*, а образованием — учителя-*маскилы*.

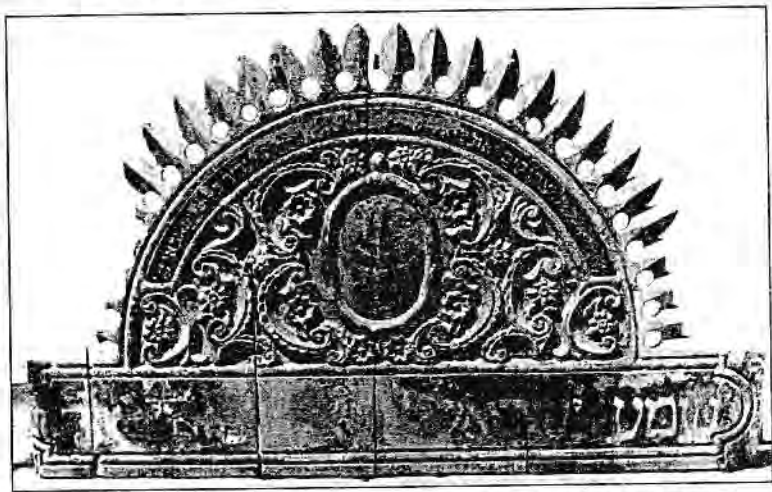
Везде в мире караимы являлись, если можно так выразиться, двойным меньшинством — будучи иудеями в христианских и мусульманских государствах, они являлись также караимским меньшинством в еврейских общинах этих стран. И только лишь в мусульманском Крыму караимы являлись большинством в иудейской общине — по некоторым оценкам, 75 процентов иудейской общины Крыма состояло из караимов и лишь 25 — из раввинистов.

Уже самые ранние караимские переселенцы в Крым XIII — XIV вв., по всей видимости, были тюркоязычны, переняв татарский язык в качестве разговорного от своих соседей-татар. Об этом нам красноречиво свидетельствуют надгробия этого времени с тюркскими именами погребенных караимов. Тем не менее, иврит (древнееврейский) по-прежнему свято и бережно хранился караимами в качестве языка литургии, богослужения, деловой переписки, поэзии, надгробных эпитафий, научных и теософских трудов. Только лишь в XIX и, в особенности, в 20 — 30-е годы XX в. в литургию караимов начинают вводиться татарский и караимский языки, ранее свысока именовавшиеся в караимской литературе “разговорным жаргоном”. Самые ранние известные нам на настоящий момент переводы на караимский и татарский языки священных текстов на древнееврейском датируются временем не ранее XVII — XVIII вв.

Помимо лингвистического влияния, близкое сосуществование с татарами оказало неизбежное воздействие и на быт и повседневную жизнь караимов. Действительно, зачастую, лишь зайдя в молитвенный дом и увидев стоящие в алтаре свитки Торы и семисвечник-менору посетитель караимского квартала мог понять, что перед ним народ совсем иного вероисповедания и этноса — столь по-татарски выглядели их дома, одеж-

ды, этническая кухня и обряды. Тем не менее, как уже отмечалось выше, влияние татар не выходило за пределы чисто культурологических заимствований и смешанные браки между караимами и их мусульманскими соседями были запрещены, пожалуй, вплоть до реформ советского времени.

Важнейшим периодом для усиления караимской общины в Крыму становится конец XVIII в. Дело в том, что

Фрагмент резного деревянного алтаря с изображением семисвечника и надписью на древнееврейском. Чуфут-Кале, XVIII век. Фото Л. Берестовского

в это время караимам, оставшимся на практически опустевшем после эмиграции татар и турок, а также насильственного выселения христианского населения полуострове, удалось практически за бесценок скупить огромные земельные угодия. Кроме того, в руках караимов оказалась другой фантастически прибыльный заработок — торговля табаком. Таким образом, достаточно незначительная (около 2600 человек в конце XVIII в.) караимская община Крыма стала одной из самых процветающих в экономическом отношении этнических групп Российской империи.

В XIX в., прежде всего, из-за важности купеческого потенциала караимской общины, а также в связи с тем, что караимы отбрасывали авторитет Талмуда (являвшегося, с точки зрения российских чиновников, главным врагом христианства, сосредоточением зла и антихристианской ереси), российская администрация начинает сознательно выделять караимов из общей массы еврейского населения империи. Под официальным предлогом образцового морально-нравственного поведения и полезного для государства экономического положения, караимы начинают наделяться рядом привилегий и льгот, в отличие от евреев-талмудистов, на которых обрушиваются унижительные и обременительные указы относительно двойного налогообложения, обязательной службы в армии, проживания только в пределах «черты оседлости». С 1863 г. караимы пользуются теми же правами, что и проживавшие в России христиане-православные, служат в армии, учатся в университетах, занимают государственные посты.

XIX в. стал важным моментом в становлении караимского самосознания и самоидентификации — именно в это время в Крыму проживали и действовали такие известнейшие караимские просветители как Соломон Бейм, Элиягу (Илья) Казас, Иосиф Соломон Луцкий, Мордехай Султанский и Авраам Фиркович. Особенно важна для понимания караимской истории фигура Авраама Самуиловича (Авраам бен Шемуэль) Фирковича (1787 — 1874 гг.).

Родившийся и получивший образование в Луцке, в 20-е гг. XIX в. Фиркович переезжает в Крым, странствует по миру, посещает Кавказ, Стамбул, Каир, Ближний Восток, Австрию, Литву и Польшу, завершая свой жизненный путь в Чуфут-Кале. Уникальные рукописные коллекции, собранные им за годы странствий по Турции, Египту, Палестине, Крыму и Кавказу, представляют собой гордость коллекции еврейских и самаритянских рукописей Российской Национальной библиоте-

ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Автор сборника поэзии, нескольких религиозно-общественных трактатов, в 1872 г., то есть за два года до своей смерти, Фиркович публикует *Авенэ зиккарон ливней Йисраель* ("Книга памятных камней сынов Израиля" — Вильно, 1872). Данная книга, содержащая экскурсии автора в историю караимов Восточной Европы (прежде всего, Крыма), а также ряд надгробных надписей из караимских некрополей Мангупа, Чуфут-Кале, Евпатории, Феодосии, Старого Крыма и Трок, является самым известным произведением Фирковича. Умерший в Крыму в 1874 г., караимский патриарх был похоронен на территории некрополя в Иосафатовой долине возле Чуфут-Кале.

Как указывают обнаруженные в недавнее время архивные материалы, Фиркович, несомненно, являлся одной из самых заметных караимских и еврейских фигур в Европе XIX в., и был потенциальным (но неудавшимся) кандидатом на пост главы караимской общины Крыма и Восточной Европы в целом. В круг его знакомых и симпатизировавших ему людей входили такие знаменитые и разносторонние личности, как известнейший российский гебраист Даниил Хвольсон, лидер хабадского движения Менахем-Мендель Шнеерсон, археолог И. П. Бларамберг, российский историк Д. И. Иловайский, еврейские просветители-маскилы Бецалель (Базилиус) Штерн и Симха Пинскер (сын последнего явился одним из отцов-основателей сионизма), армянский патриарх Нарсес, а также христианские священники, турецкие дёнме, авторитетные ашкеназские и крымчакские раввины, бахчисарайские татары и многие другие.

Сделав в высшей степени хвалебную характеристику Фирковичу (и не желая ее ни в коей мере умалить), необходимо все же отметить, что, несмотря на свою поразительную и несомненную талантливость, Фиркович был далеко неоднозначным человеком. Как неопровер-

жимо свидетельствует нам сухой язык архивных документов и источников, весь бег его бурной жизни сопровождался конфликтами, скандалами, трениями, сомнительными историями и частыми обвинениями в подлоге и мистификации. Более того, современное состояние исследовательской литературы, посвященной Фирковичу, позволяет нам достаточно однозначно утверждать, что, несмотря на несомненную важность собранных им рукописных коллекций, ряд документов и приписок к рукописям, и, в особенности, эпиграфические открытия Фирковича, явно являются недостоверными и, более того, поддельными. Как уже говорилось выше, самые ранние свидетельства о пребывании караимов в Крыму датируются XIII – XIV вв. и, как следствие, все исторические построения Фирковича, пытавшегося датировать время приезда караимов в Крым VI в. до н.э. и доказать, что хазары восприняли иудаизм караимского (а не раббанитского) толка, совершенно несостоятельны.

Важно заметить (к сожалению, этот факт очень редко принимает во внимание большинство из русскоязычных авторов, пишущих на караимскую тему), что Фиркович *никогда* не говорил о караимах как о потомках хазар, считая их потомками древних израильтян, переселившихся в Крым непосредственно из Ассирийского пленения. Любопытно, что основные постулаты так называемой теории "хазарского происхождения" караимов, впервые были высказаны не караимами, но российскими учеными-тюркологами В. В. Григорьевым и В. Д. Смирновым. Григорьев и Смирнов, привлеченные к мнимым хазарско-караимским связям прежде всего шумной деятельностью А. С. Фирковича, пошли еще дальше караимского патриарха и пришли к выводу, что караимы не только обратили хазар в иудейскую веру (как об этом писал Фиркович), но и сами позднее слились с хазарами этнически. В 1896 г. тезис Смирнова и Григорьева о хазарском происхождении караимов под-

хватывается и развивается С. М. Шапшалом (1873 – 1961 гг.), тогда еще молодым студентом Восточного от-

Огюст Раффэ. Караимы Феодосии. 1837 г.

деления Санкт-Петербургского университета, а впоследствии — последним гахамом восточноевропейских караимов. Шапшаловская концепция о хазарском происхождении караимов окончательно утвердилась в караимской литературе после вступления С. М. Шапшала в долж-

ность гахама в 1915 г. К сожалению, равно как и в случае с Фирковичем, Шапшал базировал свои теории на документах и источниках, признанных современной наукой либо недостоверными, либо сфабрированными.

Увы, революция 1917 г. прервала благосостояние и процветание караимов. Им, верноподданным российской короны, зажиточным купцам, промышленникам и белогвардейцам пришлось тяжелее, чем кому ли бы то ни было. Часть из них погибла в ходе бурных событий того времени, часть была раскулачена или расстреляна, часть, лишенная всего накопленного ранее имущества и возможности свободно исповедовать свою религию, была вынуждена владеть “почетное” существование в стране победившего социализма. Один за другим у караимов отнимались их дома, библиотеки, памятники религии и культуры... Так продолжалось вплоть до времен перестройки — галичская караимская кенаса была уничтожена ради строительства девятиэтажного дома, ни много ни мало, в 1985 году. За годы советской власти, по целому ряду причин, караимское население Крыма сократилось от практически 8,5 тысяч в 1912 году до 800 человек по данным переписи 1989 года. Помимо демографического упадка, советская власть нанесла также тяжелейший удар по своеобразной культуре и религии крымских караимов — лишь немногие из них способны ныне общаться на татарском диалекте, практически полностью утратив также знание древнееврейского, в котором были столь искусны их предки.

Во всем мире на настоящий момент проживает около 30 тысяч караимов. Любопытно, что большинство караимов, проживающих на настоящий момент на территории Крыма, России, Польши и Литвы, считает себя народом тюркского происхождения, караимы Израиля, Египта, и США причисляют себя к представителям еврейского населения, в то время, как среди караимов Франции и Турции есть сторонники обоих подходов. В связи с тем, что

по современному законодательству государства Израиль караимы подлежат закону о репатриации, за последние годы достаточно большое число караимов, проживавших на территории бывшего Советского Союза, выехало в Израиль.

По последней переписи населения Украины (2001 г.), в Крыму насчитывается 671 караим (0,03 % населения автономии), а всего по Украине 834 человека. С XIX в.

караимы проживают в таких крымских городах, как Симферополь, Евпатория, Бахчисарай, Феодосия, Севастополь, Ялта, Керчь и Армянский Базар. На сегодняшний день, по приблизительным оценкам, Евпаторийская караимская община насчитывает около 260 человек, примерно столько же караимов живет в Симферополе, еще около 100 человек — в Феодосии, приблизительно 50 — в Севастополе, 30 — в Ялте, 50 — в Бахчи-

сараяе. На настоящий момент караимская община Крыма пытается возродить практически полностью утраченные за время атеистического диктата религиозно-культурные традиции. Особенно ярко этот процесс проходит в Евпатории, вновь стал действовать один из молитвенных комплексов и находится в процессе реставрации другой (к сожалению, следует отметить, что, на наш взгляд, далеко не все традиции, в особенности, те из них, которые связаны с религиозными практиками, удалось восстановить в той форме, в какой они существовали до революции). Большинство из современных крымских караимов — люди с высшим образованием, работники науки, культуры, врачи и преподаватели.

Караимское надгробие
на кладбище
в Иосафатовой долине
близ Чуфут-Кале

ЛИТЕРАТУРА

Белый О. Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVIII — начале XIX вв. // Крымский Музей. — 1994. — № 1.

Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович. — СПб, 1997.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Чуфут-Кале. Кырк-Ор. — Симферополь, 1993.

Караимы // Краткая еврейская энциклопедия. Том 4. — Иерусалим, 1988.

Юрченко І., Кефелі О., Юрченко Н., Береговський О. Караїмське кладовище біля Галича. — Львів-Галич, 2000.

КРЫМЧАКИ

М. Б. Кизилов

В современной этнографии крымчаками называют этнос, сформировавшийся из нескольких групп еврейского происхождения, осевших на крымской земле начиная с первых веков нашей эры, в средневековый период и в раннее новое время. Крымчаки — термин поздний и достаточно условный, возникший лишь после присоединения Крыма к России, в первой половине XIX в. для обозначения местных тюркоязычных евреев-талмудистов, резко отличавшихся от всей прочей массы еврейского населения, начавшего селиться в Крыму после 1783 г. Один из крымчакских просветителей И. С. Кая вкратце определял историческое содержание этого понятия следующим образом: «Крымчаки — это особая группа евреев, которая издавна живет на Крымском полуострове и в значительной мере приняла татарскую культуру».

Впервые термин «крымчаки-евреи» появляется 18 августа 1859 года в «обращении евреев-землевладельцев колонии Рогатликой в мещанство города Карасубазара». В документах XVIII – XIX вв. крымчаки называют сами себя по-татарски «срель балалары» или по-древнееврейски «бени Исраэль», то есть «сыны Израиля». Кроме того, в различных источниках более раннего периода на древнееврейском или татарском крымчаки называются «егудим», «яхудилер» или «чуфутлар» (все эти термины следует переводить как «евреи», с тем лишь уточнением, что последний термин имел несколько презрительный характер). Несомненно, что понятие «крымчаки-евреи» (позднее редуцировавшееся до сокращенного «крымчаки» по-рус-

ски, или «крымчахлар» по-татарски) является калькой с крымскотатарского «яхудилер кырымча» (то есть, «евреи крымского толка»). Так, по всей видимости, могли представить российской администрации тюркоязычных крымских евреев-талмудистов татарские чиновники. Позднее, во второй половине XIX в., термин «крымчаки» становится основным термином для обозначения этой этнической общности. Тем не менее, история предков современных крымчаков уходит корнями в значительно более далекое прошлое.

Итак, начнем по порядку. Наиболее ранние археологические и эпиграфические памятники свидетельствуют о пребывании евреев на территории крымского полуострова еще в I в. н.э. Вероятно, что переселение евреев на территорию Крыма началось еще ранее, в I в. до н.э., когда после войн Митридата Евпатора усилились контакты между Боспором и еврейским населением Малой Азии. Различные письменные, эпиграфические и археологические источники свидетельствуют о проживании еврейского населения в Юго-Западном (Херсонес) и Восточном (Боспор) Крыму во II – IV вв. По мнению крупнейшего еврейского историка С. Дубнова, в

Сумочка для молитвенных принадлежностей крымчака Ионы Ломброзо

V – VI веках н.э. вследствие антиеврейской политики византийской церкви во время правления императоров Феодосия II, Зенона и Юстиниана I иудейская диаспора в Северном Причерноморье увеличилась в связи с эмиграцией в этот регион покидавших империю византийских евреев. С некоторой осторожностью можно также предположить, что направленная в Крым и на Таманский полу-

остров эмиграция византийских евреев продолжалась и в более поздний период, во время периодически повторявшихся в Византии антисемитских преследований (843, 873 – 874 и 943 гг.).

Особенно значительным, по всей видимости, было еврейское население на прилегающих к Крыму территориях. Так, персидский географ Ибн аль-Факих называл Самкерц (Тмутаракань) “еврейским городом”, в то время как византийский историк Феофан Исповедник писал о многочисленных евреях, проживавших в VII в. в Фанатории.

Помимо Боспора и Тамани, средоточием еврейской жизни в Северном Причерноморье стал, по-видимому, также византийский Херсон (Корсунь, античный Херсонес). Именно там в IX в. “научился еврейской речи и письму, переведа восемь частей грамматики”, один из создателей кириллической грамоты, знаменитый миссионер Константин (Кирилл) Философ. В 1096 г. плененный половцами монах Киево-Печерского монастыря Евстратий был продан в рабство одному из херсонских евреев, а позднее умерщвлен. Этот факт привел в гнев византийского императора, изгнавшего в том же году из Херсона всех евреев, торговцев рабами-христианами.

Во второй половине I тысячелетия н.э. община крымских евреев поддерживала постоянный контакт с византийской еврейской общиной и находилась под сильным культурным влиянием последней (впрочем, по мнению С. Дубнова, хазарское завоевание принесло в Крым и восточных евреев из мусульманских стран, прежде всего, из Персии). Доступные на настоящий момент источники не упоминают о столь часто муссирующихся в современной популярной литературе контактах между крымскими евреями и иудаизированными хазарами. Незначительная прослойка принявших иудаизм тюркоязычных хазар едва ли могла состоять в смешанных браках с грекоговорящими крымскими евреями-талмудистами. Даже если

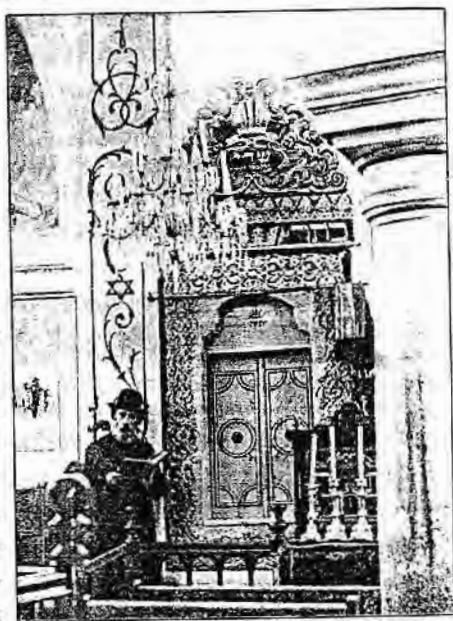
случаи смешанных еврейско-хазарских браков и имели место, то они должны были быть весьма немногочисленны, о чем свидетельствует полное отсутствие упоминаний о подобном рода прецедентах в средневековых документах хазарского времени.

На наш взгляд, ключевым временем в развитии крымской еврейской общины является период генуэзской колонизации и установления в Крыму татаро-турецкого господства в XIII – XV вв. Именно с татарским вторжением в Крым связано появление нескольких, по всей видимости, уже тюркоязычных иудейских общин в тех регионах, где ранее еврейское население не было отмечено. С XIII в., а именно, со времени приезда караимов, исповедовавших иудаизм неталмудического толка, исследователь истории еврейской общины Крыма начинает сталкиваться с довольно сложной терминологической проблемой: дело в том, что подавляющее большинство нееврейских источников XIII – XVIII вв. не отличало караимов от евреев-раввинистов (иначе: евреев-талмудистов, то есть евреев, признающих, в отличие от караимов, авторитет Талмуда, позднейшего добавления к Ветхому Завету), называя и тех и других на различных языках термином “евреи”. Зачастую лишь опосредованные данные помогают нам отличить, о каких же “евреях”, упоминающихся в источниках, шла речь — о караимах или раввинистах-крымчаках.

1278 г. датируется сообщение караимского автора Аарон бен Иосифа о календарном диспуте между общиной караимов и раббанитов, проживавших тогда в городе Солхате (иначе: Къырым, позднее Эски Къырым, современный Старый Крым, первая столица татарского наместничества в средневековом Крыму). В Солхате-Къырыме проживал в XIV в. Авраам Къырыми (то есть “из [города] Крыма”), автор блестящего теологического трактата “Сефат а-эмет” (“Язык истины”), написанного по просьбе его ученика, караима Езекии (Хизкиягу) бен Эльханана. Авторитет этого

ученого был столь велик, что даже спустя столетие после смерти его имя упоминалось в поминальных молитвах после имен знаменитых еврейских экзегетов Моисея Маймонида и Авраама ибн Эзры. В Солхат в 1506 г. судьба привела также и знаменитого европейского кабалиста Моше (Моисея) бен Яакова (1448 – 1520 гг.), известного также как Моше Изгнанник (“а-Голе”) или Моше Киевский. В Солхат он попал в качестве раба-пленника, захваченного в результате набега татар на город Лида. Несмотря на то, что Моше прославился своей язвительной полемикой с караимскими учеными, из плена он был выкуплен совместными усилиями раббанитской и караимской общин (более того, обнаруженные нами архивные документы свидетельствуют о том, что его сочинения читались и переписывались крымскими караимами даже в XIX в.). Оставшись в Крыму, Моше Изгнанник посвятил остаток своей жизни объединению разрозненных талмудических общин Крымского полуострова.

В том же XIII в., по всей видимости, раббанитская община появляется и в городе Каффе (Феодосии) — в 1309 г. там строится крупная синагога, одна из древнейших на территории бывшего СССР, уникальная также применением элементов сельджукской орнаментики в синагогальном зодчестве (уничтожена в результате

Алтарь синагоги в Феодосии с датой постройки (1309 г.) и элементами сельджукской пластики

немецкой бомбежки города в 40-е годы XX в.). Незадолго до османского завоевания Крыма, каффинскими евреями был установлен контакт с крымскими ханами, чья резиденция находилась тогда в Солхате. Один из представителей каффинской иудейской общины торговец Хозя Коккоз (так было записано его имя в русских дипломатических документах) участвовал в 1472 – 1486 гг. в переговорах между Иваном III и крымским ханом Менгли Гиреем; известно, что часть их переписки велась на древнееврейском языке. Помимо Каффы и Солхата-Къырыма, крупнейшим раббанитским центром в Крыму становится город Карасубазар, где в 1516 г. также строится синагога.

Еврейские торговцы и ремесленники неоднократно упоминаются и в уставе крымских генуэзских колоний 1449 г. Один из каффинских еврейских купцов с восточным именем Калев в 1442 г. неоднократно упоминается в делопроизводственных документах о денежных транзакциях далеко за пределами Крыма, в польской столице Кракове. Ряд источников указывает нам также на переселение в Крым караимского и раббанитского населения после разгрома Константинополя крестоносцами в ходе IV Крестового похода (1204 г.) и завоевания империи турками-османами в XV в.

Несмотря на то, что у нас нет прямых упоминаний об этом, с большой степенью уверенности можно утверждать, что небольшие раббанитские общины появляются не позже XV – XVI вв. на Мангупе и в Кырке-Ере (Чуфут-Кале). О пребывании евреев-раввинистов на Мангупе достаточно четко указывает крымчакская фамилия “Мангупли” (“из Мангупа”), в то время как среди надгробных эпитафий с кладбища в Иосафатовой долине, опубликованных Авраамом Фирковичем в его знаменитой “Авнэ Зиккарон”, есть несколько надписей, на которые сам автор прямо указывает как на раббанитские. Более того, архивные документы, обнаруженные автором этих

строк, свидетельствуют о том, что несколько семейств с крымчакскими фамилиями проживало в Чуфут-Кале вплоть до начала XIX в.

Переломным в судьбе крымских раббанитов стал конец XV — начало XVI в. С одной стороны, в конце XV в. раббанитская община Крыма начинает значительно увеличиваться за счет евреев-изгнанников из Испании, Руси и Европы. С другой, в связи с переносом экономического центра Крымского ханства в юго-западную часть Крыма — в Кырк-Ер и, позднее, Бахчисарай, — главенствующая роль в иудейской общине Крыма переходит от раббанитов к караимам — именно караимы с этого момента начинают занимать ряд ответственных постов в ханстве, распоряжаться ханскими финансами, чеканить монеты, ездить в качестве послов в Россию. Раббанитская община, которая остается проживать преимущественно в восточной части Крыма, в Каффе и Карасубазаре (современные Феодосия и Белогорск), несомненно, начинает отходить на вторые роли. Помимо экономического превосходства, караимы превышали раббанитов-крымчаков и по численности. По некоторым статистическим оценкам, к концу XVIII в. раббаниты составляли лишь 25 процентов от общего числа иудейских подданных ханства (около 800 человек), а караимы — 75 процентов (около 2600 человек).

Как уже упоминалось, именно в этот момент, вскоре после завоевания Крыма Османской Турцией в 1475 г., в Каффу прибывает большое количество евреев из других стран мира. Среди них были говорившие на идиш ашкеназские (европейские) евреи, греко-, ладино-, джудезмо-, тато- и арабоязычные евреи из Византии, Испании, Италии, Востока, Кавказа и Руси. О разнородности раббанитской общины нам неопровержимо свидетельствуют фамилии современных крымчаков. Так, фамилии Берман, Гутман и Ашкенази (Ачкинази) будут указывать на говорящих на идиш эмигрантов из Европы и России, Абрабен,

Пиастро, Ломброзо и Тревгода — на переселенцев-сефардов из Италии и Испании, Бакши, Стамболи, Измирли, Токатлы и Мизрахи — на Турцию и мусульманский Восток, Лехно и Варшавский — на Польшу, Гота и Вайнберг — на Германию, Гурджи — на Кавказ. Ряд фамилий указывал также на крымское происхождение их обладателей (Мангупли — “из Мангупа”) или профессию (Демерджи — “кузнец”, Таукчи — “птицевод”). Около 40 процентов крымчакских фамилий являются производными из древнееврейского (Пейсах, Пурим, Рабену, Леви, Бентовим, Рафаилов и другие).

Вскоре представители всех этих разнородных общин начинают сливаться в единое целое, постепенно составляя целостную этноконфессиональную общность на основе принадлежности к иудаизму талмудического (то есть, некараимского) образца. Важным фактором в процессе этого объединения становится усиливающаяся ориентализация общины, заимствование разговорного языка, одежды и повседневных обычаев у соседей-татар. Тем не менее, в начале XVI в. раббанитская община Каффы была поделена на несколько соперничающих землячеств, каждое из которых молилось по отдельному ритуалу — ашкеназскому, романиотскому или вавилонскому. Для примирения этих различных течений потребовался авторитет Моше а-Голе, выработавшего универсальный для крымских еврейских общин молитвенник, получивший название “молитвенник ритуала Каффы” (Махзор минхаг Кафа).

Окончательно все вышеупомянутые течения и землячества сливаются в единое целое в XVII — XVIII вв. Как и их собратья по иудаизму караимы крымские евреи-раввинисты оказываются под сильным культурным влиянием татар, никогда не выходившим, впрочем, за рамки культурных, лингвистических и бытовых заимствований. Особенно важной частью этого влияния стал переход всех вышеуказанных еврейских общин из разных стран от их родных языков к разговорному крымчакскому диалекту

(или, точнее, этнолекту) крымскотатарского языка. Крымчакский автор Нисим Леви Чахчир называл этот язык “татарским языком, на котором мы говорим между собой”. В XVIII – XX вв. на нем был написан ряд светских и религиозных произведений, сказок, песен и стихов, а также был осуществлен перевод ряда священных текстов с древнееврейского. Несмотря на развитие этого тюркского этнолекта, основным языком литургии, богослужения, деловой переписки, надгробных эпитафий, научных и теософских трудов до начала XX в. продолжал оставаться иврит (древнееврейский).

В XVIII в. общину Карасубазара возглавлял Давид бен Элизер Лехно (умер в 1735 г.), автор введения к “молитвеннику ритуала Каффы” и сочинения “Мишкан Давид” (“Обитель Давида”), посвященного грамматике древнееврейского языка. Высокообразованный ученый, Давид Лехно сочинил также и историческое произведение — монументальную историческую хронику на древнееврейском “Девар сефатаим” (“Речение уст”), посвященную истории Крымского ханства. К сожалению, это сочинение по сей день так и не было полностью переведено ни на один из европейских языков. Еще при жизни Лехно в 1734 г. в караимской типографии в

Пасхальная агада (рассказ о выходе евреев из Египта) на древнееврейском языке с переводом на крымчакский этнолект

Чуфут-Кале был опубликован раббанитский молитвенник по каффинскому ритуалу. Следует отметить, что, на протяжении веков взаимоотношения между крымскими раббанитами и караимами, несмотря на ряд решительных религиозных противоречий, были весьма дружественными и добрососедскими — общины часто помогали друг другу, осознавая свое сходство по религиозной принадлежности. Лишь в XIX в., в основном вследствие выделения караимов из общей массы иудейского населения Российской империи, а также деятельности А. С. Фирковича, эти отношения стали резко ухудшаться.

По статистическим оценкам М. Куповецкого, ко времени присоединения Крыма к России тюркоязычная раввинистическая община Крыма составляла около 800 человек. Начиная приблизительно со второй половины XIX в. крымские еврей-раввинисты начинают называть самих себя “крымчаками” — термином поздним и в достаточной степени условным. В XIX в., по-видимому, из-за бедственного экономического положения, крымчакская община пребывает в состоянии сильнейшего культурного упадка. Как свидетельствуют сами крымчаки в петиции к Александру I в 1818 году, среди них не было ни одного человека, который бы владел русским языком! В результате, как об этом говорят обнаруженные Д. Шапира архивные документы, для написания прошений к российской администрации крымчаки часто вынуждены были нанимать караима Авраама Фирковича, несмотря на то, что последний часто требовал от них расплаты за свои канцелярские услуги в виде дорогостоящих книг и рукописей. Более того, крымчаки вынуждены были прибегать к помощи Фирковича даже после 1839 г., когда тот с помощью полицейских отобрал у них рукописные собрания, хранившиеся в генизах (хранилищах для пришедших в ветхость священных книг) синагог в Феодосии и Карасубазаре. Нельзя не осуждать с этической точки зрения подобные действия Фирковича, фактически ограбившего

бедную крымчакскую общину. Однако не следует забывать о том, что только благодаря этому “взлому” уцелели важнейшие рукописные документы, ныне хранящиеся в Санкт-Петербурге.

Ситуацию с образованием в крымчакской среде значительно поправила деятельность Хаима Хизкиягу Медини (1832 – 1904 гг.), раввина в Карасубазаре в 1866 – 1899 гг. Уроженец Иерусалима, приглашенный в Крым из Турции, Медини поднял на более высокий уровень религиозное образование в общине, несколько изменив его, впрочем, на сефардский лад. После отъезда Медини в Палестину в 1899 году, ряд крымчаков последовал за ним в святую землю Израиля. Образовавшаяся там крымчакская община имела свою синагогу в Тель-Авиве, функционировавшую по сефардскому ритуалу вплоть до 1981 года. В 1921 – 1922 гг., спасаясь от голода и невзгод послереволюционного времени, многие крымчаки эмигрировали в Палестину. Часть переселенцев позднее осела в США, основав там землячество “Крымских евреев в Америке”.

В XX в. выдающимся просветителем крымчаков был И. С. Кая (1887 – 1956 гг.), выпускник одного из самых прогрессивных еврейских учебных заведений того времени — Виленского еврейского учительского института, составивший в советское время несколько прекрасных учебников крымскотатарского языка, использовавшихся как татарами, так и крымчаками. В 1912 году в Российской империи было семь с половиной тысяч крымчаков, а незадолго до начала Великой Отечественной войны — около десяти тысяч, большинство из них проживавло в Симферополе, Карасубазаре, Керчи, Феодосии и Севастополе. В советское время крымчаки стали активнее осваивать русский язык, не забывая, тем не менее, и своего крымчакского этнолекта. В междувоенные годы для записи текстов на родном этнолекте крымчаки преимущественно переходят с древнееврейского алфавита на латинский (аналогичная реформа по “латинизации” алфавита проходит тогда же

Собрание крымчакского землячества в Америке, 1920-е гг. Из коллекции И. Рубина (Рабено)

среди крымских татар); в это же время в ходе атеистической кампании закрываются крымчакские синагоги (называвшиеся ими также “кагал” или “къа’ал”).

Основным центром проживания крымчаков становится Симферополь. В конце 20-х – начале 30-х годов XX в. эмигрантами из Карасубазара основывается два крымчакских колхоза — “Крымчах” и “Ени Крымчах”. Расцвет крымчакской общины в Крыму был прерван немецкой оккупацией полуострова. В ходе уничтожения еврейского населения Крыма были зверски убиты около 70 – 80 процентов крымчакского населения — пожалуй, ни один другой народ Советского Союза не пострадал в процентном отношении столь серьезно, как крымчаки.

*Друзья, мы ошиблись,
Мы в Крыму остались,
На полях этого Крыма
Мы принесены в жертву...
Народ мой, нельзя ли найти
Какое-либо средство против нашего несчастья?
Значит, судьба их такова!
Не забывайте несчастный наш народ,
погибший от рук солдат...*

Перевод В. И. Филоненко.

Так печально и безысходно говорит об этих трагических событиях народная песня на крымчакском этнолекте, написанная в 40-е годы XX в. неизвестным крымчаком, по-видимому, пережившим Катастрофу в отличие от его безжалостно уничтоженных собратьев.

Удар, нанесенный по общине, был столь силен, что она так и не смогла от него оправиться. После войны в Крыму насчитывалось около 700 – 750 крымчаков, в 1959 г. во всем Советском Союзе — две тысячи, в 1989 г. — 1448. В связи с тем, что по современному законодательству государства Израиль крымчаки и караимы подлежат закону о репатриации еврейского населения, за последние годы

достаточно большое число крымчаков выехало в Израиль. В отличие от караимских эмигрантов, крымчаки не составляют в Израиле отдельной общины, смешиваясь там с остальным еврейским населением страны. Небольшая община англоязычных крымчаков-эмигрантов проживает в США, до сих пор не утратив осознания своей принадлежности к этой этнической общности, несмотря на то, что многие из них состоят в смешанных браках с евреями-ашкеназами.

В результате трагических событий XX в. община фактически оказалась на грани гибели: на настоящий момент крымчакское население Крыма составляет всего 204 человека. За годы советской власти были уничтожены кладбища и молитвенные дома крымчаков, современная молодежь эмигрирует в Израиль. И лишь полужабытые строки песни неизвестного крымчакского автора вызывают к нашей памяти:

*Не забывайте несчастный наш народ,
погибший от рук солдат...*

ЛИТЕРАТУРА

Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. — Симферополь, 2000.

Крымчаки // Краткая еврейская энциклопедия. Том 4. — Иерусалим, 1988.

Крымчаки. (Сост. Ломброзо В.М., Реби Д.И.) — Симферополь, 2001.

Филоненко В. И. Крымчакские этюды // Rocznik Orientalistyczny. — 1972. — №25.

Янбай Я. Тюркская литература крымчаков // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Араджиони Маргарита Анатольевна — кандидат исторических наук, зав. отделом этноконфессиональных исследований Крымского отделения института востоковедения НАН Украины. Автор монографии и более 50 публикаций по этнической истории и культуре народов Крыма.

Власов Владимир Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Специалист в области скифо-сарматской и раннесредневековой истории и археологии Крыма, автор около 20 публикаций.

Герцен Александр Германович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, специалист в области средневековой истории Крыма. Автор 4 научных и научно-популярных книг, около 100 статей по истории и археологии нашего полуострова.

Масякин Вячеслав Вадимович — старший научный сотрудник Комитета по охране культурного наследия Автономной Республики Крым. Область научных интересов — история и археология Северного Причерноморья римского времени. Автор 10 статей.

Моисеенкова Людмила Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, специалист по истории западноевропейского средневековья, истории культуры. Автор монографии и более 30 статей.

Кизиллов Михаил Борисович — аспирант Института философии и социологии Польской Академии Наук. Специалист по истории иудейских общин Крымского полуострова, Литвы и Польши. Автор монографии и около 20 статей.

Петрова Элеонора Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Специалист по древнегреческой религии и мифологии; духовной жизни эллинских колоний Северного Причерноморья; истории и культуре Боспорского царства; культуре Крыма XIX–XX вв. Автор 2 монографий и более 100 других научных, научно-популярных и учебно-методических работ.

Сейдалиев Эмиль Исаевич — студент IV курса исторического факультета Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Изучает историю средневековых кочевников.

Храпунов Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Специалист по археологии раннего железного века Восточной Европы. Автор 4 монографий и более 90 статей по истории и археологии Крыма.

Храпунов Никита Игоревич — младший научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины. Специалист по средневековой истории Крыма. Автор около 20 публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	5
КИММЕРИЙЦЫ <i>Власов В. П.</i>	7
ТАВРЫ <i>Власов В. П.</i>	16
СКИФЫ <i>Масякин В. В.</i>	25
САРМАТЫ <i>Масякин В. В.</i>	36
ДРЕВНИЕ ГРЕКИ <i>Петрова Э. Б.</i>	45
РИМЛЯНЕ <i>Масякин В. В.</i>	62
ГОТЫ <i>Кизилов М. Б., Масякин В. В.</i>	71
АЛАНЫ <i>Храпунов И. Н.</i>	87
ГУННЫ <i>Власов В. П.</i>	96
ЕВРЕИ <i>Храпунов Н. И.</i>	106
ВИЗАНТИЙЦЫ <i>Храпунов Н. И.</i>	120
ХАЗАРЫ <i>Герцен А. Г.</i>	140
ПЕЧЕНЕГИ И ПОЛОВЦЫ <i>Герцен А. Г., Сейдалиев Э. И.</i>	162
ГЕНУЭЗЦЫ И ВЕНЕЦИАНЦЫ <i>Моисеев Л. С.</i>	178
КРЫМСКИЕ ГРЕКИ <i>Араджиони М. А.</i>	192
АРМЯНЕ <i>Араджиони М. А.</i>	209
КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ <i>Герцен А. Г.</i>	228
КРЫМСКИЕ ЦЫГАНЕ <i>Араджиони М. А.</i>	241
КАРАИМЫ <i>Кизилов М. Б.</i>	254
КРЫМЧАКИ <i>Кизилов М. Б.</i>	270
Сведения об авторах	284

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «НАСЛЕДИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ»

- поддержка археологических экспедиций;
- проведение конференций, семинаров, круглых столов по археологии, истории, этнографии Крыма;
- издание научной и учебной литературы по истории и археологии Крыма;
- издание карт-путеводителей по крупным и наиболее интересным археологическим памятникам Крыма;
- организация летних молодежных археологических лагерей;
- археологический туризм, эксклюзивный музейный туризм;
- генеалогические исследования (по материалам крымских архивов).

95017, г. Симферополь, ул. Скрипниченко 30/13

Тел.: (0652) 23-03-64

E-mail: heritage@ip-ua.net, ancient@ccssu.crimea.ua

<http://gold.ip-ua.com>

Научно-популярное издание

ОТ КИММЕРИЙЦЕВ ДО КРЫМЧАКОВ

*Народы Крыма
с древнейших времен до конца XVIII в.*

Издание второе,
переработанное и дополненное

Редакторы:
И. Н. Храпунов, А. Г. Герцен.

Корректор А. А. Стоянова.
Обложка Б. Т. Прокопенко.
Компьютерная верстка Б. Т. Прокопенко.

Подписано в печать 03.08.2004 г.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура Peterburg.
Объем 15,4 уч.-изд. л.

Тираж 2000 экз.

ВАТ "Видавництво "Зоря". Зам. 4-8916.

Отпечатано с готовых фотоформ в ОАО «Зоря»
г. Днепропетровск, ул. Журналистов, 7.

Книга представляет собой ряд очерков о народах, населявших Крымский полуостров с древнейших времен до конца XVIII в. Авторы, преимущественно ученые Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, в популярной форме рассказывают об истории этносов, проживавших и проживающих в Крыму. Книга предназначена для преподавателей, студентов, учащихся средних школ, всех интересующихся историей Крыма.

